ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1987

ФЛАГ НА ЛЬДИНЕ

АКТРИСА ДАРЬЯ МИХАЙЛОВА

РЕЙД ПО НОЧНОЙ МОСКВЕ

ТРУДНЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (3122)

23—30 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Михаил Водэ — один из монтажников, которые возводят мост через реку Алдан. (См. материал «Разговор у карты БАМа.)

Фото Геннадия КОПОСОВА

Оформление Е. М. КОЗАКОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.05.87. Подписано к печати 19.05.87. А 00379. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1501. Заказ № 567.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ГОСПРИЕМ

Юрий СУХРАЙХАНОВ,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото)

Давняя дружба связывает «Огонек» с КамАЗом. Десятки бригад производственного объединения борются за право обладать переходящими призами журнала. В этом году делегация «Огонька» вручила хрустальный кубок бригаде сварщиков прессово-рамного завода, которую возглавляет Геннадий Михайлович Селезнев. Переходящий вымпел завоевала бригада операторов и наладчиков завода двигателей Василия Изотовича Красновского.

Вручение наград состоялось во время Всесоюзного коммунистического субботника, и журналисты решили поработать в тот день вместе с автостроителями.

ГОСПРИЕМКА ПОТРЕБОВАЛА ОТ КАМАЗОВЦЕВ НАПРЯЖЕННОЙ РАБОТЫ ВСЕХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ПОНАДОБИЛИСЬ ДОВОДКА ТЕХДОКУМЕНТАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБОРУДОВАНИЯ. ВСЕ ЭТО ДАЛОСЬ НЕЛЕГКО, НО АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛИ ВЫПОЛНИЛИ ПЛАН ПЕРВОГО КВАРТАЛА ПО ВСЕМ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ.

●

Водители-испытатели. Они первыми садятся за штурвалы КамАЗов: «Госприемку одобряем! Качество, надежность машин возросли, мы это первыми почувствовали».

●

Сто двадцать большегрузных автомобилей сверх плана — таков вклад камазовцев в фонд Всесоюзного субботника. В нынешних условиях госприемки это весьма заметная акция автостроителей.

●

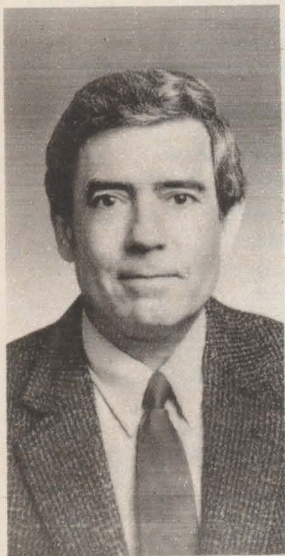
Галина Станотина — сборщица главного конвейера, в Набережные Челны приехала еще школьницей: ее родители возводили корпуса заводов, где теперь она трудится. На вопрос об отношении к госприемке Галина ответила: «Поначалу много простаивали, а теперь нет взаимных упреков между заводами, споров, кто виноват в браке».

КА В ДЕЙСТВИИ

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА

ДЭН РАЗЕР

С марта 1981 года ведущий и одновременно ответственный редактор вечерних новостей компании Си-би-эс. Опрос общественного мнения, проведенный журналом «Вашингтон Джоурнализм Ревью» в 1987 году, показал, что Дэн Разер признан самым уважаемым ведущим, которому доверяет большинство американских телезрителей. Свою журналистскую карьеру Дэн Разер начал в 1950 году в качестве репортера агентства Ассошиэйтед Пресс. Последние 24 года работает в компании Си-би-эс. Американские телезрители помнят его репортажи из Вьетнама, Африки, телерасследования убийств президента Джона Кеннеди, Мартина Лютера Кинга, президента Анвара Садата. А за серию материалов об «Уотергейте» Дэн Разер был награжден почетной в США премией Эмми. Каждый вечер выпуск новостей Си-би-эс, которые ведет Дэн Разер, смотрят 17 миллионов американцев.

Гласность. Ни одно из слов, повторяемых ныне в России Горбачева, так не захватывало ранее воображения западных наблюдателей. Это слово здесь обычно переводят как «openness» — открытость, но я порылся в книжках. Авторитетный советский словарь профессора Смирницкого и Оксфордский русско-английский словарь определяют Гласность не как открытость, а как «publicity» — активная реклама с нажимом на позитивные моменты.

Профессия приучила журналистов часто сомневаться, и я ловлю себя на том, что размышляю о гласности. Что это — новая русская революция в области «openness» или мастерски организованная кампания «publicity»? Или то и другое?

Давайте не будем делать ошибок: воскрешение из забвения писателей, подобных Борису Пастернаку, выпуск на экраны фильмов, подобных «Покаянию», где представлены ужасы сталинизма (вы это называете культом личности), неизвестная ранее прямота прессы и телевидения в освещении недостатков советской действительности—все это является впечатляющим признаком перемен. Кроме того, освобождение из ссылки Андрея Сахарова, получение Анатолием Щаранским разрешения на эмиграцию, перспективы некоторой, разумеется, ограниченной, свободы среди кандидатов на партийных выборах, введение элементов частной инициативы в экономическую систему — все это волнует американского журналиста, годами слышавшего, как крики, требующие реформ, заглушались формальными призывами советской верхушки.

Но журналист должен смотреть глубже и не довольствоваться тем, что на нашем языке называется «возможностью запечатлеть что-то». Где истинное лицо Советского Союза — в предложениях по контролю, обсуждаемых в Женеве, или в присутствии Красной Армии в Кабуле, в возвращении Сахарова в Москву или в разгоне демонстрантов снегоочистительными машинами перед квартирой диссидента? В новом израильском периоде жизни Щаранского или в почти рекордно низком уровне еврейской эмиграции из вашей страны в минувшем году?

Скептикам остается гадать, должны ли широко разрекламированные реформы изменить общество или, как писал Щаранский, просто спасти его?

По-новому боевитая советская журналистика, разумеется, радует, но зубастость американской прессы и телевидения несравнимо выше.

Советское телевидение, возможно, и способно на разоблачение коррупции в каком-то отдельно взятом колхозе, но осмелится ли оно высказать мысль (как сделал это я в программе об американском сельском хозяйстве), что агрополитика в целом провалилась?

Советская журналистика все еще орудие Кремля, который предпочитает теперь разоблачать коррупцию и неэффективность производства, а не скрывать их. И здесь очевиден контраст с американской концепцией журналистики, провозглашающей независимую прессу, свободный обмен идеями, причем зрителю и читателю оставляется право самому сделать вывод. Ну а теперь пример, близкий моему сердцу: американская точка зрения в советских программах новостей.

«Время» охотно показывает страдания американских бездомных, как, впрочем, и мои программы, но советский зритель практически не видит ничего из позитивных сторон в жизни Америки. Американское ядерное оружие и вооруженные силы изображаются советскими средствами массовой информации как нечто зловещее, в то время как советский арсенал является, разумеется, чисто оборонительным. Инициатива Генерального секретаря в Рейкьявике и его анализ того, почему она провалилась, получили полное внимание наших программ новостей. А смогли советские телезрители услышать напрямую от президента Рейгана, кого он винит за этот провал?

Советские граждане — официальные лица, журналисты и рядовые граждане — все чаще появляются в программах американских новостей. Это помогло начисто разбить американские стереотипы образа русских.

Разве не должна советская журналистика добиваться подобной открытости? И все же на меня производит впечатление смелость сегодняшней советской журналистики. Ведь поднимая вопросы и не давая на них ответа, журналисты вызывают также и обеспокоенность.

В обеих наших странах полно таких, кто охотно бы избежал конфронтаций там, где нет легких решений.

Генеральный секретарь бросил вызов угрожающе сильному противнику — окостенелой советской бюрократической системе, заинтересованной лишь в удержании труднодостижимых привилегий и власти. Гласность есть оружие в этой битве. Как убежденный скептик, я настороженно отношусь к «publicity» как таковой. Как американец, думающий о будущем сверхдержав, я приветствую искреннюю «openness» как неотъемлемую реалию обоих наших обществ.

Не надо быть глубоким стариком, чтобы помнить, как былые советские оттепели поглощались мраком сибирской зимы.

Но опять идет весна, волнуя нас обещаниями лучших дней...

ГЕННАДИЙ ГЕРАСИМОВ

С июля 1986 года начальник Управления информации МИД СССР. По данным Центрального телевидения, Геннадий Герасимов — самый популярный ведущий передачи «Международная панорама». Геннадий Герасимов — профессиональный журналист. Он начинал в журнале «Новое время». Затем работал специальным корреспондентом в газете «Труд», а в 1967 году стал политическим обозревателем агентства печати «Новости». В 1972 году АПН направило его в США, где он работал до 1977 года. В 1983 году Геннадий Герасимов был назначен главным редактором объединенной редакции газет «Московские новости». заместителем председателя Правления АПН. Ведущий «Международной панорамы» с 1978 года. Каждый выпуск этой передачи смотрит 80 миллионов человек.

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Благоприобретенные бойцовские качества журналиста - международника подталкивают на схватку. Раз американский журналист — значит, противник. И тяжеловес: Дэна каждый вечер слушают миллионы. Он сообщает этим миллионам вечерние новости, сам (с сотрудниками) их отбирая и препарируя. И еще знакомый: вместе ужинали в престижном «Джоки клаб» в Нью-Йорке (платила его компания Си-би-эс). Знакомый идеологический противник. Сейчас я ему покажу! Разоблачу и дам отпор!

В самом деле, к чему этот менторский тон? К чему эти сравнения, что могут — и чего не могут — советские журналисты и что могут — очевидно, все — журналисты американские?

Разве Дэн Разер не знает, что американская так называемая независимая пресса находится в частных руках и ей поэтому приходится учитывать пожелания принципиального характера от своих владельцев? Их не волнуют детали, открывающие журналистам возможность профессионально порезвиться. Пусть резвятся. Это очень хорошо, занимает зрителя. Однако Разер лукавит, представляя себя на пьедестале, а не в детском манеже, пусть и просторном, но с ограничивающими барьерами.

Пусть вспомнит собственное появление на экране как ведущего программы новостей. Конечно, его уже знали, он уже проявил себя. Но когда с экрана уходил патриарх вечерних новостей Уолтер Кронкайт, к которому американцы за долгие годы привыкли, которого любили, которому доверяли, решение о его замене принимало руководство Си-би-эс. И тут уж, извините, политическая благонадежность была одним из критериев.

И поэтому, сообщая о событиях в Афганистане, Разер не скажет «контрреволюционеры», хотя вполне обоснованно тех, кто выступает против Апрельской революции, называть «контрреволюционерами». Нет, Разер скажет: «Борцы за свободу».

Его словарный запас со странными изъянами. Там отсутствуют такие понятия и выражения, как капитализм, империализм, колониализм, эксплуатация человека человеком. А раз Разер обо всем упомянутом не говорит, зрителя склоняют думать, что ничего этого и не существует.

Дэн мерит на свой аршин. Конечно же, мы не уложимся, у нас свои мерки. И лично я не собираюсь возмущаться позицией Дэна по Афганистану. Она предопределена. Надо это признать, а не лукавить насчет независимости суждений. И, если желать лучше понять друг друга, следует воздерживаться от переноса своего устава в чужой монастырь.

Констатация этих различий не должна мешать искать взаимопонимание. Возможно, даже при этих различиях обнаружится совпадение взглядов или точки соприкосновения. Раньше чаще считалось, что раз идеологический противник сказал «А», то нам надо обязательно сказать «анти-А».

Между тем нам есть о чем поговорить, а не только поспорить. Сказать «Б».

Например, Разера терзают сомнения в исходе битвы с бюрократией. По старинке я бы мог обрушить тут на него стрелы и молнии: как он смеет сомневаться в наших планах и в их предопределенном успехе! Но мышление по-новому говорит мне: «Стоп!» Разве не было такого, что здравые начинания гибли в бюрократическом болоте? Если Разер мыслит по аналогии с прошлым, то, чтобы эту аналогию разрушить, надо показать исключительность сегодняшних обстоятельств. А не искать эпитеты поприлипчивее.

Да, мы начали перестройку. А вот доведем ли ее до конца, зависит от каждого из нас. И если Разер, и не он один, выражает сомнение, следует признать за ним право не принимать за окончательный ответ нашу субъективную убежденность в конечном успехе. Поживем, увидим. Точнее: поживем, покажем.

Другое дело, что с американским коллегой можно поспорить относительно содержания понятия «гласность», в данном случае однозначно не переводимого, недаром Разер обратился к словарям.

Речь, конечно же, не идет о специально задуманной «активной кампании», «мастерски организованной кампании».

Вообще-то в такой кампании не было бы ничего зазорного, и американец Дэн первым признал бы наше право на то, что там сокращенно, по причине частого употребления, называют «пи-ар», то есть «паблик рилейшнз». Термин этот перевести на русский не легче, чем «гласность» — на английский. Это не буквально «публичные отношения» или «отношения с общественностью». Это методы подачи товара лицом, реклама в неторговой области. Но подобного рода кампания, и Дэн согласится, в конечном счете принесет больше вреда, чем пользы, если не будет опираться на солидную базу. Без базы это плохая реклама. В итоге потребитель быстро разберется, что его водят за нос.

Кроме того, Дэн преувеличивает наши способности насчет «активной рекламы». Тут нам у американцев учиться и учиться.

То, что может казаться Дэну «мастерски организованной кампанией», является если не побочным продуктом, то естественной частью политики гласности. Это, опять же его цитирую, «новая русская революция».

Теперь о его негативных противопоставлениях.

Присутствие Красной Армии в Кабуле. Разве Разер не сообщал своим телезрителям о том, что график ее вывода из Кабула уже согласован с афганской стороной, что планы советской оккупации Афганистана не то что отменены — их никогда не было, что дело за прекращением вмешательства со стороны Запада, прежде всего его Америки, что мы поддерживаем политику национального примирения, предлагающую выход, а Америка — нет?

Разгон демонстрантов снегоочистительными машинами. В ушедшую снежную зиму я бы сделал выговор Моссовету за использование машин не по назначению. В любом случае, где и когда это было? А сейчас, поскольку снег уже сошел, как тут быть?

Почти рекордно низкий уровень еврейской эмиграции. Но не власти этот уровень регулируют, как бы ни странно казалось Разеру это утверждение. Уровень зависит от числа заявлений, которые должным образом и с должным вниманием рассматриваются. А число это не растет. Надо не советские власти упрекать, а причины искать. И одна из причин: люди верят в гласность и демократизацию и хотят принять участие в обновлении нашей жизни. Как говорится, от добра добра не ищут.

Что касается утверждения Дэна Разера насчет того, что «советская журналистика — все еще орудие Кремля», то оно относится к категории упрощенческих обобщений типа «американская журналистика остается орудием Уолл-стрита». Наша журналистика партийная, мы этого вовсе не скрываем. Ваша буржуазная журналистика — тоже партийная, хотя вы это скрываете. На мой взгляд, в Соединенных Штатах — однопартийная система. У власти партия богатых. Они могут между собой соперничать, спорить, расходиться во взглядах на разные мелочи, делиться на демократов и республиканцев. Но именно эта партия определит, что в день Первого мая на телеэкранах не будет репортажа из Чикаго с Сенного рынка, откуда пошел по планете Первомай, что день общей победы над фашизмом будет проигнорирован как «никому не интересный», и т. п.

В то же время американские журналисты критикуют недостатки американского общества, а советские журналисты критикуют, в последнее время особенно, недостатки советского общества.

Насчет американского слова на советском телевидении: оно звучит. Советское слово звучит чаще. Но, между прочим, советское слово почти всегда звучит по-английски. Если завтра пригласить американцев выступить по советскому телевидению, соблюдая принципы взаимности, по-русски, сколько откликнется? Не говорит ли эта деталь, кто больше стремится к взаимопониманию?

И не только в телевидении дело. Если взять шире, включить, скажем, публикации книг в переводе, прокат кинофильмов, то Разеру придется ретироваться посрамленным. Мы знаем об Америке больше и шире, чем Америка знает о нас.

Конечно, надо расширять взаимопонимание. Но нет в письме Разера указания, для чего. Не просто для расширения кругозора сограждан. В этом смысле наши страны, возможно, в долгу перед Зимбабве, Лаосом или Эквадором. Нам очень важно лучше знать друг друга, потому что наши ракеты нацелены друг на друга. И если мы лучше будем знать друг друга, то громче спросим: «А зачем?»

МУЗЫКАНТЫ ИЗ СТРАНЫ СУОМИ

Недавно посольство Финляндской Республики в Москве организовало интереснейший музыкальный вечер, где в сопровождении пианистки Лиисы Кархило играл выдающийся виолончелист из Финляндии Арто Норас.

Самые различные сферы человеческой деятельности охватывают разносторонние связи и контакты, существующие между нашей страной и ее северным соседом — Финляндией.

Немалую лепту в развитие этой дружбы постоянно вносят и деятели искусства, поскольку культура любой страны—непреходящая ценность ее народа, один из лучших способов познания его души.

Лииса Кархило, супруга Чрезвычайного и Полномочного Посла Финляндии в СССР г-на Аарно Кархило, окончила Академию имени Яна Сибелиуса, затем продолжала образование в музыкальной академии в Вене, а также в Соединенных Штатах Америки. В 70-е годы обучалась у советского педагога Генриетты Мирвис под руководством известного музыканта профессора Якова Зака.

Живя в Москве, Лииса Кархило обычно выступает вместе с советским скрипачом — заслуженным артистом РСФСР Григорием Жислиным. Их дуэт не раз звучал на концертах в Москве, в Ленинграде и Таллине.

Выступивший на вечере в посольстве Финляндии замечательный музыкант Арто Норас — один из видных виолончелистов нашего времени. Он обладатель 1-й премии Парижской консерватории и серебряной медали на конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве в 1966 году. Критики отмечают его виртуозность и искренность исполнения, способность создавать по-настоящему красивое, редкое для виолончели звучание.

«Это чрезвычайно тонкий художник,— говорит о своем коллеге Л. Кархило,— с большим разнообразием красок и нюансов в исполнении. Порой он очень легок и изящен, а иногда необычайно глубок. Ни одной ноты он не играет без настоящего чувства. Он бесконечно честен в музыке, не разрешает себе никаких компромиссов. Сегодня многие музыканты владеют совершенной техникой, но лишь немногие умеют облекать звуки в конкретную форму, как это делает Норас».

С именем Нораса связано и создание ежегодного летнего фестиваля камерной музыки в маленьком живописном средневековом городке Наантали.

— Одна из целей фестиваля,— говорит Норас,—возбудить у финской публики интерес к лучшим образцам классической и современной камерной музыки, представить первоклассных исполнителей. Но лично для меня важно не только это. Поначалу исполнителями на фестивале были только финские музыканты. Но затем фе-

стиваль приобрел широкий международный характер. Наша публика может в течение двух недель услышать выдающихся музыкантов современности. Играя вместе, мы приобретаем замечательных друзей, создаем своеобразное музыкальное братство. И это наиболее знаменательно. У нас сложились прекрасные человеческие отношения со многими музыкантами мира.

Из вашей страны мы ждем к себе камерный оркестр Грузии под руководством народной артистки Грузинской ССР Лианы Исакадзе. Лиана хорошо известна нашей публике и любима ею как прекрасная скрипачка — лауреат 1-й премии на конкурсе имени Я. Сибелиуса в Хельсинки. В качестве солиста с оркестром выступит ваш талантливый пианист Алексей Любимов.

— Какую роль в вашей артистической жизни сыграла победа на конкурсе имени Чайковского? Планируете ли вы в будущем выступления в нашей стране?

— Это был мой первый и единственный конкурс, как говорится, начало всех начал. Победа на конкурсе в значительной степени помогла мне обрести профессионализм, явилась своего рода стартом, который «вывел меня на орбиту» лучших концертных залов разных стран мира.

А насчет выступлений — очень хотел бы и надеюсь на это. Госконцерт пригласил меня в Москву и Ленинград с концертами будущей весной. Буду ждать встречи с вашей взыскательной, но и очень благожелательной публикой, чье признание 20 лет назад было для меня «путевкой в жизнь».

Елизавета ШТАЙГЕР

В романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» рассказана легенда о манкуртах, рабах, не помнящих своего прошлого: «...куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других».
Наш разговор — о Памяти и «Памяти», о том, насколько важно не стать манкуртом на родной земле.
Не забывая при этом слова замечательного русского мыслителя Петра Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия».

О ЧЕМ ШУМ

Анатолий ГОЛОВКОВ, Алексей ПАВЛОВ

Последнее время мы все чаще с тревогой говорим, все чаще ощущаем утрату чего-то крайне важного. Нас все больше и больше задевает разрушенный дом на старинной столичной улице. Бездарно составленный школьный учебник по истории. Речка, имя которой уже не помнят даже местные жители. А отсутствие семейных альбомов в наших уставленных стандартной мебелью квартирах? А мальчишки у подъезда, которые не знают даже названий прекрасных народных игр, когда еще наши ровесники вовсю резались в чижа, лапту, городки...

Именно этим обеспокоены энтузиасты — участники московского объединения «Память». Всю статью можно было бы посвятить перечислению их добрых, самоотверженных дел. Эти люди становятся на пути механизмов, направляемых бездушными приказами на разрушение памятников нашей культуры. Они способствуют возврату исконных имен улицам и площадям, народных традиций, фольклора. Главное же — своей деятельностью движение «Память» предостерегает нас: оказавшись вне истории, мы неминуемо станем беднее духом, мельче.

Но все сказанное касается только подлинных защитников истории и памяти. Увы, горько говорить об этом: в их среде, прикрываясь, несомненно, высокими целями, существуют кликуши. Они, последнее время не утруждаясь даже маскировкой, сеют своими широковещательными выступлениями идеи весьма сомнительные, порой ставя под сомнение даже принципы социалистического интернационализма.

...Зал одного из московских дворцов культуры. Над сценой славянской вязью выведено: «Память». И три транспаранта, стилизованных под хоругви, на одном: «Говорят в Москве — слушают по всей стране!», на втором: «Правда суда не боится!», на третьем: «Мужество каждый день!»

Надо сказать, объявлений насчет того, что в Доме культуры завода «Динамо» состоится очередное заседание историко-патриотического объединения «Память», нигде не вывешивалось. Однако точно в срок достаточно вместительный зал был набит до отказа. Ровно в семь вечера из динамиков грянуло: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...», после чего «бой за столицу» начался непосредственно на сцене.

Появился ведущий Николай, молодой человек, в нескольких словах он обрисовал «всю тяжесть положения», в котором, по его мнению, находятся «истинные патриоты». И воздал должное мужеству тех, кто, невзирая ни на что, собрался в этом зале. Враги, преследования которых он так опасался, впрямую не назывались, но, судя по всему, их власть и возможности были велики. (Мы узнали, что кого-то из активистов «Памяти» «зверски избили среди бела дня прямо на улице Горького при полном попустительстве милиции».) Затем Николай призвал собравшихся и дальше стойко держаться перед напором темных сил и предоставил слово первому оратору.

«Рабочий-трибун» — именно так была обозначена его функция — прежде всего сообщил: «...на работе женщины мне говорят, вы такой скромный, как все русские люди». А дальше рубанул правду-матку: «Сорок первый год пришел в нашу жизнь, а мы даже не чешемся!» Столь отчаянное заявление поразило в зале далеко не всех. И «трибун» еще минут десять пророчил о врагах, все туже стягивающих железное кольцо.

Врагов оратор так и не назвал, но его проводили овацией.

Вышел следующий, явно не без художественных способностей. Во всяком случае, этих способностей хватило, чтобы карту столицы, представленную почтенной публике, раскрасить в два цвета: так были обозначены сохранившиеся еще районы старой застройки — и безвозвратно порушенное. «Не буду делать выводов,— сказал художник,— но если продлить эти линии, получится — посмотрите! — стрела... И куда она упирается? В гостиницу «Россия». Пусть каждый сам подумает: с т р е л а — в Р о с с и ю!»

Поаплодировали и ему.

Следующим был «подвижник Севера». Этот подверг придирчивому анализу афишу Рижского ТЮЗа. По вышеприведенной методике он тоже провел мысленную линию от меча на одном до фигуры русского мужичка на другом углу афиши. «Это до какой наглости дойти надо! Мечом — в русского человека?!» Критическому осмыслению был подвергнут и репертуар театра. И опять последовал призыв «делать выводы».

Ораторы сменяли друг друга, и мы узнавали все новые детали «чудовищного заговора». Все те же, так пока и не названные «враги» не только разрушают памятники старины на московских улицах, не только запрещают вечера с патриотической тематикой в Центральном Доме художника, не только навязывают там же «подрывной цикл лекций «Старинные города Италии», но и прокладывают линии метро «так, чтобы можно было без труда взорвать важнейшие госучреждения». Целенаправленно навлекают на Москву эпидемии («А что? Учеными доказано, что малиновый звон московских колоколов ионизировал воздух, чем уничтожал бактерии, а сейчас, когда церкви порушены...»).

Признаемся: не верилось в то, что слышали и записывали в блокноты и на магнитную ленту.

Но все это было лишь прелюдией к главному номеру программы: выступлению «журналиста и фотохудожника» Д. Д. Васильева. Этот говорил около трех часов. «Я не знаю, удастся ли мне еще когда-нибудь выступить перед вами. В любой момент я могу оказаться на улице с проломленной головой. Так что каждый раз хочется высказаться до конца...»

И высказался. Во всяком случае, «враги» наконец были названы со всей прямотой «беспартийного большевика» (надо заметить: в чем угодно можно обвинить лидеров «Памяти», только не в чрезмерной скромности; на самооценки они не скупятся, так про себя и говорят: «великий народный композитор-песенник», «бесстрашный народный трибун», «мы, ученые-патриоты», «великий борец за трезвость»...). Так вот, во всех наших бедах, во всех трудностях «виноваты исключительно международ-

ИТЕ ВЫ?

ный сионизм и масоны». Они, дескать, «проникли во все поры нашего общественного организма», поставив своей совместной целью парализовать его. А поскольку главным препятствием для этого является национальное самосознание русского народа, то «народ-богоносец» способен противостоять дьявольским козням зарвавшегося врага.

Вот, мол, на что «они» замахнулись! Сделана попытка сперва расшатать «вековые устои», а потом и споить обескровленную нацию. Что и говорить, пьянство — наша болевая точка. Но стоит ли доходить до анекдотичных заявлений: «Ученые установили, что в кефире содержится полтора процента алкоголя. Значит, кому-то выгодно спаивать наших детей». Но не только анекдотами пересыпает свои выступления Васильев. Есть и примеры действительно неудачных градостроительных решений, нанесших определенный вред облику столицы. Но на этом серьезность аргументации заканчивается — следует набор «веских обвинений», выявление «заговорщиков»...

Осознаем всю ответственность этой параллели, но трудно вообще отделаться от ощущения удивительной схожести «идейных установок» Д. Васильева и теоретиков черносотенного движения начала века. Вот перед нами изданная на волне реакции, в 1907 году, книга С. И. Смирновой «Борцы за свободу». Обрушиваясь на революционеров, Смирнова характеризовала их программу следующим образом: «Главное — приучить народ к тому, что ничего святого у него нет и не должно быть. Опасно оставлять ему веру в какую-нибудь общую всему народу святыню, потому что он может тогда поголовно встать на ее защиту». Через восемьдесят лет эти же слова мы услышали со сцены московского Дома культуры; причем и в том, и в другом случае «общей для народа святыней», которая единственно может оказать ему добрую услугу, провозглашалось православие. Вряд ли случайно в трехчасовой речи Васильева и Великая Отечественная война была упомянута лишь в связи с пожертвованиями, которые русская церковь делала в фонд обороны.

Васильев не сомневался: положение критическое. («Построили грильбар в помещении бывшей церкви на Хавской улице... Я не знаю, что такое «гриль». Но недалек час, когда там откроют публичный дом и в качестве наложниц начнут использовать наших жен и дочерей!»)

Это уже намеренное нагнетание истерической подозрительности и страха. Чего стоит только одно принятое на наших глазах «Обращение историко-патриотического объединения «Память» к русскому народу»! Вслушайтесь: «...весь удар масонов и сионизма в нашей стране направлен по русскому народу и нашему Отечеству... Смелее находите и называйте вражеские конспиративные квартиры... Ищите и выдвигайте истинных лидеров в нашей среде... Проводите по всей стране манифестации и референдумы... Установите контроль над средствами массовой информации, выявляйте продажных журналистов и расправляйтесь с ними... Родина в опасности! Мужество каждый день!..»

Маниакальный бред? Но ведь сотни людей слушали! А сколько магнитофонных кассет с записями речей Васильева разошлось по городам и весям!

Сегодня гласность и демократизация всех сторон нашей общественной жизни постепенно становятся нормой. Скажем откровенно, новые реалии даются нам нелегко, велики издержки. И вот сталкиваемся с проблемой: можно ли (во имя той же гласности, во имя демократии) предоставлять трибуну для подстрекательства, лжи, опасной социальной демагогии?

До чего же необходимо нам, советским людям, единство! Надо повседневно ощущать, как соединены мы прекрасной целью перед лицом Революции, в канун ее 70-летия. Но, понимая, сколько еще надо сделать для успеха, нельзя не видеть и тех, кто этого успеха не хочет. Сегодня трудно быть прямым противником перестройки — слишком высок в народе авторитет обновления. Поэтому снова и снова делаются попытки пристроиться к процессу, обратить его к собственной выгоде, и только к ней.

Как убедительно одно за другим принимаются самые высокие решения о защите памятников истории и культуры, создан советский Фонд культуры, спасены и восстановлены многие национальные сокровища и сокровищницы! Но наряду с развитием этого движения повторяются попытки вкрасться, внедриться в него, чтобы взорвать изнутри, скомпрометировать, вульгаризировать, использовать справедливые идеи себе на потребу. По сути говоря, делаются попытки отклонить в сторону, задержать дело борьбы за сохранение и восстановление духовных богатств. При всей своей актуальности процесс этот историчен, укоренен в многолетнем опыте, надо лишь задумываться, осмысливая его. Следует согласиться с недавними словами члена-корреспондента АН СССР О. Трубачева, напомнившего нам в «Правде» пушкинскую строку: «О чем шумите вы, народные витии?..» Народные витии — это ведь не "народные ораторы», как можно было бы понять сейчас, это те, кто присваивает себе право вещать от имени целых наций. Именно в их и им подобных действиях Пушкин увидел злоупотребление справедливыми национальными лозунгами. Именно против злоупотребления гневно и бесстрашно выступил Пушкин. Прошло время, а отповедь «Клеветникам России» гремит, как будто написанная вчера».

Что же за общество — «Память»? Откуда оно появилось?

В начале восьмидесятых объединение было организовано при Министерстве авиационной промышленности СССР людьми, которые поставили перед собой цель — остановить разрушение памятников истории и культуры Москвы. Благую цель. Мы помним, насколько, к сожалению, большое поле деятельности открывалось тогда перед энтузиастами. Ведь те, кто по долгу службы обязан был вставать на защиту этих памятников, подчас действительно бездействовали. Поэтому-то за «Памятью» пошли. Сотни, тысячи людей выходили на организованные объединением субботники, собирались на лекции, где выступали специалисты, историки, писатели.

Потом положение стало меняться, в руководстве объединения появились люди, не имеющие ничего общего ни с авиационной промышленностью, ни с историей. Все больше энергии стало уходить не на реальные дела, а на поиск мифических врагов. Тогда «Память» перебралась во Дворец культуры имени Горбунова. Но и там (после вечера с невинным названием «Москва, как много в этом звуке...») не удержалась. Партком, обсудив безответственные речи, которые там звучали, и приняв во внимание, что в зале практически не было рабочих, отказал «Памяти» от дома... И бездомное объединение пошло гулять по свету.

После вечера в ДК завода «Динамо» мы позвонили его директору: «Знаете ли, что за мероприятие вы провели?» «А как же, студенческий вечер культпросветучилища!» — с готовностью ответила директор. Оказалось, что один из членов «Памяти», преподаватель этого училища, элементарно надул администрацию клуба. Будущие культпросветработники так ничего о своем вечере и не узнали, зато разномастные «радетели национального самосознания» получили возможность наговориться вдосталь.

Примерно по такой же схеме в феврале этого года «Память» попробовала провести вечер в конференц-зале гостиницы «Юность». На стол управляющего делами ЦК ВЛКСМ, в чьем ведении находится гостиница, легло официальное письмо, подписанное директором Республиканского комбината монументально-декоративного искусства Художественного фонда РСФСР В. В. Егиазаровым. Оплату аренды зала щедрые монументалисты гарантировали. В беседе с нами Егиазаров заявил, что он полностью солидарен с идейными установками «Памяти». Но может ли это служить основанием оплачивать личные пристрастия за государственный счет?

Вечер в «Юности» не состоялся по техническим причинам. Правда, эти причины собравшимся возле гостиницы «патриотам» показались неубедительными. Успокоить их смог лишь прибывший на место первый секретарь райкома партии. Да и то только после того, как он предложил встретиться и обсудить все возникшие проблемы в помещении райкома.

Эта встреча была задумана, как дискуссия о том, что действительно стоило обсуждать: о сохранении исторической памяти, об отношении к культурным ценностям. Для участия в ней райком пригласил видных ученых. Уровень предлагаемого разговора был определен уже участием в нем члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. Любой человек, действительно интересующийся русской историей, почел бы за честь и редкостную удачу послушать руководителя Новгородской археологической экспедиции, одного из крупнейших в стране специалиста по русской старине. Мало кому обязана память Отечества, как Янину, приблизившему к нам голоса прошлого.

Безмерно стыдно за то, что люди, называющие себя патриотами, выступление В. Л. Янина, по существу, сорвали. Не хотелось бы обвинять всех членов «Памяти», но задуматься над тем, почему безграмотные разглагольствования на исторические темы Васильева оказались им ближе, стóит! Но чему, собственно говоря, удивляться, если даже деятельность академика Д. С. Лихачева «фотохудожник» беспардонно охарактеризовал как работающую... на сионизм. Об этом, в частности, сообщила газета «Вечерний Свердловск», описавшая недавний визит Васильева к своим уральским единомышленникам. Газета процитировала откровения московского вояжера, произнесенные им публично.

«Для Васильева,— пишет газета,— средство борьбы за сохранение национального культурного достояния — война. Опускаясь до истеричного кликушества, он буквально вопиет о том, что кругом враги народа, что их нужно «рвать на куски и выбрасывать в форточки», что «мы сотрем в порошок всех, кто встанет на нашем пути»».

В этой связи удивительно современно звучат слова великого гражданина России М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Человек и без того уже наклонен воспитывать в себе чувство национальности более, нежели всякое другое, следовательно, разжигать в нем это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи предоставлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и особничества».

Процесс наследования духовных ценностей не надо понимать упрощенно. Стремясь быть наследниками революционных демократов, творцов демократической культуры, борцами за народные силу и знание, не одно уже поколение советских людей на практике сталкивалось с очевидностью того факта, что и традиции, противоположные упомянутым, довольно стойки. Очень больно, что в процессе перестройки голоса пристраивающихся демагогов слышны так громко. Но — а чего же следовало ждать? Легкой капитуляции тех, кто годами и десятилетиями уже противостоял процессам, объединенным сегодня в деле и понятии перестройки? Они ведь и генетику в свое время искореняли, и кибернетику запрещали как явления вредные, чуждые, опасные и непатриотичные. Ну, не сегодняшние демагоги, так вчерашние, но линии связи видны невооруженным глазом; многие линии переплетаются в сегодняшней нашей жизни, и должно достать нам исторического опыта для того, чтобы вдумчиво разобраться в них. Разговор о бдительности сегодня актуален необычайно. Перестройка должна уметь защищаться, как всякий революционный процесс,— и защита от демагогов нужна ей не в последнюю очередь. Обидно в который уже раз видеть, как в патриотизме — фальсифицируя, подгоняя его под собственные ответы — пытаются отрыть для себя норы те, кто упорно намерен бороться за личные цели под высокими знаменами общего дела. Ну что же, надо сделать все, дабы гласность была со сторонниками перестройки, помогая нам против политических истерик и провокаций любого рода.

Сегодня у нас очень много дел. Так можно ли допустить, чтобы от решения реальных проблем нас уводили к поискам мифических врагов?

Память может, должна нести в себе чистую и светлую энергию созидания. Но искаженная, отравленная память может превратиться в слепое орудие разрушения.

По В. И. Далю, одно из значений слова «память» — это духовное завещание. Нам небезразлично, чтó по такому завещанию мы получим от предков и чтó, следовательно, передадим потомкам. От нас самих зависит, как мы употребим его колоссальную энергию. Память не малиновый звон в ушах обывателей. Это набат, призывающий нас требовательно и честно вглядываться в себя, в наше сегодня. Давайте же выбирать, что помнить и кого слушать!

НУЖНЕЕ ВСЕГО — ГАРАНТИИ

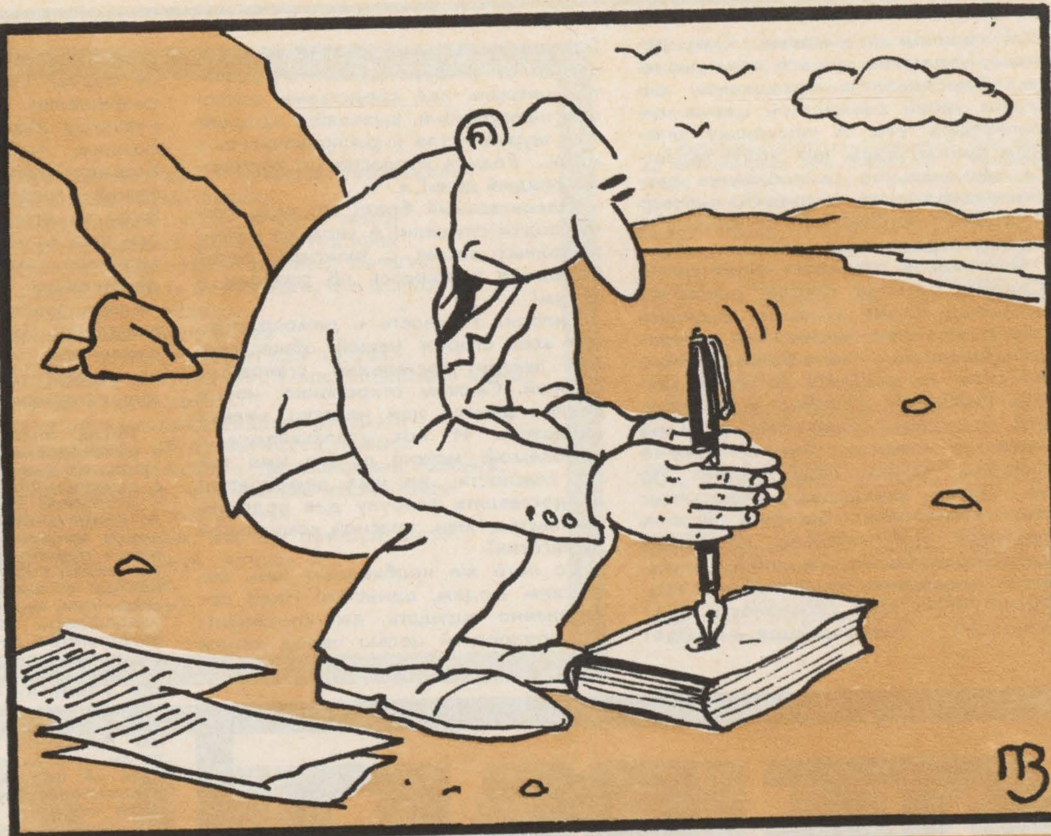

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Татьяна ИВАНОВА

ЧТО ЧИТАТЬ!

ПОДТЕКСТ ТЕЛЕФОННОГО СПРАВОЧНИКА

Вы когда-нибудь держали в руках газетно-журнальный каталог подписки? Вы знаете, что у нас около полутора тысяч журналов? Конечно, далеко не все они литературно-художественные. Но и литературно-художественных — многие десятки. В поле моего зрения постоянно около сорока наименований. А журнальные обзоры, которые вы читаете в «Огоньке», крутятся вокруг десятка журналов, не больше. Всегда радуюсь, когда можно посоветовать людям прочесть что-то еще и в «Доне», в «Волге», «Подъеме», «Памире», «Радуге», «Сибирских огнях», «Дальнем Востоке», «Полярной звезде»...

А вы держали когда-нибудь в руках справочник Союза писателей СССР? Вы знаете, что у нас больше десяти тысяч писателей? В моей библиотеке этот справочник — одна из самых толстых книг. Между прочим, в этой замечательной книге на ее полных глубочайшего смысла страницах, где за каждым словом в буквальном смысле живой человек, знаете, какой в последнее время я прочитываю подтекст? Ну, какой же, право, подтекст можно извлечь из телефонно-адресного справочника? А вот можно...

В значительной части эти талантливые имена, эти известные фамилии принадлежат людям, не только пишущим стихи или прозу, но и решающим судьбы нашей литературы. В справочнике множество имен главных и не самых главных редакторов—издательских, журнальных, множество заведующих отделами прозы, поэзии, критики... Кто из них в последние два года не говорил, не писал, не голосовал, думаю я, за то, что перестройку каждый из нас должен начинать с себя, с себя самого? И какие замечательные, по-писательски свежие, незатертые слова при этом произносились, как убедительно все звучало!

Кто же поступил в соответствии с этими словами? Много ли таких? Давайте вместе посмотрим.

«Полярная звезда», первый номер. Он подписан к печати еще в декабре, к подписчикам пришел в апреле. Это довольно симпатичный номер, весь отданный молодым. Приятно смотреть на интеллигентные лица, радостно, что откровенных провалов нет: и рассказы, и повести, и стихи, и статьи грамотны, не бесталанны, по мысли честны и светлы. Но самое интересное в номере — краткие биографии авторов, потомственных северян, молодых и даже юных, успевших, однако, и поработать и получить образование, молодых людей из разных городов страны, решивших связать свою жизнь с Севером.

Но я, однако, не могу решиться отправить вас в библиотеку за этим номером журнала: ни об одном произведении нельзя сказать, что оно безоговорочно интересно, что его безусловно стоит прочесть.

«Литературная Грузия», второй номер. Здесь началась публикация романа Григола Абашидзе «Соболезнование» в переводе Владимира Солоухина. Событие могло бы быть значительным: известного грузинского писателя переводит известный русский писатель. Надо бы радоваться. Но, как ни горько говорить об этом, перевод едва ли не больше похож на подстрочник. Какой-то суконный язык... Нет, и это я не могу вам рекомендовать, не решусь. Возьмете — потом меня же и ругать будете, скажете, что время потратили, верить перестанете. А я этого не могу допустить, поскольку очень дорожу вашим доверием.

Но вернемся к журналу. Кроме романа, здесь есть еще несколько критических статей, начало книги Мэлора Стуруа «Музы и маски»—о «звездах» американского искусства, есть рассказ о трагической фигуре грузинской литературы Николо Мицишвили, есть интервью с Нодаром Думбадзе, не увидевшее свет в то время, когда взято. Вот, пожалуй, и все. Добротно? Да, добротно. Спешить в библиотеку за журналом? Нет, не спешите...

«Север» в феврале закончил публикацию повести В. Есенкова о Достоевском. Есть уважаемые мною критики, которые приветствуют замысел этого литератора написать по повести или роману обо всех великих русских писателях. Мой взгляд на работы В. Есенкова иной. То, что он опубликовал когда-то о Гоголе, потом о Гончарове, было, по-моему, хуже, чем плохо,— манерно, неосновательно, скудно по мысли. О Достоевском... Что ж, если вы ничего никогда не читали о Достоевском и самого Достоевского тоже не читали, вам, возможно, будет интересно...

В номере есть еще повесть К. Лаврентьева «Из жизни Глафиры Семеновны» — о тяжелой участи лесорубок в военную пору. Есть подборка пушкинских материалов и большая литературоведческая статья о Николае Заболоцком...

Второй номер «Волги» опубликовал очень горькую повесть Анатолия Данильченко «Счастливый». Но больше мне не на чем задержать ваше внимание.

Три первых номера «Сибирских огней» в этом году держит роман Татьяны Набатниковой, о котором я упоминала в прошлом обзоре,— вот его рекомендую для чтения без опасений. И увлечетесь, и волноваться будете, и героев полюбите, и расставаться с книгой будет жаль. Но одно заметное произведение на три номера толстого журнала — не мало ли?

Про «Дальний Восток» сказать мне совсем нечего... Во втором номере «Даугавы», пожалуй, интереснее других беседа с Натаном Эйдельманом. Не на чем остановить взгляд в третьем номере «Подъема». Если бы не продолжение романа В. Дудинцева «Белые одежды», так и в третьем номере «Невы» не на чем было бы остановиться. Февральский номер «Дона» держится на продолжении романа Б. Можаева «Мужики и бабы», «Радуга» тоже держится на романе с продолжением — «Мадонна с пайковым хлебом» Марии Глушко. Держится с большим трудом, поскольку роман весьма слабоват. А есть еще, например, такой журнал — «Библиотекарь». Тоже довольно толстый, тоже, кажется, гуманитарный, правда? Так он вообще ни на чем не держится: в трех номерах года ни единого интересного материала.

Ну, так что же в подтексте? Можно ли так плохо использовать драгоценную журнальную площадь? Долго ли будет она так плохо использоваться? И много ли литераторов, начавших перестройку с себя? Я имею в виду литераторов при литературных должностях, тех, от кого напрямую зависит, интересный или неинтересный выйдет, например, в свет журнал.

Трудно многим с этим смириться, но инстанции, которая «навела бы в литературе порядок», ведь действительно не существует. Нет такого «верха», который мог бы приказать всем печатать только талантливые повести и романы — и деться некуда, все начали бы печатать. Нет таких высших «литературных начальников», от которых бы напрямую зависело, хочется читать, например, журнал «Памир» или не хочется. Журнал «Памир» делается не в Союзе писателей, не в отделе пропаганды обкома партии, не в отделе культуры ЦК — он делается редакцией журнала «Памир». И «Радугу» делает редакция «Радуги». И «Простор» — редакция «Простора». Ну, что тут предпринять? Где искать виноватых? На кого кивать?

Те журнальные редакторы, те заведующие отделами, те члены редколлегий, которые сейчас ищут в киосках журналы «Знамя» и «Новый мир»,— чего они ждут, каких указаний, каких распоряжений, каких перемен, чтобы перестроить работу своих собственных журналов? Я не знаю ответа на этот вопрос. Знаю только, что их ожидание в бездействии затягивается. И то, какими быть их журналам, зависит только от них, от них одних и ни от кого больше.

О РОЛИ НАШИХ ЛИЧНОСТЕЙ

В «Сибирских огнях» опубликована статья критика Анатолия Кобенкова «На злобу сердца». Автор проанализировал поэтические книги Восточно-Сибирского книжного издательства, вышедшие в 1985 году. Заслуживает уважения хотя бы то, что человек просмотрел всю поэтическую продукцию издательства за год. Журналисты говорят в таких случаях о хорошей фактуре. Для критика фактура — дело отнюдь не последнее. Но пренебрегают ею многие: прочтут две-три книги и делают на их основе глобальные обобщения, далеко идущие выводы. Потому манера Кобен-

кова, его добросовестный подход заслуживает похвалы.

Цитаты, извлеченные критиком из поэтических книг, во всяком случае, большинство цитат, демонстрируют и отсутствие поэтического дара, и едва ли не полное отсутствие мастерства, и даже вопиющую неграмотность. Критик комментирует цитаты, стараясь быть по возможности деликатным, тактичным, избегая сильных слов. Не забудем: он ведь пишет о своих земляках — поэтах, редакторах, издателях, рецензентах.

Прочитав все обильные выдержки из стихов, целые стихотворения, приведенные в статье А. Кобенкова, невозможно не прийти к одному очень грустному выводу. Если филологическая культура издательства так низка, если поэтами и даже мэтрами поэзии считаются такие попросту малограмотные авторы, чего же, какой литературы можно ждать и от местного критика, анализирующего местную поэзию? Вот послушайте, что пишет местная знаменитость, удостоенная «Избранного», например, о Пушкине:

...По-царски ел, по-царски пил.
А если был кем недоволен,
Тому по-царски рожу бил.

Кто-нибудь скажет, что это строки, вырванные из контекста. Но можете ли вы вообразить себе текст, где подобные строки были бы хороши, уместны? И вот эти-то фантастические как по смыслу, так и по исполнению строки надо тактично разбирать, потому что — не забудем — перед нами местная знаменитость, тридцать лет издающаяся и за тридцать лет работы в поэзии ничего, кроме похвальных рецензий, о себе не читавшая.

Поневоле притупится чутье, поневоле начнешь путать плохое с хорошим, постепенно забудешь, чему учили на филологическом факультете, перестанешь верить себе, если такое печатают, если такое хвалят. Каково жить-то и работать критику, особенно молодому?! Он и становится косноязычен, мысль его делается неповоротлива, неясна...

Увы, этими недостатками грешит и статья А. Кобенкова. Но судить его за это не поднимается рука. И не только по вышеназванной причине. И не только потому, что он предпринял большой труд. А потому еще, что он делает из показанной им полной картины весьма точные выводы. И о недостаточной культуре, однообразии, низкой грамотности поэтических сборников. И о том, что позиция редакторов Восточно-Сибирского издательства удивительна: то, на что они в первую очередь должны указывать авторам книг — языковая неряшливость, вкусовые провалы,— все это их почему-то ничуть не смущает.

Вот и давайте думать о перестройке в литературе. Что, если не внутренняя несвобода, закрепощенность, душевное рабство, заставляет многих из нас ждать перемен «сверху», связывать надежды на улучшение с заменой одних личностей на крупных литературных перекрестках другими личностями? Разве сами мы, любой из нас — не личности? Почему же мы так легко миримся, разве от нас ничего не зависит? Почему же мы чего-то ждем, выжидаем, не перестраивая свою собственную работу? Почему, даже говоря о перестройке, мы подчас лицемерим: говоря «начнем с самих себя», нисколько в это не верим.

«Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба. И тут кончается искусство...» Откройте третий номер «Юности», прочтите статью Александра Еременко. Что-то не возникает у меня желания искать в ней логические несоответствия, рассуждать о стиле изложения, даже анализировать систему доказательств. Статья? Да нет, это и не статья. Человеческий документ? Ох, как стираются слова от частого употребления! Вопль — вот что это такое. А может быть, стон. Или крик. Когда человек стонет, разве мы станем смотреть, как он кривит губы, в какую сторону протягивает руки, как повернул голову? Нет, мы бросимся помогать. Потом, когда его боль уймется, мы можем даже и сказать ему, что он напрасно так уж жалобно стонал, мог бы и сдержаться, что он зря так громко вопил, кричал так отчаянно — можно бы и получше собой владеть, покрепче держать себя в руках. Можно даже и намекнуть ему, что причина боли — в нем самом и не надо искать виноватых. Предположим, пилит человек дерево, а оно на него и свалилось. Ясно же, что не так пилил, не умеет. Но сначала все же надо помочь ему выбраться, правда? Помочь освободиться.

«Такой театр, такой разгул цинизма и безнаказанности, такие типы, такое сочетание невежества и коварства, такие бездны человеческого падения»...

«Театральный роман» — идиллия по сравнению с тем, что творится в нашей редакционно-издательской практике. А здесь творится, я не боюсь этого утверждения, самое страшное — растление начинающего автора».

«Чем талантливее автор, тем мощнее отталкивает его аппарат. И наоборот, чем посредственнее, тем аппарат сильнее притягивает... Они объективно поставили мощный заслон молодой литературе. Это факт, что об этот бетон разбилось предшествующее нам поэтическое поколение».

«Почему они вовремя не испугались комсорга-десятиклассника, убившего подругу, чтобы сохранить свою карьеру? Не они ли развратили его ура-комсомольскими стишками, лакирующей литературой? За государственный счет. То Запада они боятся. То снежного человека боятся. А друг друга они не боятся, когда публично заявляют, что рок-музыка — это проявление «сатанизма»?»

«Я пишу о судьбе молодого литератора. И я вижу, как определенный круг писателей, критиков и поэтов, объявив себя держателями акций национальной идеи, насаждают политику травли в литературе...»

Статья называется «Двенадцать лет в литературе». Советую почитать. Особенно тем, против чьих имен в справочнике Союза писателей может быть проставлена должность: редактор, заведующий отделом, заведующий редакцией. Может быть, все не так, как показалось А. Еременко за двенадцать лет скитаний по нашим редакционным коридорам? Может быть, он прав только на один процент? Только на один процент, не более?!

Но и в случае этого одного процента нам надо бить тревогу. И перестраивать свою работу так, чтобы в коридорах и кабинетах издательств и редакций никому, ни одному человеку не приходилось впадать в отчаяние, стонать от обиды, скрипеть зубами от невозможности быть правильно понятым, от бессилия что-либо доказать, отстоять свою правоту. Ведь у нас гуманитарные коридоры и кабинеты. Если в них человеку таково, каково же ему в других должно быть кабинетах, негуманитарных? Ведь кто же, если не литераторы, в первую очередь стоит на страже гуманности в обществе?

«СИНИЙ» В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Не все в порядке у нас с гуманностью. С милосердием, добротой, человечностью — ой, не все, дорогие товарищи. Да только и озабочены этим обстоятельством тоже далеко не все из нас. А есть так и прямо чемпионы по части стояния в стороне от общих забот, от наших проблем, от литературных страстей. С этой точки зрения поражает воображение, например, статья А. Косорукова во втором номере журнала «Москва». Она посвящена... эпитету «синий» в русской и советской литературе. Так совпало, что я прочла ее после «Юности», как раз после статьи «Двенадцать лет в литературе». Трудно поверить, но приходится: статья об эпитете «синий» — основная в критическом разделе второго номера московского литературного журнала. Если вы не верите, возьмите журнал в руки. Возможно, вам захочется уличить меня в неточности: вы скажете, что основная статья вовсе не эта, а другая — размышление о жанре «Пиковой дамы» на тринадцати журнальных страницах. Что ж, я с вами соглашусь. Пусть не эпитет «синий», а жанр «Пиковой дамы» в центре критического раздела журнала.

Но скажите же мне: перестройка, открытие всех шлюзов, призывы к критикам говорить, наконец, обо всем всю правду до самого конца, расширение демократии, гласность — это что, все ради эпитета «синий» произошло? Или ради жанра «Пиковой дамы»?!

НЕ ПРОПУСТИТЕ!

В февральском номере «Дружбы народов» не советую пропускать большую беседу Н. Анастасьева с Чингизом Айтматовым. Писатель мыслит своеобразно, углубленно, абсолютно нестандартно. Чтение предстоит не самое легкое. Если начнете «пробегать», может показаться, что мысль неуловима. Это совершенно ошибочное впечатление. На самом деле здесь бездна ума.

Первый номер «Байкала» опубликовал документальную повесть Николая Дамдинова о себе, своем детстве, своем народе. Это хорошая повесть, очень деликатная. В ней, конечно, трудное детство, но, кроме того, какой чуткий ребенок, как глубоко и точно чувствующий... Он голодал, мальчик. Его дружок одноклассник раза четыре приносил ему в школу четвертинки калача. Кажется, все просто: эти четвертинки были жизненно необходимы другу. Но есть на свете вещи сильнее голода, даже если тебе десять лет. Оба — рассказчик и его друг Табито — испытывали гнетущее чувство, будто в чем-то виноваты друг перед другом. Доброго Табито тяготило положение благодетеля, мальчишеская гордость рассказчика не могла пережить положение нахлебника. И он солгал, что дома наконец хлеб появился. Оба облегченно вздохнули...

Во втором номере «Урала» ни в коем случае не пропустите повесть Григория Медведева «Ядерный загар». Идите в библиотеку, если библиотека не выписывает журнал, просите ее воспользоваться межбиблиотечным каталогом. Прежде я читала только один рассказ этого автора, по-моему, в том же журнале. Он был тоже о людях, имеющих дело с атомной техникой. Что вам приходилось читать об этом, кроме репортажей из Чернобыля? Но там была трагедия, экстремальные ситуации. Здесь будни. Обычные, как вы и я, люди. Такие же, как у нас, заботы и проблемы. Только с утра и до ночи им приходится иметь дело с не изученным до конца, непредсказуемым. Это их будни... Литература в большом долгу перед этими людьми. Да и все мы в долгу.

Чувство, с которым читаешь произведение Григория Медведева, ни с каким другим не сравнимо. Интересно, очень интересно, но как-то не так, по-другому интересно. Волнуешься за героев — очень, но тоже как-то не так, как при чтении других книг, это волнение надо назвать иначе, только не знаю, как.

Видимо, потому, что материалом литературы стала жизнь, которая прежде не становилась материалом литературы — потому, что ее попросту не было. Люди, имеющие дело с тем, чего раньше попросту не было, тоже все-таки немножко другие. Таких не знали ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов.

Если будете читать первый номер «Таллина», обратите внимание на американские заметки Юло Туулика. Готовясь к поездке, заслуженный писатель Эстонии искал, что же ему почитать. Он легко нашел так называемую обличительную литературу, но этого ему показалось мало... Писатель приходит к выводу, что люди, которых страна отправляет в зарубежные поездки, все-таки должны давать отчет своим соотечественникам о том, что видели и поняли. Пока что все мы разъезжать не имеем возможности, так пусть же те, кто едет, все-таки думают о нас.

Отчет Ю. Туулика о путешествии читается, как хорошая книга, полная доброты, юмора, интересных наблюдений. Если вы любите путешествия, если вам хочется побольше узнать об Америке и американцах — рекомендую.

В «Новом мире»... В «Новом мире» вы и без моих рекомендаций, конечно, читаете и Алеся Адамовича, «Последнюю пастораль», и Андрея Битова, «Человек в пейзаже», и воспоминания К. Чуковского об Ахматовой, и «Покушение на миражи» Владимира Тендрякова... Прочесть набоковского «Николая Гоголя» вас не надо уговаривать. А вот Стреляного, Анатолия Стреляного, «Два умозрения» во втором номере вы прочли? Если нет, то это необходимо поправить. Публикация со всех точек зрения заслуживает наивысших похвал. Она первостатейно злободневна, хотя речь идет об одном неудавшемся ряд десятилетий назад литературном предприятии. Она остра, свежа, глубока и честна по мысли — причем мысль насущна. Она написана с блеском! Впрочем, Стреляный всегда пишет с блеском. Недавно все журналы отмечали, например, юбилей Овечкина, у всех были статьи как статьи, а в «Новом мире» А. Стреляный — блестящая работа! Вы читали? Нет? Вернитесь к старому журналу.

В статье «Об одном неудавшемся литературном предприятии» речь идет о том, как К. Федин и И. Соколов-Микитов решили однажды писать друг другу письма из деревень и опубликовать свою переписку. Как раз был нэп. Речь в публикации идет о взгляде городского человека на крестьянина, на его труд, на «слишком пристальный интерес к душе крестьянина, который не прошел до сих пор». Речь идет об идеализации общины, о принудительном коллективизме, о том, что история творится не в редакциях либеральных журналов, а у станков и на площадях... Речь идет о «защитниках мужика» и об их чрезвычайной, до хмурости, серьезности, о том, что цинично требовать расчетливости даже от музыки, речь идет о «любви к мужику» на барский манер — до сих пор не изжитом свойстве нашей литературы. Разумеется, невозможно пересказать эту статью — хороших статей, которые можно было бы пересказать своими, другими словами, коротко, не бывает. Да и ненужное это дело — читайте сами, возможно, вы сделаете из нее совсем другие выводы, чем делаю я, может быть, вас она наведет совсем на иные раздумья. В одном я точно не ошибаюсь: сила этой публикации огромна.

Я не советовала бы вам легко расставаться с журналом «Звезда» № 3. Стоит прочесть и повесть Сергея Воронина «Тихие люди» — трагедию поздней любви; и автобиографическое повествование Е. Фрейберга «От Балтики до Тихого» — автор, лесовод по образованию, был и командиром Красной Армии, и исследователем Арктики, и путешественником; и, конечно, преотлично читаются воспоминания старого художника Валенти-

на Курдова, отец которого был дружен с Н. Чернышевским.

Обратите внимание на эту мою последнюю фразу: как все, что было у нас, было недавно, правда? Видите, отец нашего современника был дружен с Чернышевским. Дед, между прочим, принимал участие в картофельных бунтах... Действие рассказа Л. Толстого «После бала» происходит вовсе не в такой древности, как может показаться. Шпицрутены — совсем недавно нас наказывали шпицрутенами, и никакого суда для приговора не надо было... А мы хотим в несколько месяцев научиться жить в условиях демократии. Нет, так просто оно не бывает. Для демократии нужен навык, привычка, годы.

«ИЗ СМИРЕНИЯ НЕ ПИШУТСЯ СТИХОТВОРЕНЬЯ...

...И нельзя их писать ни на чье усмотренье. Говорят, что их можно писать из презренья. Нет! Диктует их только прозренье».

Поверим поэту. Значит, прозренье... Очень много прекрасных стихов появляется сейчас в журналах. Так много, что я просто не могу не сказать об этом в обзоре.

В мартовском номере «Дружбы народов» Варлам Шаламов. И дивные баллады Давида Самойлова. В апрельском «Новом мире» — подборка Владимира Корнилова и стихи недавних лет Николая Тряпкина. В мартовском «Знамени» и Белла Ахмадулина, и Федор Сухов, и целая книга в журнале — Георгий Иванов, и Ольга Берггольц «Из неопубликованного». В апрельском — Юрий Левитанский и большая подборка Евгения Евтушенко «Из старых и новых тетрадей».

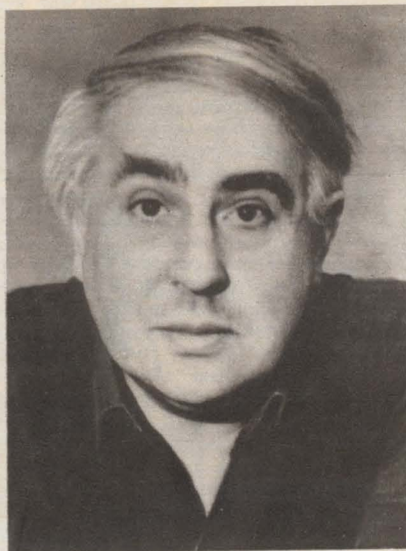
Кто это говорил, что у нас поэзия в кризисе, где он теперь, человек, считающий, что наш интерес к стихам упал, что мы больше ими не интересуемся?

Никогда не было у нас плохо со стихами: помню, в самые «застойные», как теперь принято говорить, времена, в самый разгар критических публикаций о том, что стихи у нас кончились, покупала я в книжных — свободно, в самых обычных — то сборник Николая Панченко, и можно было долго наслаждаться истинной поэзией, то книгу А. Межирова, и опять был праздник, то стихи Б. Слуцкого, то В. Кочеткова, то Ю. Левитанского, то Н. Тряпкина... Да что говорить — поэзия, в которой работают такие мастера, прекрасна. А теперь... Теперь еще появились главные редакторы в толстых журналах, у которых есть вкус к поэзии.

Я от всей души прошу вас: прочтите, пожалуйста, в мартовском номере журнала «Знамя» повесть Николая Шмелева «Пашков дом». Она — почему-то я очень верю в это — поможет нам по-человечески отнестись друг к другу. Это очень важно сейчас, важнее, чем в иные, в спокойные времена. Сейчас ведь одни из нас смеются, а другие не понимают причины смеха, одни плачут, а другие приговаривают: «Плачь, плачь, мало еще тебе». Так мы неизвестно до чего доведем друг друга. А Шмелев — он будто затем и написал свою повесть, чтобы мы взглянули друг на друга иначе. Добрее, с пониманием, с терпением — как положено людям. «Важна не месть, важны гарантии, что никогда больше ничего подобного не повторится, гарантии же создаются не местью, они создаются по-другому, гарантии — это медленный, упорный, позитивный процесс, и надо не мстить, надо работать над гарантиями...»

Вот на этом и простимся сегодня. Пусть последней — то есть самой главной — будет именно эта мысль: о гарантиях, о необходимости гарантий, о том, что лучшие из нас сегодня озабочены именно выработкой гарантий. Не будем же мешать им. А по мере ума и сил будем помогать.

Леонид ШИШКИН

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАТЮРМОРТЫ НИКОЛАЯ СМИРНОВА

«Нужно, чтобы художнику было что сказать, ибо задача его не овладение формой, но приспособление этой формы к содержанию».

Василий КАНДИНСКИЙ

Стояла глубокая осень. Ударили первые морозы, и проселочные дороги стали проезжими. В небольшую деревеньку Княжево под Переславлем-Залесским я приехал, чтобы увидеть новую работу художника Николая Смирнова, которую он специально писал для выставки «Памятники Отечества». А заодно и поговорить не спеша, вдали от городской суеты. Я знал, что это картина о старых книгах, что художник сидел над ней, не разгибаясь, восемь месяцев и что мне предстоит увидеть ее первым.

Она стояла у стены в большой светлой горнице деревенской избы и показалась мне огромной. Я понял, почему он писал ее не в Москве — в маленькую мастерскую художника просто бы не вошла. Смирнов назвал ее — «Книги». Меня поразило, как органично вписывалась она в окружавшую обстановку на фоне потемневших от времени бревен. Изображенные на картине книги будто наяву стояли в углу деревенского дома. Эти книги еще и сейчас можно встретить в семьях, где живут старики. Когда-то они были для наших предков святыней. В них искали ответ на всегда волновавший русских людей вопрос: «Как жить, чтобы святу быть?» Их увозили с собой в новые необжитые места, бережно хранили веками, передавая из поколения в поколение. Ныне в поисках этих книг археологические экспедиции разъезжают по всей стране, но было время, когда их считали просто религиозным хламом и безжалостно, не задумываясь, уничтожали. И незаметно вместе с ними уходило из нашей жизни что-то очень важное, нужное, нехватку чего мы теперь замечаем.

Я смотрел, и меня охватывало щемящее чувство боли и вины. И вместе с тем я ощущал огромную силу, духовную мощь, исходившую от картины. Уходящая вверх композиция напоминала трубы органа. Световые, ритмические, цветовые акценты, найденные художником, вызывали в памяти звуки стройного, строгого и торжественного хорала.

...Всероссийская выставка «Памятники Отечества», посвященная 800-летию «Слова о полку Игореве», вызвала противоречивые суждения и оценки. Ее устроителей критиковали за случайность отбора произведений, отсутствие стержня, объединяющей мысли, низкий профессиональный уровень некоторых работ. И все же тема памяти, преемственности отечественной культуры, встреча с дорогими сердцу памятниками нашей истории не могли не привлечь поток зрителей в выставочные залы. Вместе с «Книгами» у Смирнова здесь дебютировала еще одна работа — «1812 год», обе были причислены к художественным открытиям выставки. По мнению критиков, композиция «1812 год» могла бы стать своего рода эпиграфом ко всей экспозиции.

На большой, в человеческий рост картине — срез огромного исторического события. Ее нельзя назвать натюрмортом, хотя в ней изображены только вещи: оружие, кавалерийская упряжь, кираса, кивер, гусарский ментик, барабан... Все это выглядело бы бивуачной сценой, если бы не гравюры с изображением бегства Наполеона через Березину, сражений при Бородине и у села Красного, а поверх них икона с Георгием Победоносцем, чье изображение украшало герб Москвы и служило символом русского воинства. Они сразу выводят написанное на картине за пределы конкретного времени, сообщают всей работе высокую степень художественного обобщения. Перед зрителем предстает своего рода театр вещей, где есть все: и торжественное, и трагическое, и героическое. А рядом с оружием — красный сафьяновый бумажник с женским и детским портретами и письмом — память о доме, то, что берут с собой в поход. Удивительная деталь, которая вносит в картину о ратном подвиге наших предков нечто трепетное и трогательное.

Работы Николая Смирнова поражают удивительной манерой письма. Изображенные им предметы кажутся нам «настоящими». Их форму, материал, фактуру, объемность художник воссоздает с такой доскональной точностью, с таким виртуозным мастерством, что возникает полная иллюзия их материальности, нам чудится, что они перед нами — в действительности, а не на холсте. Хочется их потрогать, взять в руки. Такой художественный прием требует ювелирной живописной техники, терпения, можно сказать, титанического труда. Но прием этот не самоцель. Ведь предметы в картинах Смирнова — это исторические персонажи. А история не терпит приблизительности. «Вечные вопросы» о судьбах культуры и судьбах народа, звучащие в произведениях художника, требуют точности живописного языка.

Однако как для писателя конкретные люди — всего лишь прототипы литературных героев, а реальные ситуации — толчок для развития сюжета, так и «позирующие» Смирнову предметы — только основа, на которой воображение художника строит необходимый ему образ. Некоторых вещей может и не быть перед его глазами во время работы над картиной, ибо они хранятся в музеях, каких-то просто уже не существует в действительности или есть только похожие, и тогда фантазия рисует ему недостающее, создавая то смысловое, композиционное, колористическое единство, без которого художественный образ существовать не может.

Вещи в картинах Смирнова говорят не о себе — о событиях и людях. События минули, люди ушли. А вещи остались. Вот они перед нами — непреходящие ценности культуры, истории...

Одна из ранних работ Смирнова «Виват, царь Петр Алексеевич!». Пожелтевшие листья старинных гравюр, чертежей первых кораблей, навигационные инструменты, морской устав, написанный самим Петром, его ручка, чернильница, кинжал, несколько книг — все это очевидцы энергичной деятельности преобразователя России. Кажется, что они хранят тепло рук владельца. Они рождают множество ассоциаций. Соединяя прошлое и настоящее, они воссоздают и образ времени, и многогранный облик самого Петра, хотя тут он изображен лишь на маленькой миниатюре, в углу композиции.

А вот другое время и другой человек. Картина называется «Памяти Александра Блока». И уже совсем иное решение: колористическое, световое, композиционное. Темно-синий фон, резкие изломанные линии рисунков Юрия Анненкова к поэме «Двенадцать», непарадный, драматичный Петроград литографий Мстислава Добужинского, автограф стихотворения «Скифы», одна из последних фотографий Блока — это рассказ о трагическом времени в жизни поэта и в жизни страны. Невольно проникаешься ее тревожным настроением, так созвучным нашему представлению о поэзии позднего Блока.

Работы Смирнова воздействуют на нас не только эмоционально, погружая в атмосферу минувших времен. Они нас просвещают, несут информацию, заставляющую размышлять.

Продолжение на вкл. 3—4.

Н. Н. СМИРНОВ. Род. 1938. «ВИВАТ, ЦАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ!». 1980.

ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА УКА
БАТАЛІА БЛИЗЪ
КНИГА
УСТАВЪ
МОРСКОЙ,
О ВСЕМЪ ЧТО КАСАЕТСЯ ДОБРОМУ УПРАВЛЕНІЮ
ВЪ БЫТНОСТИ ФЛОТА НА МОРѢ.
НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЦАРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА.

«1812 ГОД». 1984—1985.

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

Олеся Николаева — молодой поэт, но она не новичок в поэзии. У нее уже вышли две книги, стихи ее, отмеченные печатью самобытности, не прошли не замеченными любителями поэзии.

Я считаю, что самое трудное в поэзии — это отвоевывание земель, которые всегда считались достоянием прозы. Думаю, что Олеся Николаева в новых стихах не без успеха занимается этим трудным и благородным делом. Она разбивает клетку привычного четверостишия, раскачивает строку, подымая бытовой материал до уровня поэтической речи, вводит в стихотворную ткань психологические сюжеты, которые мы привыкли считать принадлежностью прозы. Хочется приветствовать молодого поэта за эту смелость, за внутреннюю серьезность, за каждый шаг в сторону живой жизни. В конце концов поэзия — дело храбрых.

Фазиль ИСКАНДЕР

Олеся НИКОЛАЕВА

ЧТОБ ОСТАТЬСЯ СОБОЮ

ПОЛУСТАНОК

Полустанок мерещится, девушка,
городок захолустный снится,
и сюжет начинает закручиваться,
и поезд в туман несется...
И кажется—этот, уехавший на кого-то учиться,
к ней никогда не вернется!
Отчего-то чужая эта история до слез меня ранит,
и от этого полустанка мне уже никуда не деться,
и ветер переменился, и с поля тянет
холодом, от которого уже не согреться.

...Неужели она, как все, шаль на плечи накинет,
пойдет извечным
бабьим — бабкиным, материнским путем, махнет
рукою
и сойдется с первым, или вторым, или третьим
встречным,
чтоб на нем отыгралось сердце всей обидою,
всей тоскою!

Или все-таки она встанет — дерзновенно, строго
и годами мучительной безответности
не смутится,
и, наконец, вымолит, выкупит, выстрадает его
у бога,
и он — поседевший, загнанный, заплаканный —
возвратится!

БЕССОННИЦА

Москва, я слушаю, как засыпаешь ты,
как просыпается пугачевщина, стрелецкая казнь,
болезни детства, страх темноты,
гемофилия, водобоязнь.

Костры загораются на горючих ледяных берегах,
и начинается великий раскол и разброд:
ворота в дегте, дома в огне и земля в снегах,
и сторож в страшную колотушку с размаха бьет.

Начинается столпотворенье, столоверченье,
смута, брань,
конокрадство, татарщина, зубодробильня, кровь,
пот.
Голос в толпе: «Да полно вам — в такую-то
рань!»
А ему: «Господин хороший, лично вас — в
расход!»

И уже действительно дело к утру: тает вдали
карнавальная пляска истории, бал ночной,
и только припев его: «Отвечайте-ка за грехи
отчей земли!» —
бьется в окна, колотит, ломится,
всюду бродит, бредет за мной...

ПЕРЕПИСКА ГРОЗНОГО С КУРБСКИМ

Пишет Курбский Грозному: «Почто бесчестью
землю русскую предал,— волшбой и лестью
утоляя пыл своенравный?
В люциферовых играх, в бесстыжих масках,
в скоморошьих бубнах, в козлиных плясках
опоганил трон православный!»

Пишет Грозный Курбскому: «Сгинь, лукавый,
сам отверг ты Отечество с его славой,
сам отвергся крестного целованья:
пренебрегши душой и господним страхом,
предавал ливонцам и всяким ляхам
храмы божьи на поруганье!»

Пишет Курбский Грозному: «Сгинь, нечистый,
сам толкнул ты меня на путь тернистый,
честь боярства пуская прахом,
кровью княжеской упиваясь досыта,
почто сгубил Филиппа митрополита,
Корнилия зарубил одним махом!»

Пишет Грозный Курбскому: «Сгинь, изменник,
басурманский прихвостень, ада пленник
от семян Иуды осатанелых...»
Пишет Курбский Грозному: «Сгинь, денница,
Вельзевул, Антихрист, почто родиться
ты явился в русских пределах!»

...И такая брань сквозь столетья мчится,
откликается в русской душе, двоится,
наважденья ее смятенны:
полоумный деспот засел в ней зримо,
перебежчик, опричник, шпион из Рима,
да младенцы плачут, что убиенны.

Разливаются реки, не сдерживаемые берегами,
и гудит земля, и горит земля под ногами.
Полнолунье, солнечное затменье...
Но встает из крика, стона и всхлипа
чудотворный образ мученика Филиппа,
и Корнилий грядет из тленья!

ЧЕЛОВЕК

Сам себе человек говорит,
вдруг за голову хватаясь:
— Так вот тебе и надо!
Так и надо тебе!
Сам себе человек выкрикивает,
тряся открытой ладонью:
— За что? За что мне все это?
За что, за что?
То вздыхает, глядя во тьму:
— Жизнь — сложная штука!
То «надо быть проще»
расслабленно говорит,
то грандиозные строит планы,
то бесцельно ломает спички,
то в насморке, то в щетине,
то в панике, то в поту.
Перечит фразе любой,
кивает на каждое слово,
кричит: «Уйду!» — оставаясь;
возвращается, чтобы забыть...
Да как же в конце-то концов
можно любить такого?
Да что ж это будет с ним,
если его не любить?

РЕПЛИКА

СЕМЬ НОТ БЕЗ ОРКЕСТРА,

ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ РЕШАЕТСЯ ПРОСТЕЙШАЯ ПРОБЛЕМА

Заметка «Плюшевый реверанс» («Огонек» № 48, 1986 г.) получила неожиданно широкий отклик. Напомним: речь шла о выпуске хороших деловых блокнотов, карточек — немудрящего товара, но нужного, однако, каждому пишущему. И Минторг РСФСР (письмом заместителя министра В. Козлова) сообщает, что «большинство бумажно-беловых изделий производства Минлесбумпрома СССР и других министерств резко отстают от лучших зарубежных образцов...». Обидно, конечно, но куда уйдешь от факта. Минторг извещает, что торговля на проводимых е ж е м е с я ч н ы х (разрядка наша.— **Ред.**) заседаниях секции по бумажно-беловым изделиям Художественно-технического совета Минлесбумпрома постоянно ставит вопрос о расширении, обновлении, улучшении качества выпускаемых изделий до уровня лучших зарубежных образцов...

Может, изменить периодичность заседаний, уменьшить их число и высвободившееся время и силы направить на практическую работу? Надобность же ее очевидна. Из Главторга Мосгорисполкома (заместитель начальника А. Милехина): альбомы, блокноты, деловые записные книжки идут в торговлю в узком, недостаточном ассортименте, но (противоречит себе тов. Милехина) объединение «Восход» выпускает и поставляет в торговые организации Москвы «более 12 видов разнообразных деловых еженедельников, ежедневников, ежемесячников, призванных помочь деловым людям в организации рабочего времени».

Представитель редакции обошел более двенадцати магазинов канцтоваров, в их числе и фирменный магазин «Восход», побывал в «Оргтехнике», которая ничем не отличалась от стандартного «Школьника»; обошел, но нашел только три вида деловых блокнотов. К тому же неудобных.

Главный инженер производственного объединения «Восход» Р. Бриттал своим письмом благодарит «автора статьи К. Костина за внимание к продукции объединения, за рекомендации и критические замечания», но не обнадеживает.

Круг замкнулся. Представители торговли и объединения обошли вопрос об открытии в столице первого универмага «Оргтехника», решение о создании которого было принято много лет назад. У нас такое впечатление, что торговля затаилась и ждет: когда забудут о принятом ранее решении?

Константин БАРЫКИН

Только что почта положила на редакционный стол еще одно письмо — из Днепропетровска. Директор тамошней фабрики бумажно-беловых изделий С. Константиновский сообщает: «Мы могли бы освоить выпуск «Делового блокнота домашней хозяйки» и «Хроноблокнота», если бы имелись образцы или техническое описание этих изделий».

Может, торговля заинтересуется этим предложением и информирует о нем на одном из е ж е м е с я ч н ы х заседаний секции бумажно-деловых товаров?

Виктор КОНЕЦКИЙ

МЕМУАРЫ ВОЕННОГО СОВЕТНИКА

ВСЕ ВРЕМЯ МУЧАЕТ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО Я ДОЛЖЕН. ЧТО ДОЛЖЕН, КОМУ — НЕ ОЧЕНЬ-ТО ЯСНО, НО ОТ ЭТОГО НЕ ЛЕГЧЕ.

Ну, вот возьмем однокашников по военно-морскому подготовительному училищу. Кого ни встретишь, обязательно вопрос: почему не написал о подготии? Встречаешь адмирала: почему не пишешь о военном флоте? Объясняешь, что писать о современном флоте мука мученическая — замучают согласователи. Не верят ребята, обижаются: зазнался! оторвался! замкнулся!

А ведь многие из однокашников действительно наделали героических дел и вывели наш военный флот в открытые океаны планеты.

Нижеследующее посвящаю своему первому командиру отделения старшему матросу Володе Тимашову.

Для нас — салаг — служилые были кошмарным бедствием, ибо законы в училище были законами бурсы.

Володя Тимашов оказался исключением.

Он, например, никогда не щекотал нас засушенной кроличьей лапкой за ухом, когда ты стоишь в строю по команде смирно и не имеешь права ни шелохнуться, ни прыснуть, ни прошипеть чего-нибудь.

Засушенной лапкой кролика терроризировал нас старослужащий матрос Володька Желдин. Потом он стал главным тренером сборной СССР по баскетболу. Женской сборной! И я видел его по ТВ, когда наши мастодонтские девицы взяли золото на Московской олимпиаде. Вернее будет сказать, не «наши», а Желдина девицы. Он, кстати, у любой из питомиц между ног пройдет, не пригибая головы.

Тренерские и юмористические способности Желдин развивал на нас: «Ты вот! Будешь бегать от меня до следующего столба! И обратно!» Или: «А ты вот! Будешь ползать по-пластунски от забора до обеда!»

Да, куда только не заносит моряков на суше! Точно замечено, что флот всегда отличался тем, что, будучи невыносим для людей определенного вида, выталкивая их из себя, успевает, однако, дать им нечто такое, что потом помогает людям стать заметными на другом поприще, как бы оно далеко от флота ни отстояло. Ведь дальше женской баскетбольной сборной от флота разве что сайгаки в Каракумах...

Так вот, даже будучи командиром отделения, к которому я имел честь принадлежать, Володя Тимашов подчиненных кроличьей лапкой не щекотал. Потому и захотелось сейчас его вспомнить.

В июне семьдесят девятого года для лечения пародонтоза мне назначили курс дышания кислородом под давлением. Десять сеансов по часу.

Старинные связи привели на кафедру физиологии аварийно-спасательных работ при соответствующей клинике — есть и такое заведение в Ленинграде. Клиника находится в старинном здании. Стены толщиной в метр, модели прославившихся в боях кораблей: лекари в больших чинах — из-под халатов прорисовываются погоны, обязательные черные галстуки — и строги до лютости.

Любимой присказкой врача-майора, когда он закручивал винтовой стопор входного люка барокамеры, была: «Опоздавшим — кость!» Так что являться на процедуру приходилось с временным запасом.

Возле флигеля, где располагалась кафедра физиологии аварийно-спасательных работ, ранним утром клиентов встречали лаем десятка два подопытных собак, которые, как и в космос, в барокамерах шли первыми в чудовищные глубины океанов. Утром псов выводили из вольеров и привязывали к забору — так сказать, на физзарядку.

Здесь, возле лающих, радующихся утру и цепной прогулке собак, мы перекуривали, хотя, конечно, курить перед кислородным мероприятием запрещено.

Собаки были самые разнообразные — выловленные в городе бродяги. Хотя над ними ставили глубоководные опыты, выглядели псы хорошо, угнетенных среди них не было. И потому лай, и суета, и всякие собачьи безобразия радовали наши души. Привязывали псов с таким расчетом, чтобы они не покусали друг друга, как на далеком острове Вайгач. И вспоминался Вайгач, и остров Жохова, и пес-аквалангист Анчар, с которым когда-то встречали Новый год у набережной лейтенанта Шмидта на «Нерее». Анчар сидел на цепи возле барокамеры. Неужели я когда-то был в кабинете капитана Кусто и разглядывал модель «Нерея» — на его столе?.. Промелькнувшая жизнь — зияющее прошлое... Вот я и докатился до патетической литературщины: «Промелькнувшая жизнь», «зияющее прошлое»!..

Когда вместо шприца, зонда, скальпеля видишь барокамеру, снятую с обыкновенного аварийно-спасательного корабля, то есть сооружение для убережения водолазов от кессонной болезни, это вызывает положительные эмоции. Некоторые штатские товарищи по первому разу проникают в барокамеру не без опасений. Но я в свое время провел в ней много часов, и многое забытое освежалось в памяти, когда перелезал круглый комингс, усаживался на клеенчатую койку, слышал скрип стопоров входного люка, потом утробный шипящий гул воздуха, накачиваемого в камеру компрессором, и глядел на манометр — дышать кислородом надо под давлением в одну избыточную атмосферу. Когда эта атмосфера накапливалась, снаружи следовала команда майора: «Надеть маски!» Конечно, скучно сидеть целый час и ничего не делать — только дышать, глядя, как в такт дыханию опадает и вздувается мешок с кислородом. Но голова свежая, кажется, что с каждым глотком кислорода хвори слабеют и скоро ты станешь пионером или даже октябренком...

Ну, как вы, вероятно, догадались, здесь я и встретил правнука дедушки Крылова. Но узнали мы друг друга только на третьем сеансе.

Сидит напротив в камере мужчина и умудряется читать книгу, даже имея на физиономии кислородную маску. Я как-то попробовал последовать его примеру, взял с собой чтиво, но ничего не получилось — полутьма, да и стекла у маски мутные.

Заинтересовался мужчиной, спрашиваю, что, мол, вас так увлекает, какой такой детектив.

— Пушкина детектив,— говорит.— Заместо пирогов и телятины. Жевать с резиной на морде еще пока не научился.

— Едрить твою мать! — восклицаю российское приветствие, обнаружив еще в его правом глазе черную запятую.— Коля!

А он все меня не узнает — двадцать шесть лет прошло. Тут необходимо еще то объяснить, что военно-морские лекари прописали мне кислород под давлением только после того, как выломали передний зубной мост. И смахивал я на Бабушку Ягу, а не на лейтенанта, который, молодой и красивый, край родной на заре покидал.

Ну, а Коля был не амбулаторным, а штатным больным этого заведения — госпитальные штаны короче воробьиного носа, куртка длиннее фрака — знакомая любому нашему страдальцу клоунская больничная униформа.

Принято говорить: «седой как лунь». Но, во-первых, я не знаю, что такое «лунь». Во-вторых, от «луня» веет уже настоящей старостью, а нам недавно перевалило за полсотни. В-третьих, Коля имеет, хотя и абсолютно седую, но густую и красивую шевелюру.

— Белое море, «эс-эс сорок один — тридцать восемь», мемуары Витте?! Помнишь?

— А, Витек,— говорит он без всякого оживления или видимой радости.— Пойдем в садик, посидим возле морга, там уютное местечко есть среди старых лип.

— Такая встреча! — говорю.— А ты даже и не удивляешься!

— А чего удивляться? Если бы я тебя в абортарии встретил, то удивился б, а тут — полная закономерность,— и наконец-то залился своим беззвучным смехом.

— У тебя что? — спрашиваю, как все больные на свете.

— А, так, пустяки — и-ша-бе. А у тебя?

— Пасть. Повыпадали зубки.

— Ну, здесь тебе живенько вшибут новые на старые места по штатному расписанию, если, конечно, блат есть. Читал я твои писания, читал, прости, только все это душистая вода, легкий аромат с модной яблочной нотой или мыло туалетное ГОСТ — восемнадцать дробь триста двадцать шесть дробь семьдесят восемь, парфюмерно-косметический комбинат «Северное сияние». Пользуешься после бритья «Яблоневым цветом»?

— Нет.

— Шесть рублей жалко? Вот тут и сядем. Куришь?

— «Космос».

— Ну, давай я туда вместе с тобой слетаю. Свои в палате забыл.

Мы присели в прелестном уголке, в глухой пустынности, на каменные ступеньки под доской с пожарным инвентарем. В секторе нашего обзора было шестнадцать лип, их ветви изящно склонились, напоминая покатостью женские аристократические плечи. Среди клинических лип рос и один дуб. Здесь было так безлюдно, что даже какая-то пчелка жужжала. И порхала над густой травой бабочка-капустница.

— Адмирал? — спросил я.

— Откуда догадался?

— А физиономия у тебя какая-то бабская. У адмиралов часто почему-то так получается. От сидячей жизни, наверное, от малодвижения.

— Ну движения мне хватало, а контр-адмирала получил при отставке. И ни разу орлов не надевал. Н-да, Витя, великие писали ямбом, хореем, амфибрахием и другими антабусами, а ты для своей белиберды изобрел вовсе новый стиль — гамус.

— Коля, брось ты мои писания. Надоели критики до смерти.

— А если я сам пишу?

— Что? — с ужасом поинтересовался я, ибо отставные флотоводцы заваливают бредовыми мемуарами.

— Мемуары.

— Н-да. Что, делать нечего? Сам-то еще служишь где-нибудь?

— Не служу, и делать действительно нечего.

— Ну, если твои мемуары такие же серьезные, как рапорты о пожарной лопате, то дай почитать. Если нет, лучше не надо.

— Увы, Витя, серьезные.

— А хоть помнишь свои двадцать два замечания по пожарной лопате на «эс-эс сорок один — тридцать восемь»?

— Что-то помню.

— Я их сохранил.

— Если будешь публиковать, отметь, что при повторной проверке лопаты мною, отставным контр-адмиралом Дударкиным-Крыловым, было обнаружено еще двадцать два замечания.

— Хорошо, Коля, отмечу.

— Могу подарить еще штук шестнадцать замечаний по дефектам пожарного лома. Этого вот,— он ткнул пальцем в пожарную доску над нами.— Тиснешь в «Труде». А мемуары у меня здесь. Взглянешь?

— О чем хоть они, Коля?

— О израильско-египетской драке.

— Ты там был?

— Мед-пиво пил.

— Неси,— сказал я.— Только при зрителях, под взглядом живого автора читать не буду. Возьму домой.

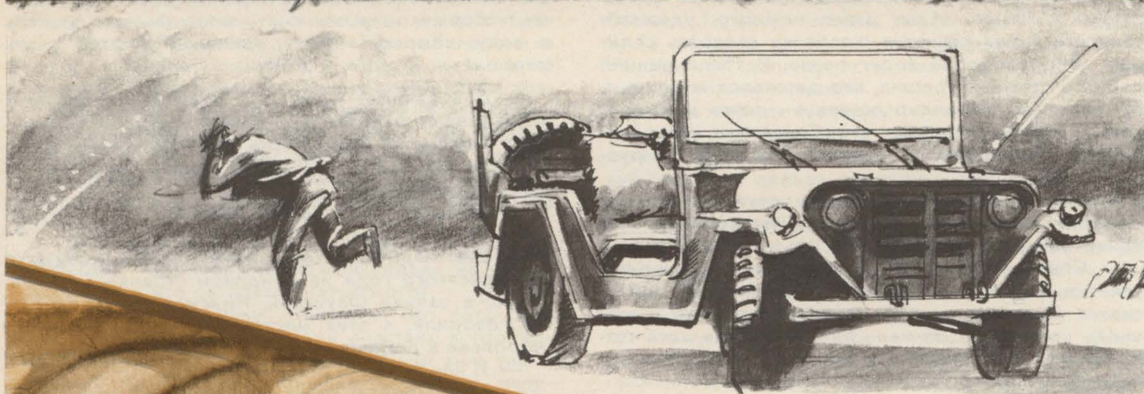
Он принес. И с души моей упал камень, ибо было в мемуарах страничек десять.

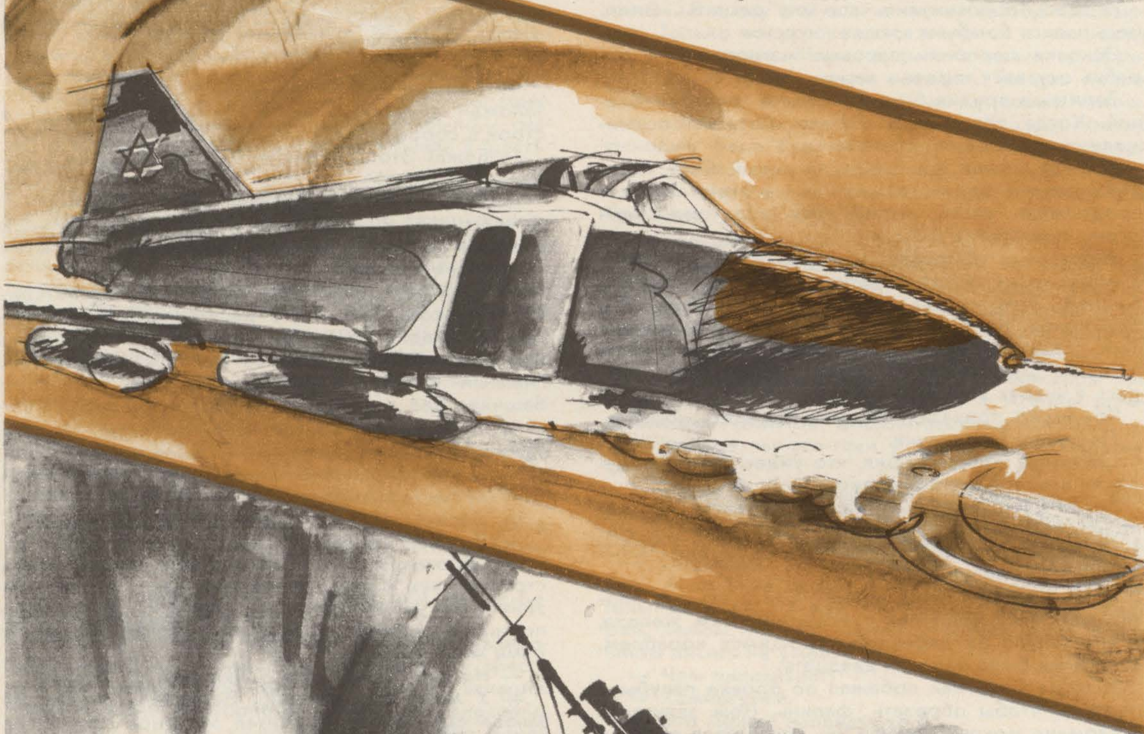
— В таком случае, адмирал, можешь сидеть здесь и наблюдать за выражением моего лица. Вытерплю,— сказал я.— Но лучше все-таки читай своего Пушкина: про пироги и телятину.

«Первый раз смерть прошла рядом не в море, а на суше, когда он на джипе добирался к месту

Окончание. См. № 20.

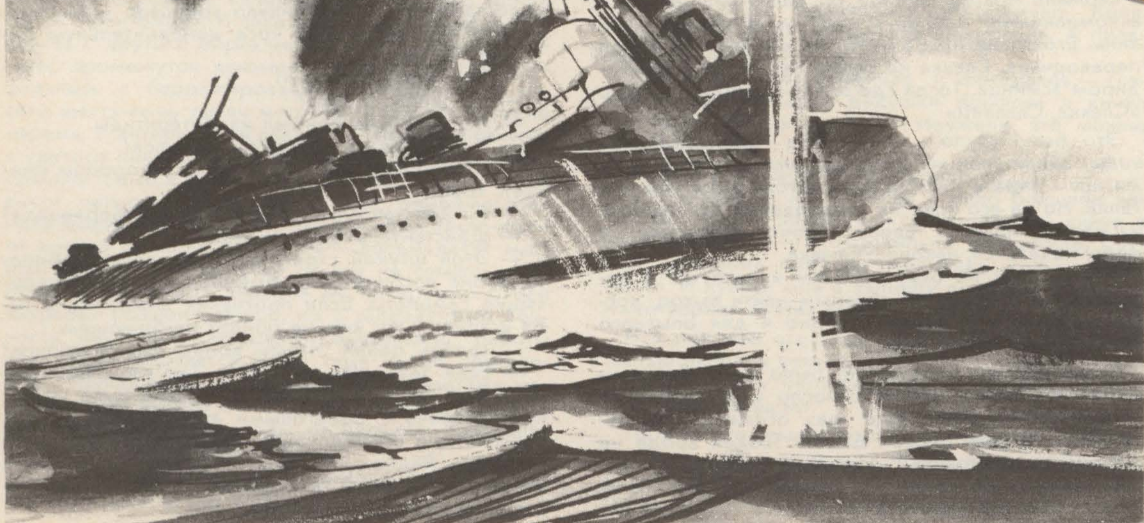

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

службы. Машину атаковал истребитель, все выскочили и залегли. И Советник подумал:

«Я боевой командир, а лежу вверх задом, уткнув рожу в песок, и боюсь поднять голову. Что получается?»

Он поднял голову и увидел точку над шоссе. Она увеличивалась стремительно и беззвучно. Истребитель опережал грохот своих пушек и пулеметов.

Спутники лежали тоже, уткнувшись лицами в пустыню.

Пустыня перехлестывала кое-где шоссе песочными языками-зализами, как снеговые заструги гладкие льдины в Арктике. Снаряды дырявили песок и покрытие шоссе. Одиноко торчал на пустынном шоссе джип с распахнутыми дверцами. Всплески разрывов не дошли метров двадцать.

Самолет исчез.

— Кажется, он улетел,— сказал Советник.— И кажется, я все-таки поглядел ему в лоб, ребята.

Спутники зашевелились.

Все были целы.

Песок шуршал тихо, умиротворенно, по-приречному. Вдали просматривалось море. Шоссе было очень черное, шершавое и прямое.

Когда долго нет сильного ветра, песок в пустыне делается коричневатым — обгорает на солнце.

Потом-то он много видел разной смерти. И трупы египетских пехотинцев с касками на лицах. И трупы разведчиков и минеров, которые пошли опознавать тела погибших товарищей. Их обязательно требовалось опознать, потому что семьям погибших полагалась пенсия, а семьям пропавших без вести она не полагалась. И египтяне тщательно опознавали убитых. И на его глазах разведчики сняли каску с головы убитого и взлетели на воздух вместе с трупом. Под каской израильтяне оставили мину-сюрприз. Израильтяне знали, что арабы будут опознавать убитых.

После разведчиков опознавать пошли саперы. Двое саперов, правда, тоже подорвались. Мины были заложены с дьявольской хитростью.

Потом он видел смерть морячков с тральщика, погибших в бурунах среди кораллов,— объеденные акулами тела. На стыке Суэцкого и Акабского заливов акул хватает. Особенно между Курдагой и Шармшейком.

Накануне Советник был на тральщике — принимали задачу. Она была отработана прилично, на боевых постах был порядок, оружие египтяне держали в хорошем состоянии и даже в кубриках и гальюнах было вполне прилично.

Тральщик дрался до последнего, но его зенитки не доставали четырех тысяч метров, на которых кружили, сменяя друг друга, французские «миражи» и американские «скайхоки». Берег не смог прикрыть тральщик. Корабль продержался около часа. Самолеты атаковали бомбами и «нурсами», но не очень удачно: кораблик даже успел сняться с якоря и пытался маневрировать по маленькой бухточке за островами Гевтон.

Первые месяцы он служил на берегу. Приходилось заниматься малознакомым делом: налаживать круговую оборону базы. Тут оказалось, что никто из египтян толком стрелковым оружием не владеет. Это были матросы с подводных лодок. Позиции вокруг базы считались десантноопасными, то есть передним краем. Отводить людей, чтобы отстрелять их на стрельбище, было нельзя. Даже четверть личного состава не имела права покидать окопы. Тогда он придумал поставить мишени прямо перед окопами. Уже через неделю люди стреляли из автоматов «Калашникова» вполне прилично.

После окончания рабочего дня советники, переводчики и два египтянина — шофер и вестовой — ехали ночевать в гостиницу. Гостиница в мирные времена была предназначена для богатых туристов-молодоженов. Теперь там не жил никто.

Гостиница стояла на берегу моря, которое, как и вечереющее небо, было синим до терпкости. Один переводчик был украинец и варил борщ из капусты, которую покупали на местном рынке. Потом пили кофе, слушали «Маяк», затем валились спать, каждый раз ожидая визита неприятельских командос. Советникам не полагалось никакого оружия. Если не считать оружием противогаз и каску. Очень не хотелось угодить в плен прямо из гостиницы для новобрачных. И потом привычному человеку без оружия как-то неприютно и голо.

Скоро обнаружилось, что оба араба — и шофер, и вестовой — ночью из номеров исчезают. Они от греха подальше залезали на крышу гостиницы и прятались там под баками для нагрева солнцем душевой воды. Оружие арабы на крышу не брали. И можно было с чистой совестью укладывать рядом с собой в кровать для новобрачных автоматы. Купили еще ножи. Двери баррикадировали диванами. Джип ставили с тыла

под окна. И так спали. Потом наладилась связь с танкистами. Подполковник — отличный парень из Каира — сообщил, что хотя все машины выработали моторесурсы, а ЗИП не подвозят, но два танка в норме. Танкисты обещали, что если случится заваруха, то морячкам надо продержаться час — а через час танкисты их выручат. Это было приятно знать.

Очень красиво было море и небо из окон гостиницы для новобрачных. Купальни, пустые, заброшенные, и прибой на коралловых рифах.

Как-то ему показалось, что снова налет. Вдоль улицы под тенью глинобитных домиков промчался сгусток уплотненного воздуха. Он прижался к ближайшей стенке, подумал, что уже вырабатывается автоматизм реакции. Осторожно выглянул, ожидая грохота разрывов. Но увидел двух лохматых египетских коз. Козы жевали бумажные пакеты из-под апельсинов. Они убежали бы, если бы действительно началась бомбежка. Почудилось. Это просто дохнуло море коротким шквалом, ветряная струя ударила сквозь узкую улочку, заголила редкие пальмы, взметнула редкую шерсть лохматых коз.

И вот потом снилась, уже дома, уже на мирной земле, эта сценка. Опять и опять чудилось приближение «фантома», опять и опять он прижимался к теплой, шелушащейся стене египетского домишка, выглядывал из-за угла и видел лохматых коз, жующих серую бумагу.

Трижды он просился в разведку на катерах, в рейс на десантном корабле, в дозор на тральщике, но трижды старший Советник не разрешал, говоря, что они здесь не для того, чтобы показывать свой героизм, они здесь, чтобы помогать в оперативных вопросах, а не в тактических глупостях.

Затем он был, наконец, послан к своему дивизиону эскадренных миноносцев. Дивизиона, правда, не оказалось. Два из трех эскадренных миноносцев еще только должны были подойти на базу.

Эсминец стоял на якоре. Под бортом эсминца стоял ракетный катер и принимал топливо. Близко лежали в дрейфе еще катер и десантный корабль.

— Отгоняй их от борта! — сказал Советник подсоветному командиру корабля.— И запиши в журнал, что я тебе советую отогнать катера. Они горят хуже спичек, коллега.

— Сейчас они уходят,—сказал командир.— Уже шевелятся. Видите, мистер Николай, они отдают концы.

Действительно, катер командира звена заканчивал принимать топливо. А сам командир звена торчал у себя в рубке и демонстративно не глядел в сторону Советника. Командир звена «РКА» был старшим лейтенантом, по-нашему — три звездочки, а по-египетскому — капитан-лейтенант. Бог знает, откуда старлей происходил и где учился военно-морским наукам. Но неприязнь к советникам демонстрировал последовательно. Вообще-то катерники на всех флотах мира отличаются вздорным характером и обожают бунтовать против любого твердо установленного порядка. Все катерники в этом похожи. Неписаное правило еще со времен торпедных катеров, когда требовалось мужество особого качества — хулиганское, наглое, беспардонное: лезть на скорлупе, которую можно ногтем раздавить, прямо в пасть главному калибру хоть эсминца, хоть крейсера.

«РКА» отходил, переваливаясь легким корпусом на слабой зыби. Она хлюпала у него под днищем довольно добродушно. У катерников с зыбью особые отношения. Кто из военных моряков, кроме катерников, так с зыбями близок? Кто с ними на одной ноге? Никто, пожалуй...

К счастью, на катере не было боезапаса.

Он отошел не дальше кабельтова, когда прямо в него угодила ракета. «РКА» приподнялся над водой, как сормовские «метеоры», переломился в воздухе, и Советник увидел египетского нахального старшего лейтенанта. Взрывной волной того смахнуло с рубки, и командир звена катеров мелькнул на фоне желтого далекого берега. Он летел с раскинутыми руками, распятый на гребне взрывной волны.

Ракета из той же серии упала по левому борту эсминца метрах в ста. Советник отпрыгнул за броню носовой башни и присел на корточки. Тяжелый водопад густо соленой и теплой воды обрушился на эсминец. «Почему не было оповещения? Что смотрят радары дальнего обнаружения? Что творится! Потеряли корабль!»

Советник бежал на мостик, не бежал — прыгал сквозь трапы.

В боевой рубке еще никого не было, душный воздух под раскаленным на солнце металлом. Советник вдавил палец в кнопку колоколов громкого боя: «Боевая тревога!» И сразу поверх его пальца сунулся темный палец командира эсминца. И они в два пальца давили на ревун, а бомбы поднимали столбы воды со всех сторон старого корабля.

Командиры боевых частей четко докладывали о готовности к бою. И командир корабля, и его подчиненные пока вели себя отлично. Это по внешнему поведению. А проверить, что они докладывают и соответствуют ли их доклады действительности, было невозможно.

Переводчик Славка появился рядом. Он был в каске, ремешок туго подтягивал к каске толстый подбородок.

Восемь «фантомов» атаковали старый, времен прошлой войны, английский эсминец, а берег полопушил и все еще не открывал огонь.

Получился не бой, а расстрел. Но они все-таки отбивались двадцать семь минут. Корабль прыгал, и кренился, и мотался от взрывов, и главное было — удержаться за что-нибудь. Один раз Советник отпустил пиллорус, в который вцепился раньше, и сразу его так шарахнуло о сталь, что это показалось страшнее осколка в голову.

На двадцать седьмой минуте выпал перерыв. Советник сам рассчитал возможное время атаки «фантомами». Он знал расстояние до их аэродрома. И рассчитал длительность атаки, исходя из количества горючего, затрат на взлет, полет, бомбежку, возврат и посадку, получилось около тридцати минут. И он даже немного удивился точности своих расчетов, когда на двадцать седьмой минуте выпала вдруг пауза. И тогда оценил себя со стороны: решил, что держался хорошо, и отметил, что командир эсминца — тоже молодец, только иногда репетовал его, Советника, команды-советы не по-арабски, а прямо повторял по-русски.

В минутном перерыве между двумя атаками у Советника возникло острейшее, нестерпимое желание закурить. Но закурить он не успел.

— Слава! Репетуй его команды хотя бы по-английски, когда он забывается и орет по-русски! — сказал Советник переводчику.— Особенно в машину, командиру бе-че — пять. Механик хоть что-то по-английски поймет, а по-русски-то полная чепуха получается!

И здесь опрокинулись все его расчеты. Опять посыпались бомбы и взвыли «нурсы».

Осколки перебили паровые магистрали, и корабль окутался горячим паром.

Зенитные орудия были снабжены электронаводкой. Когда перебивало кабеля, матросы поднимали стволы орудий плечами.

Корабль начал крениться на левый борт. Орудия правого борта задирались на этом крене и продолжали вести огонь, хотя куда они вели огонь, понятно не было.

Якорь-цепь оборвало, и корабль подрейфовал в море, когда «нурс» прошил эсминец под первой башней. Этот «нурс» взорвался под килем. Это был конец. Крен на левый борт достиг шестидесяти градусов. Эсминец выглядел ужасно — весь такелаж, радиоантенны были изорваны и метались в вихрях взрывных волн.

Командир приказал экипажу покидать корабль. Покидали без паники.

Советник твердо решил, что уйдет последним— после египетского командира.

Когда уходил, увидел чопы, торчащие из дыр подводной части. «Значит, они боролись за живучесть! — мелькнуло.— Значит, командир БЧ-V докладывал правду...»

С воды раздавались крики. Спасательный плотик запутался фалинем в искореженном железе, и его тянуло за переворачивающимся кораблем. В плотике было человек двадцать.

И тогда Советник побежал по бровке палубы к плотику, чтобы обрезать фалинь. Нож запутался в кармане мокрых штанов, он долго рвал его под аккомпанемент воплей с плотика. И обрезал фалинь. Его звали прыгать. Но он все еще не видел переводчика. Славка не сошел на плотик с командиром эсминца. Тогда где он? И Советник заорал: «Славка, Славка!!»

Это было глупо — орать. Все перекрывал гул воды, заполняющей стальные емкости под ногами, шум пара и лязг срывающегося с палубы металла. Но на его крик из тьмы дверей надстройки, из прямоугольника дверей, почти параллельных воде, показался, наконец, Славка.

Переводчик не был моряком и заплутал в корабельных шхерах, по которым найти выход, когда стенки стали полом, трудно и для опытного человека.

Спасательных жилетов не было ни у Советника, ни у Славки. Плотик отнесло уже метров на пятьдесят. Советник еще раз оглянулся на задранные орудия первой башни. Людей вроде не оставалось. Оверкиль назрел до самой последней стадии. Это было, как нарыв, который лопается не от скальпеля, а от одного только приближения его, от движения воздуха перед острием.

— В воду, Слава! — приказал Советник.

— Плавать не умею! — заорал Слава.

— Марш!

Переводчик плюхнулся за борт. Советник прыгнул за ним, прихватил за волосы и поплыл к плотику.

Эсминец продолжал лежать на воде. Он — редкий случай — погружался не носом и не кормой, а плашмя, боком.

Спасательный надувной плотик был полон людьми, водой и мазутом. Он был пробит осколками и пускал пузыри. Никто устройства плота не знал. Советник приказал отыскать мех для надува плота. Мех нашли, но не могли найти штуцер. Раненые молились и стонали.

До берега было около двух миль. Плотик дрейфовал в сторону открытого моря.

«Теперь мне все равно,— подумал Советник,— потому что ничем не оправдаешься. Корабль погиб. Потеряли корабль. И мне отвечать. Плохо мне будет. Ох, плохо!»

— Ну, если акулы не сожрут, то теперь порядок! — сказал Славка.

— Акулы оглушены взрывами или разбежались от взрывов,— сказал Советник. И вспомнил, что с кораблем уходили на дно документы, фотоаппарат, кинокамера, снятые пленки, деньги и ботинки, которые он успел снять прежде, чем прыгать в воду. «Хорош я буду, явившись в штаб в носках»...»

— Для начала, Коля, это просто замечательно,— сказал я даже без всякой паузы.— Попахивает Хемом, но про смерть и всякие такие африканские страсти у нас никто писать не умеет. А где продолжение?

— Больше ничего не получается.

— Когда это тебя угораздило?

— Шестнадцатого мая одна тысяча девятьсот семидесятого года на рейдовой стоянке Порт-Беренис в заливе Фаул-Бей, Красное море. Египтяне говорили, в этих местах зимовала английская королева в добрые старые времена.

— И как все-таки это произошло?

— Как? Первая атака — четыре «фантома» по три захода, вторая атака — восемь «фантомов» по два-три захода.

— Что за посудина?

— Эскадренный миноносец «Кагер», тип «Зет», заложен в сорок втором в Англии, вступил в строй в сорок четвертом.

— Боже! Этот драндулет мог ходить еще в союзных конвоях!

— Тактико-технические данные помнишь?

— Откуда? Я четверть века обхожу все боевые корабли за тридевять миль, а если есть возможность, то и дальше.

— Водоизмещение две тысячи пятьсот пятьдесят пять тонн, длина сто десять метров, ширина восемь, осадка пять и две десятых. Самый полный ход двадцать восемь узлов при попутном ветре. Главный калибр — четыре орудия в отдельных башнях. Два торпедных аппарата, четырехтрубных. Экипаж — двадцать два офицера, двести тридцать девять старшин и матросов.

— А что там у вас было из твоей родной пульно-вздульной артиллерии?

— Десятка полтора «бофорсов».

— Чего это такое?

— Сорокамиллиметровые автоматы. Эсминец стоял в двух милях от берега под прикрытием зенитного артиллерийского полка — три батареи по шесть стволов в каждой, калибр пятьдесят семь миллиметров.

— На чем стояли? На бочке или на якорях?

— У меня же написано. На правом якоре. На клюзе сто метров. Я считал зенитное прикрытие недостаточным и настойчиво требовал установить на ближней береговой косе дополнительную батарею или стрелы...

— Что такое «стрелы»?

— Ты сейчас откуда?

— Месяц назад пришел из Антарктиды.

— Я спрашиваю, откуда ты свалился?

— Из барокамеры, где дышал кислородом вместе с тобой.

— Ты действительно дурак или притворяешься?

— Действительно дурак, Коля.

— Этой штукой стреляют с рук вслед самолету, и она догоняет его. Имеются в виду низколетящие самолеты. Если противник знает, что у тебя «стрелы», он уже не пойдет на бреющем.

— Теперь понял. Что-то вроде фаустпатронов?

— Если тебе так нравится. Так вот. Потопили нас накануне того дня, когда у меня была назначена встреча с береговыми артиллеристами для совместного обследования места под добавочную батарею. Ладно, это уже те детали, которые и вспоминать тошно. Ты кораллы в стиральном порошке пробовал вываривать?

— Нет, их следует выдерживать в хлорке.

— Вот этого мы не знали. Красивая штука кораллы. И вообще там много было красивого. Из гостиницы был выход на смотровую площадку — ступеньки к самому морю, видны прибрежные лагуны — разного цвета в зависимости от цвета кораллов и водорослей. Такие зеленые иногда, как наши зеленя, а с другой стороны — по горизонту красные горы. По синему небу — очень четкая кромка красных гор. А при луне, ночью — горы там и ночью видны,— какая красота! И вся долина Нила — мы из Кены питьевую воду в канистрах возили — тоже красота дивная. А с крыши гостиницы остров Шакир просматривался. Это на него ездили трупы опознавать. А за ним, за Шакиром, южная оконечность Синайского полуострова. Там база израильская была Шармшейк. Правда: потом меня перебросили в Сафаджу — пыль, песок, маленький порт. Там английская база была, и англичане, когда уходили, ее взорвали.

— Коля, теперь постарайся рассказать мне все более или менее последовательно.

— В конце апреля эскадренный миноносец «Кагер» прибыл в Беренис из Бомбея, где проходил докование и ремонт с декабря прошлого года. Кораблю было приказано отработать задачу «Ка-один» до конца мая в условиях рейдовой стоянки. Ну, что такое полгода ремонта в мирном, нейтральном порту, не тебе объяснять. Конечно, личный состав значительно утратил боевые навыки. Я в Александрии был, когда они в Беренис пришли. Пришли и в первую же ночь на родном рейде взорвались. На верхней палубе возле кормового торпедного аппарата у них была устроена стальная выгородка-кранец, где хранился запас взрыв-пакетов для отпугивания диверсантов-аквалангистов. Ну, знаешь, от сигареты запаливают фитиль и время от времени кидают за борт.

— А! — обрадовался я.— Капитан третьего ранга Креббс? Крейсер «Орджоникидзе» на рейде Портсмута? Лето пятьдесят четвертого?

— Молодец. Возьми конфетку. Вот весь этот запас у них и шарахнул. Но, к счастью, в торпедных аппаратах не было торпед. Иначе мне так и не пришлось бы повоевать. Вырвало кусок палубы и повредило гидравлику рулевого управления. Плюс всего четыре покойника. Вообще, должен сказать, на войне как-то мало убивают. На тральце у Курдаги всего шесть человек погибло.

— Слушай, но ведь в семидесятом войны между Египтом и Израилем вроде бы не было,— сказал я, вспомнив рейды на Сирию и Ливан в шестьдесят девятом году.

— Потому мы, советские советники, там и были, что войны не было. В случае официального начала боевых действий мы должны были немедленно покинуть страну. «Тэ-Ща» израильтяне потопили в отместку за диверсию египтян. А «Кагер» — тут история длиннее. Еще в шестьдесят седьмом египтяне потопили однотипный израильский эскадренный миноносец «Яффе». Тогда израильтяне поклялись отплатить тем же. Вот и отплатили.

— Все-таки что дальше-то с вами было?

— Дальше у меня только черновик рапорта,— сказал Коля и сунул мне пачку замусоленных бумажек с карандашным текстом.

Я выпучил на них глаза, потому что покрыты они были массой условных обозначений, формулами и сокращениями.

— Тут и Крачковский с Шумовским не разберется,— сказал я.— Читай сам.

— Пролет авиации противника к месту базирования кораблей в Беренисе проходил по трассе пролета международной гражданской авиации. Заход в атаку на корабль произведен внезапно, со стороны солнца, из-за отрогов гор. Это одной парой «фантомов». И заход второй пары на контркурсах с другого борта через малый, две-три минуты, промежуток времени. Вторая атака производилась с барражирования по эллипсам на высоте шесть-семь тысяч метров, выход поочередно парами, с интервалами двадцать—тридцать секунд, с крутого пикирования, со стороны солнца. Сбрасывание бомб и пуски «нурсов» производились с высот четыре-пять тысяч метров. Бомбометание производилось с высокой точностью — отклонение от центра корабля на десять — восемьдесят метров. Отрыв бомб и звуки от них не слышны. Хорошо виден выход авиации из пикирования. Вой «нурсов» слышен хорошо, но с запозданием. Точность «нурсов» хорошая. Слышимость работы авиации затрудняется из-за огня своей артиллерии. Наблюдению за атакующими самолетами мешает яркое солнце с отсветами от поднятого ветром песка и потоки воды от взрывов бомб, которые заливают глаза и оптику.

— Пару слов о командире, Коля. Где он учился? Если ты не устал.

— Тридцать четыре года. Мальчишка замечательный. Знаешь, он плакал. Когда над эсминцем вспучило последний пузырь, и — тишина над морем: нет корабля. Был. И нет. И все звуки куда-то тоже исчезли. Ни стона, ни крика в этот момент. Он и заплакал. Совсем не ругался. А потом, на берегу, уже когда прощались, вдруг попросил вернуть бинокль. Славка каску-то сбросил, когда мы с ним на задницах к бортовому килю съезжали от фальшборта, а бинокль так и остался у него на шее висеть. И Славка его решил на сувенир зажать. А командир попросил бинокль отдать — ничего больше от корабля для него не осталось. И вот когда взял бинокль, то второй раз заплакал. Ну, что хочешь? Мальчишка.

— Коля, какой же он мальчишка? Нам с тобой в пятьдесят третьем на десять лет меньше было.

— А вообще они юмористы.

— Кто?

— Арабы.

— Вот уж чего не замечал!

— Ну и дурак, если не замечал. Ахмед у нас учился всего полгода. Спрашиваю, как это ты умудрился так хорошо русский понимать? Я, объясняет, в Бомбее всего четыре месяца на ремонте стоял, а уже и на хинди могу лекцию по марксизму прочитать. Надо, говорит, побыстрее с девушками знакомиться. Они балаболки — за один вечер голову по самую ватерлинию словами набивают. Только, говорит, надо УШИ РАЗВЕШИВАТЬ, когда с девушкой по набережной гуляешь. Умница. И деликатности необыкновенной. Суеверный только слишком.

— Все моряки суеверны.

— Да, конечно, но у каждой нации свои заскоки. Откуда я мог знать, что на египетские боевые корабли нельзя раковины приносить? Утром этого проклятого дня попросил катер. Поехали на косу Бенас. Купаться. Вода прозрачности необыкновенной. С маской плавал. Набрал пятнистых ракушек. Знаешь, эти — щель такая волнистая, как будто губы улыбаются. Ах, какая красота! Маска-то еще увеличивает... Выгружаю улов в каюте. Ахмед заходит. Побелел весь, шепчет: «Кацура!» Это слово у них и матерное, и вроде как проклятие, и вроде нашего «компец», «карачун», «хана». Я сразу ракушки в иллюминатор вышвырнул. Только он успокоился, закурили с ним, воду со льдом пьем. Жара, будь она неладна, африканская. И вдруг кошка заорала. Четыре кошки было — крыс пугали. Орет где-то кошка истошным воплем. Он опять побелел: «Кацура, мистер Николай, беда будет!» А еще пятница — святой день у них, ну, не святой, а молельный. Потому израильтяне по пятницам обычно сюрпризы и подбрасывают...

— Большие крысы?

— Среднего такого размера, и не очень наглые. А вот тараканы! Это тебе не наши букашки. Черные и с пол-ладони. Я их больше мурен боялся. Так вот, орет где-то кошка — и вся лавочка. Спустились в кают-компанию обедать. Кошка все орет. Вижу, и командир, и другие офицеры так переживают, что есть не могут. А жратва замечательная — голуби, фаршированные рисом...

— Где же ты все-таки у них юмор обнаруживал?

— Слова умеют обыгрывать. У них много слов, которые произносятся одинаково, а обозначают вовсе разное. Забыл, как такие слова называются.

— Омонимы. Сам их вечно с синонимами путаю. А писание твое для начала просто замечательное, Коля. Не вру. Попахивает, как уже говорил, Хемом, но про смерть и всякое такое у нас никто писать не умеет.

— Чем попахивает?

— Хемингуэем.

— Это можно напечатать?

— Это будет напечатано обязательно, Коля. Рано или поздно. Потому что это правда. А правдивые рукописи не горят.

— В отличие от эсминцев и адмиралов,— сказал правнук кухарки дедушки Крылова и кинул под язык нитроглицерин.— Неужели это можно читать, Витька?

— Еще раз говорю: это хорошо.

— Терпеть не могу, когда в кино большие начальники сосут таблетки,— сказал Коля и кинул в пасть еще одну.— Что-то сильно прихватило. Слушай, отведи-ка меня на отделение. Только тихонечко. И пускай мне в задницу поскорее вопьется животворная тонкая сталь...

И я поволок его под аристократической покатостью липовых ветвей.

На этот раз у него оказался не приступ ИШБ, а банальный инфаркт.

Потому что, увы, все это происходило не в кино. Хотя... хотя если хоть что-то в искусстве смахивает на нашу жизнь и смерть, то это только в самых дрянных третьеразрядных фильмах.

ХОТЯ ОБЪЯВЛЕНИЕ И НАПЕЧАТАНО...

Уважаемые товарищи!

Не могли бы вы подсказать, где можно ознакомиться с перечнем слов, допускаемых на страницы только центральной прессы? Хотелось бы также почитать список имен поэтов и писателей, запрещенных к публикации в местной печати и разрешенных к публикации в центральной. Какие фамилии авторов публикуемых в последнее время в газетах и журналах произведений можно произносить вслух, а какие только шепотом?

Работаю я художественным руководителем ДК «Вымпел» в г. Андропове с ноября 1986 года.

Наш дворец в последнее время, как, впрочем, я думаю, и многие другие учреждения культуры, встал перед необходимостью поиска новых форм работы, особенно с подростками. Одним из первых таких шагов было решение о создании при дворце городского рок-клуба.

Мы написали объявление в «Верхневолжскую правду», постарались, чтобы оно было нестандартным. Вот его текст: «Дворец культуры «Вымпел» предлагает молодым любителям рок-музыки перестать украшать заборы и стены зданий названиями любимых групп и собраться... во дворце, чтобы образовать рок-клуб.

Приглашаются все желающие, в том числе и металлисты».

Отправили в газету, а через некоторое время зазвонил телефон, и зав. отделом объявлений сказала мне, что в таком виде объявление не пойдет, что это нелитературно, некультурно, неграмотно... Но особенно не пойдет, сказала она, слово «металлисты», которого нет ни в одном словаре. «Ладно,— добавила она,— мы сами подумаем над текстом».

Еще через некоторое время в молодежном клубе «После 17.00», которым я руковожу, должно было состояться очередное заседание. Готовил я его очень долго и тщательно. Объявление, которое мы направили в газету, выглядело так: «...Что могут «сверхспособные» люди, или экстрасенсы, в нашем городе...»

Дело в том, что нашумевшая история с Абаем и Мирзой коснулась и нашего города. Один из упоминавшихся людей жил некоторое время в нашем городе, и здесь была связанная с ним своя история, о которой писала газета «Северный рабочий».

Но после подачи объявления в газету директору, его заместителю и мне звонили, спрашивали, что такое «экстрасенс». Откуда выкопали это слово? Ни в одном словаре его нет. Не знал смысла этого слова редактор газеты, а редактор заводской многотиражки пояснила, что подобные термины имеет право употреблять только центральная печать. Мне напомнили о необходимости согласовывать тексты объявлений с горкомом партии, советовали даже сходить на прием в горком и убедить, что у автора идеи ничего в кулаке не зажато, в кармане не спрятано...

Поясню на всякий случай, что четыре года я член партии, а в 1986 году окончил пединститут по специальности «русский язык и литература».

И последний пример. Совсем недавно в клубе «После 17.00» состоялся вечер «Возрожденные имена». Полностью объявление звучало так: «Возрожденные имена: Н. Гумилев, А. Аверченко, В. Набоков, З. Гиппиус, Д. Мережковский. Достижения и противоречия». В положенное время объявление было напечатано. И тут началось... Может быть, кто-то кому-то позвонил, кто-то что-то вспомнил, не знаю. Директору клуба говорили, что это «клубничка», мне говорили: оставьте вы эти имена, возьмите Пушкина, у него, мол, такого понаписано! Я пытался объяснить, что это никакая не «клубничка», а нормальный литературный процесс. Товарищ, ответственный за пропаганду, требовал теперь уже согласовывать каждое объявление.

Мы с ним много говорили на эту тему, и он мне сообщил, что газета как орган горкома не станет на своих страницах печатать всякие там «одиозные» имена, говорил, что не может быть того, что произведения этих авторов печатались в наших газетах, журналах. Я ему называл номера, а он все равно не верил.

Поэтому, может быть, вы все-таки напечатаете список слов, разрешенных к опубликованию?

С уважением

РЯБОЙ Владимир Иванович

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

НОЧЬ. ОДНО ЗА ДРУГИМ ГАСНУТ ОКНА ДОМОВ. СО СТОРОНЫ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, ЧТО ГОРОД СПИТ. НО ЭТО НЕ ТАК. В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС И ДО РАССВЕТА ГОРОД ЖИВЕТ СВОЕЙ — ПРОТИВОРЕЧИВОЙ, СЛОЖНОЙ И НАПРЯЖЕННОЙ ЖИЗНЬЮ. ЧТОБЫ УБЕДИТЬСЯ В ЭТОМ ВООЧИЮ, МЫ И НАПРАВИЛИСЬ В НОЧНОЙ РЕЙД...

Дмитрий ЛИХАНОВ,
Борис РЯЗАНЦЕВ,
Игорь ГАВРИЛОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

— ДА ЧТО ВЫ! НИ О КАКОЙ НОЧНОЙ ЖИЗНИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ.

(Из официального разговора)

23.00. Проспект Калинина.

Отыграли свое ресторанные оркестры, принялись за подсчет дневной выручки усталые официанты, гардеробщики раздали пальто. Погасли разноцветные огни дискотек. Захлопнулись застекленные двери кинотеатров и видеосалонов, опустели театральные фойе, столовые, закусочные и гриль-бары, универсамы и маленькие магазинчики.

Двадцать три ноль-ноль — момент, когда перечеркиваются все ваши планы на дальнейшее времяпрепровождение. Везде все закрыто. Таковы правила, так сложилась поздняя жизнь города. По унылой формуле «ночью надо спать». А если спать не хочется? Если ты в силу различных причин оказался один на один с незнакомым городом и именно сейчас, а не утром хочешь найти приют и горячую пищу? А если ты возвращаешься со второй смены, а ехать тебе совсем в другой конец Москвы? А если... Да, словом, мало ли обстоятельств, заставляющих не сотен, а сотен тысяч людей бодрствовать ночь напролет. Как заботится о них город, какой сервис предоставляет он полуночникам?

Первым делом решим поужинать.

Из разговора с начальником отдела развития и специализации сети Главного управления общественного питания Л. Н. Барановой.

— Ночные кафе? — переспросила Любовь Николаевна.— Конечно, есть. Закусочная на Грузинской улице, кафетерий у Павелецкого вокзала и пельменная в проезде Серова. Все эти точки работают до двух часов ночи. Кроме этого, имеются ночные буфеты на вокзалах и в аэропортах. Все они работают круглосуточно.

Впрочем, мы знали еще одно место, где можно было бы «посидеть» приезжему человеку.

24.00, гостиница «Космос». Во всех туристических справочниках гостиница «Космос», согласно французской классификации, обозначается четырьмя звездочками, что значит гостиница «люкс».

В этот полночный час здесь было ничуть не меньше народу, чем днем. Исправно работали четыре бара (один из них — с дискотекой), крохотный магазинчик торговал всем, чего только душа пожелает: от фаршированных маслин до видеокассет с записями репертуара Большого театра.

— Что можете предложить приезжему человеку? — спрашиваем администратора Елену Николаевну Моисееву.

— Все что угодно. Наши швейцары донесут ваш багаж прямо до номера, где мы разместим вас по высшему классу. Можете сходить в сауну, в бассейн. А если захотите, то и в кегельбан. Утром — превосходный завтрак за шведским столом.

— Кроме этого,— вступает в разговор ночной

портье бюро обслуживания Людмила Андреевна Зинина,— наша гостиница обеспечивает жильем транзитных пассажиров. Заметьте — единственная в столице. Круглосуточно работает служба обеспечения транспортом.

— Простите,— не поняли мы,— неужели все это для «простых смертных»?

— Нет,— объяснили нам,— это для иностранцев.

Что ж, браво «Интуристу»!

01.27

Если «Космос» в рекламе не нуждается, то гостиница «Золотой колос» и вообще обходится без нее. Расстояние между ними минимальное, а разница, прямо скажем, заметная.

Группу размещения можно обнаружить под тусклой лампочкой в глубине двора. На стук появился человек.

— Простите за беспокойство,— слукавили мы,— нельзя ли у вас переночевать?

— Мест нет,— ответствовал страж закрытых дверей.

— Но нам спать где-то надо! — крикнули мы ему в спину.

— Сынки, вам надолго? — вдруг услышали мы сзади.

— До утра,— с готовностью сообщил один из нас.— А почем?

— По «пятерочке»,— ответила пожилая женщина и добавила: — И плюс десять минут на такси...

— Не дорого ли?

— Трое детей, кормить надо. А тут ходят, спрашивают, чего, мол, здесь ошиваешься...

Ежедневно вечером в районе корпусов гостиницы «Золотой колос» и около пивного бара и чебуречной возле гостиничного комплекса «Восток» — «Алтай» — «Заря» можно найти приют без паспорта и со всеми удобствами, вплоть...

— Нам вещи из машины надо забрать, мать!

— А может, он и подвезет? Всего-то минут десять...

И тут мы опростоволосились. Один из нас механически постучал в дверь. Швейцар Геннадий Ильич Торощан, взглянув на редакционное удостоверение, сказал:

— Ничего у вас не выйдет, мест нет.

— Позовите, пожалуйста, дежурного администратора.

— Никого нет, все отдыхают...

В это время подъехал автомобиль «Жигули».

— И здесь не селят? — спросил пассажир. И тут же воспользовался предложением услужливой старушки.

Инкогнито наше было раскрыто, и дверь все-таки распахнулась. Все были одеты, и никто не спал.

— Куда пошел? — строго спросил Геннадий Ильич одного из нас.— Стой здесь.

Почитали в фойе объявления, из которых следовало, что до 23 часов в подвале работает гладильная, до того же срока — душ и круглосуточно — камера хранения. И потому мы не стали спрашивать у диспетчера Веры Павловны Батура о других видах услуг.

— Мы подчиняемся Управлению высотных домов и гостиниц — сказала она,— а распоряжается местами ВДНХ СССР. Существует бронь для людей, которые приезжают на отраслевые выставки и семинары. Но бывает, что и те, кто имеет первоочередное право, стоят в очереди, поскольку в фойе собирается масса народа. Однако мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы держать пустые номера. С недавнего времени мы за бронь удерживаем не полную стоимость, а только половину. И потому, когда у нас появляются свободные места, мы сообщаем в управление. Как правило, нам разрешают воспользоваться правом гостиницы на свободное поселение. В этом случае мы селим в первую очередь постояльцев с детьми, граждан с льготами и лишь потом — остальных. Но на них обычно мест не хватает...

02.23.

В том, что остальные остаются без нормального ночлега, мы убедились в залах ожидания Казанского вокзала, где и место на пластмассовом стульчике — проблема. Но и сюда может попасть не каждый. Вход только для пассажиров с билетами. И потому те, кому город не в состоянии предоставить полноценный приют, постепенно приспосабливаются: покупают билет, дающий право не только на проезд, но и на крышу над головой. А за день до отхода поезда сдают его в кассу, теряя на этом гораздо меньше, чем на проживание в гостинице.

Правда, и комфорт здесь убогий. Но уже хорошо, что не требуется бродить по пустым улицам, что можно перекусить в буфете со скудным ассортиментом, беспрепятственно воспользоваться круглосуточным туалетом и постоять в очереди в камеру хранения.

Комната отдыха на Казанском отсутствует. По этому поводу мы хотели бы получить официальный ответ от МПС. Но в милиции помощник дежурного по части сержант Николай Шерипов назвал одну из причин. Оказывается, существовал до времени особый вид «услуг». Тех, кому не хватало места в комнате отдыха, «обслуживали» проводники вагонов, стоящих на отстое в парке. Эту «прореху» сервиса милиция «заштопала». Но комнату отдыха, негостеприимные двери которой были точкой, где предлагали ночлег проводники, закрыли и так и не открыли. Да и она не сумела бы вместить всех желающих.

Когда в залах ожидания несколько раз сверкнула фотовспышка, к нам подошел дежурный по вокзалу Р. А. Хасанов.

— Теперь меня накажут,— сказал он.

— За что?

— За то, что люди спят на полу. Но разве я в состоянии их всех разбудить...

Позднее мы разговаривали с заместителем начальника вокзала З. И. Вучишкиной.

— Дежурный по вокзалу обязан поднять спящих. Таков порядок, такова инструкция!

Усталость бесприютного путешественника и правила внутреннего распорядка совместить, на наш взгляд, невозможно. Вероятно, все-таки требуется подумать прежде всего об удобствах людей и лишь потом издавать циркуляры о правилах поведения. Да этому человеку, уставшему от бесконечного хождения от одной службы размещения к другим, мягко говоря, начхать на сии инструкции.

Хасанов между тем сообщил, что некоторое время назад он и его товарищи отработали по нескольку дней на ремонте дома на Каланчевской улице, в котором размещается универмаг. В этом здании предполагали открыть гостиницу для приезжих. Благое попечение железнодорожного начальства о ночлеге для пассажиров было перекрыто, как осведомила нас Вучишкина, санитарно-эпидемиологической службой и пожарной охраной. И потому путешественник за отсутствием койки довольствуется газетой в зале ожидания.

Но сервис не ограничивается пределами Казанского и шести остальных вокзалов, автовокзала, аэровокзала, четырех аэропортов.

3.00. Чтобы приезжему человеку добраться до гостиницы или знакомых, необходим транспорт. Без транспорта — никак: Москва большая, в три ночи метро уже не работает, автобусы не ходят, троллейбусы и трамваи — тоже. Остается только такси.

На площади трех вокзалов несколько стоянок таксомоторов. И у каждой — очередь. К одной пристроились в самом конце и мы. Вот и зеленый огонек. Тормозит. «Очаково!» — выкрикивает таксист. Желающих не оказалось. Следующая машина ехала в Медведково. Нашему соседу по очереди повезло, ему было как раз по пути. А если не по пути? В. А. Гавага ожидала на стоянке уже сорок пять минут. И ни одной попутки. Все машины следовали в парк. В это время суток не ты выбираешь такси, а такси выбирают тебя. Таково положение.

— В чем же дело? — спросили диспетчера по организации движения В. П. Куликова.

— А дело в том,— ответил он,— что все свободные такси сейчас на окраинах: в Чертанове или, положим, в Бирюлеве. Ехать в центр — холостой пробег. Вот и ждут случайных пассажиров. К сожалению, все это так: холостой пробег, километраж, план ценятся гораздо дороже интересов тысяч людей, мерзнущих на стоянке таксомоторов.

Рядом припарковались к обочине дороги с десяток «Жигулей» и «Москвичей». Таксисты и милиция назвали их «пятой колонной» и не скрывают своей неприязни. Это — не индивидуальные такси, узаконенные патентами, а элементарные «леваки». Подошли к белой «Ниве».

— Отвезете в Кунцево?

— Пожалуйста.

Торг был недолгим. Но мы уехали на другой машине. А они остались. Остались лежать на полу шумных вокзалов, остались стоять в очередях на такси, вести бесполезные поиски жилья и гостиниц, отдыха и нормальной пищи. Если печься о государственной пользе, то надо усвоить, что ночной сервис города — совершенно неисследованный источник доходов. Этакое белое пятно на карте экономики.

И все же думать, вероятно, следует не только об одной выгоде. Речь прежде всего об удобствах не единиц, не тысяч даже, а примерно миллионов. Но значительная часть путешественников и в Москве — столице! — остаются бесприютными и необихоженными.

Впрочем, скоро ситуация может значительно обостриться. Различные предприятия постепенно переходят на трехсменную работу. В ближайшее время привычно пустой ночной город начнет наполняться народом. И совершенно неизбежны тысячи людей, коим потребуется на утро пакет молока и булка. Появятся десятки тысяч таких, которым проще перекусить перед отдыхом где-нибудь вне дома. Вот только где?

Сразу возникает мысль о рентабельности. Приведем сразу пример азербайджанской чайханы на Садовом кольце, очередь в которую стоит постоянно. Затраты окупаются. Если бы подобные заведения работали и позже одиннадцати, у них была бы не меньшая популярность, а значит, и доход.

Словом, возникла потребность затрат. На новые гостиницы, ночные кинотеатры и экскурсии по городу, ночные рестораны, кафе, транспорт, детские сады и ясли, торговые автоматы, телефонную службу «09», без которой столица онемела до рассвета. Если не пойти на эти затраты сегодня, завтра они обойдутся дороже. Поскольку природа, а тем более экономика не терпят пустот! Их, как известно, мгновенно заполняют дельцы — большие специалисты по части предложения при неудовлетворенном спросе. И вот появляется «пятая колонна» с ночным «тарифом», превышающим государственный. Поджидают у переполненных гостиниц и вокзалов услужливые старушки. И не только старушки. Потому что столица не засыпает в двадцать три ноль-ноль. Она живет своей особой жизнью. Закрыть на которую глаза нельзя, даже если кому-то очень хочется спать.

ЗАКОН МИЛОСЕРДИЯ

Сотрудниками Института общей и судебной психиатрии был проведен опрос 135 человек, привлекавшихся за хулиганство, разбой, изнасилование. Преступники рассказывали о своем отношении к животным. Выяснилось, что сто восемнадцать из них истязали животных с детства. «Давняя истина: человек, жестокий к животным, будет жестоким и с людьми»,— подтверждает немецкий зоолог Бернгард Гржимек.

После публикации в «Огоньке» (№ 8) статьи «Живодеры» в редакцию пришли сотни писем, в которых говорится о необходимости установить уголовную ответственность за жестокое обращение с животными.

Психологические барьеры не позволяют нормальному человеку причинить боль или убить живое существо. Преодолевая в себе эти барьеры милосердия, человек становится жестоким. Для городских детей кошки и собаки бывают, как правило, первыми встреченными представителями мира животных, и от того, как ребенок относится к ним, зависит формирование его этики.

Актив секции «Московская сторожевая» Московского городского клуба служебного собаководства выступил с общественным ходатайством перед Верховным Советом РСФСР о включении нормы, устанавливающей ответственность за жестокое обращение с животными, в Уголовный кодекс РСФСР, как это сделано в Эстонии, Армении и некоторых других союзных республиках. Ходатайство подписали более двух тысяч человек. Люди удивлялись, что такого закона в Российской Федерации до сих пор не существует.

Листаю книгу подписей. Труппа театра «Современник» в полном составе, Аркадий Райкин, режиссер Станислав Ростоцкий, Людмила Зыкина, Булат Окуджава, Борис Можаев, Андрей Макаревич, Евгений Светланов... Много известных фамилий.

Закон об охране домашних животных и об ответственности тех, кто взял на себя заботу о живом существе, необходим не только ради кошек, собак и птичек. Прежде всего он нужен людям.

Александр МИХАЙЛОВСКИЙ
Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

Аркадий Райкин приехал к активистам клуба служебного собаководства, чтобы поставить свою подпись в защиту домашних животных.

Марина СЕРГЕЕВА

ПУСТЬ ПОВЕЗЕТ В ГЛАВНОМ

Наверное, кто-то может сказать: «Ну и счастливая эта Дарья Михайлова. В 21 год и успех, и любовь, и работа, о какой с детства мечтала. Везет же!»

— Везет? — Даша так задорно смеется, что теряет со спицы несколько петель, бросает вязанье и с высоты достигнутого возраста вспоминает: — О том, что просто так везения не бывает, я поняла очень давно. К нам в школу пришел второй режиссер картины «Голубой портрет» Виктор Прохоров, ходил по классам, разговаривал с ребятами, а мне дал карточку, приглашение на «Мосфильм». Я и гордые за меня одноклассники были в полной уверенности, что был выдан не пропуск, а стопроцентная гарантия того, что теперь меня просто обязаны снимать в кино и сделать артисткой. Но, приехав на студию, мы с бабушкой увидели еще много-много худеньких русоволосых девочек, тоже приглашенных «в кино» и тоже, оказывается, только на пробы.

— Не помните, какое чувство испытывала тогда одиннадцатилетняя Даша: разочарования, обиды?

— Удивления. Что у взрослых все не так быстро и красиво, как хочется. Но пробы прошли удачно, и это мимолетное ощущение быстро забылось. Потому что сниматься у Геннадия Шумского было очень интересно, ведь сценарий Александра Александрова — это совсем не детская драматургия, или, точнее, очень хорошая детская драматургия о мечте, понимании, чуткости...

Эта первая и совершенно взрослая работа девочки над ролью своей сверстницы, в характере которой уже проглядывают черты маленькой женщины, до сих пор у Дарьи самая любимая. И неудивительно, такому психологически объемному образу может позавидовать и известная актриса.

Способную девочку заметили, и, скажем сразу, что со второй (как, впрочем, и с последующими) картиной юной Михайловой тоже повезло. Судите сами: Илья Авербах, «Объяснение в любви» по сценарию Евгения Габриловича.

— Это была прекрасная школа общения. Илья Александрович с нами не сюсюкал, но никогда и не командовал. У него всегда находилось время поговорить со всеми, он как-то незаметно интеллектуально развивал нас. По-моему, мы все (не только двенадцатилетние) были в него немного влюблены. Я, например, помню, мечтала, когда вырасту, курить трубку, как Авербах...

Прошло три учебных года и еще три фильма, прежде чем Дарью вызвали на пробы в фильме «Валентина» по сценарию Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Правда, уже витали слухи о том, что Панфилову не угодишь, мол, ищет девушку, похожую на героиню бергмановского «Источника». Но, согласитесь, в пятнадцать лет не до Бергмана, не до его знаменитых лент, и Даша без особой уверенности на успех, но и без особого страха, скорее из любопытства пошла на пробы и неожиданно для всех была утверждена на роль Валентины.

— Я не верила своему счастью. Сниматься у Панфилова, работать с Чуриковой, Удовиченко, Нахапетовым! Здесь я такому мастерству научусь!.. Не знаю, может быть, я была избалована съемками детского кино: их веселой дружеской атмосферой, их работой до усталости, а не до истерики, их требовательными, но очень добрыми режиссерами. Панфилова же я просто боялась, думала, если на меня крикнет, сбегу.

— Но ведь не сбежали?

— Но ведь и не кричал. На меня. Мне кажется, Глеб Анатольевич актрису Михайлову вообще не замечал. А я серьезно готовилась, репетировала десятки вариантов реплик, движений, очень волновалась, хотела посоветоваться. В результате осталось ощущение того, что от меня было нужно только мое типажное присутствие на экране в заданной тональности.

...Вот и первые разочарования, как кажется Даше, первые «пробеги впустую», хотя роль получилась одной из самых ярких и удачных в фильме.

Г. А. ПАНФИЛОВ: «Честно скажу, работалось нелегко. Думаю, что той девочке, какой Даша была шесть лет назад, работалось трудно не оттого, что умение — это еще не мастерство, а главным образом оттого, что у нас ей не пелись дифирамбы, к которым она, кстати, уже начинала привыкать. И не потому, что мы на съемках были невнимательные или недобрые, а потому, что видели, как это девочку портит, как на глазах она «старится». Дашенька же была милым ребенком, и это было прекрасно. Мы любили ее за детскость, непосредственность, какую-то весеннюю чистоту и свежесть, которую она несла в картину. И мне было бы очень грустно увидеть Дарью Михайлову, овладевшую арсеналом театральных приемов, но похоронившую в душе праздник весны — умение ждать чуда, способность удивляться и радоваться, видя чудесное в самом обыкновенном».

Сразу после «Валентины» Михайлова снялась у Игоря Таланкина в «Звездопаде». И это снова была для нее большая удача. Так же как и главные роли в фильмах Бориса Савченко «Еще до войны» и Алексея Салтыкова «Экзамен на бессмертие», потому что в основе трех этих сценариев прекрасная литература — произведения Виктора Астафьева, Виля Липатова, Константина Воробьева.

— Для меня самым важным было то, что здесь главный герой — прекраснейшее чувство, каким Жизнь одаривает человека: любовь. А в процессе съемок самым ценным было необычайно бережное отношение всех к первоисточнику, литературе, и необыкновенно трепетное желание передать, словно самим пережить, светлую нежность первой любви, сохранить, донести до современников дыхание времени, на которое «выпало любить» тогдашним моим сверстникам. Помните, у Липатова... Это происходило за два года до войны, в те дни, когда девчата слово «Москва» произносили с молитвенными глазами и умели за шесть секунд натянуть на лицо пахнущий резиной и тальком противогаз; это происходило в те далекие времена, когда в обских деревнях парней в армию провожали так, как сейчас встречают космонавтов, а старики мечтали научиться читать; это было еще тогда, когда на вельвет глядели как на чудо, а о шевиоте говорили как о лунных породах...

С максимализмом юности Михайлова убеждена, что либо у человека есть «талант любить», либо его нет. И именно этот талант восхищает ее в жизни и в искусстве, а нас — в сыгранных ею ролях. Но это вовсе не значит, что актрисе не свойственны юмор, шутка, водевильные «музыка, песни и танцы». Кто видел фильм Александра Панкратова «Проделки в старинном духе», поставленный по ранним рассказам Алексея Толстого, тот запомнил, какой хитрый бесенок живет в юной мечтательнице Дарье Михайловой.

Но несмотря на то, что все началось с кино, и кино, такое изменчивое, остается к ней благосклонным вот уже второе десятилетие (сейчас актриса снимается в роли Наташи по горьковской пьесе "На дне"), превыше всего для Даши — театр.

— Кино больше использует типаж артиста, чем его способности. Кроме того, оно более режиссерское искусство, а театр — более актерское. В театре даже при самой маленькой роли ты всегда в тренаже, всегда в форме, постоянно работаешь над собой. Мне кажется, я никогда не забуду, с каким упоением репетировали мы в училище с Татьяной Кирилловной Коптевой, Ларисой Алексеевной Пашковой, Владимиром Владимировичем Ивановым. Мы пробовали свои силы и в «Двенадцатой ночи» Шекспира, и в «Нетерпении сердца» Цвейга, и в «Предназначенном на слом» Уильямса...

Недавно на вахтанговской сцене прошли премьерные спектакли многострадального «Кабанчика» по пьесе Виктора Розова. Я же встречалась с Дарьей Михайловой, когда еще шли репетиции. Она нервничала, была счастлива от каждой похвалы режиссера и после каждого его замечания уходила с репетиций подавленная.

...Вот и первые трудности. И пока они не преодолены, рассказывать о своей роли Даша не хотела. Но приглашенный специально для этой постановки главный режиссер рижского ТЮЗа не так суеверен.

А. Я. ШАПИРО: «Я рад, что идея, замысел постановки сплотили актеров. А ведь они все очень разные: известные, опытные мастера Юрий Яковлев, Ирина Купченко, Александр Филиппенко и молодежь, делающая первые шаги на профессиональной сцене. Им есть чему друг у друга поучиться. Михайлова органично влилась в актерскую труппу, по-моему, она серьезная, думающая актриса. Роль у нее, может быть, и не самая выигрышная в спектакле, но мне нравится, как чутко, «не в лоб» лепит она в своей героине личность, постигающую смысл жизни через драму близких людей, через пришедшую к ней любовь. Время и работа покажут, как это все до конца отшлифуется. А то ведь, знаете, бывает и как в спорте: первую четверть дистанции стайер впереди, а потом «дыхалки», как говорится, не хватает. А молодость актрисы? Что ж, это единственный недостаток, который с возрастом проходит. Главное, не растратить молодость души и сердца».

Точнее, пожалуй, не скажешь. У Даши сейчас еще пора надежд, но очень скоро придет и для нее «время собирать плоды», так пусть ей повезет в главном и дальше: не растратить по пустякам весну своего таланта.

Актриса Дарья Михайлова

Фото Николая ГНИСЮКА

КРУТОЙ ЧИСТЫЙ ЛОБ,
ВЗДЕРНУТЫЙ НОСИК,
МЯГКАЯ УЛЫБКА
(КОТОРАЯ ВДРУГ МОЖЕТ СТАТЬ
И КАПРИЗНОЙ, И УПРЯМОЙ)
И ГЛАЗА —
«СИТЕЦ НЕБА ТАКОЙ ГОЛУБОЙ».
ЭТО МИЛОЕ РУССКОЕ ЛИЦО
ВПЕРВЫЕ МЫ УВИДЕЛИ НА ЭКРАНЕ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД.
ЗА ЭТО ВРЕМЯ ДАША УСПЕЛА
ОКОНЧИТЬ ШКОЛУ
С ФРАНЦУЗСКИМ УКЛОНОМ
И ЩУКИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ,
СНЯТЬСЯ В ДВЕНАДЦАТИ ФИЛЬМАХ
И ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ЗА СВОЕГО ОДНОКУРСНИКА.
СЕЙЧАС ОНИ ВМЕСТЕ ГОТОВЯТСЯ
К СЕРЬЕЗНЫМ РОЛЯМ
В ТЕАТРЕ
ИМЕНИ Е. Б. ВАХТАНГОВА.

РАЗГОВОР У КАРТЫ БАМа

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Время, неумолимый счетчик нашей жизни, уже выставило тринадцатилетнюю веху от первой бамовской весны. Помните карты-схемы начальных лет строительства, что печатали все газеты? От Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре — кривой пунктир. Сегодня на бамовских картах уже сплошная линия. Байкал и Амур связывает стальная колея длиной более трех тысяч километров. БАМ, имея сквозное движение, продолжает строиться. И карты магистрали по-прежнему занимают видные места в кабинетах хозяйственников. У такой карты мы начали разговор с начальником Главбамстроя Ефимом Владимировичем Басиным о том, как идет завершение строительства.

— Мы должны сдать БАМ в постоянную эксплуатацию в третьем квартале 1989 года. Времени, как видите, практически нет, а сделать предстоит очень многое. Выполнить строительно-монтажные работы — от

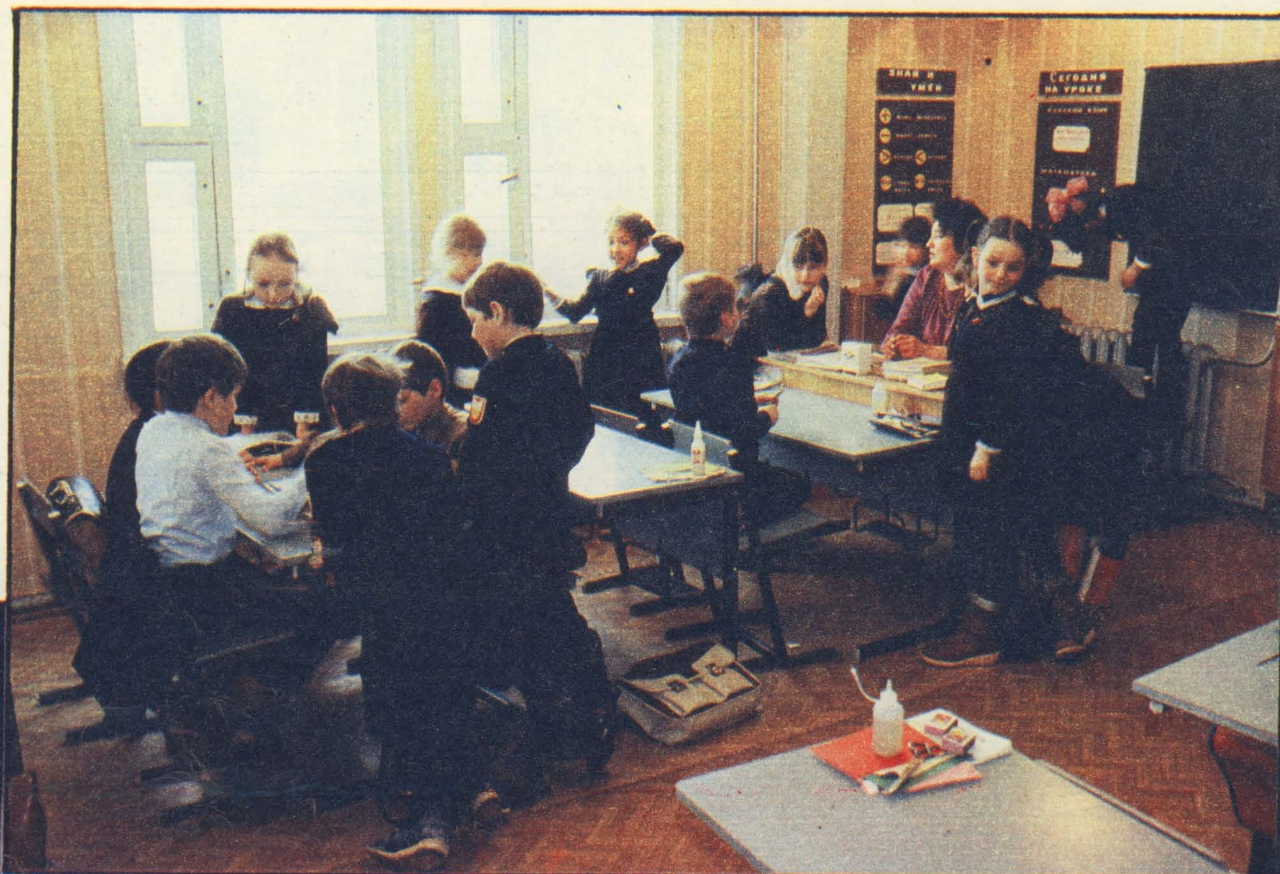
БАМ СЕГОДНЯ ПЕРЕЖИВАЕТ НЕЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА.
ПОСЛЕ «ЗОЛОТОЙ СТЫКОВКИ» В КУАНДЕ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА
НАЗАД МАГИСТРАЛЬ ВЕКА СЛОВНО ОСТАЛАСЬ В ТЕНИ.
К ЕЕ ОБУСТРОЙСТВУ, СОЗДАНИЮ ЗДЕСЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ СТАЛИ МЕНЬШЕ ПРОЯВЛЯТЬ ВНИМАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА, КОТОРЫЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ,
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОДУМАТЬ ОБ УСКОРЕНИИ
РАЗВИТИЯ ВСЕГО КОМПЛЕКСА МАГИСТРАЛИ, ПРОЯВИТЬ
ОЗАБОЧЕННОСТЬ СУДЬБОЙ СТРОЙКИ.

стрелочных будок до крупных вокзальных комплексов. Произвести наладку автоматики и электроники, до миллиметров выставить путь. Возвести еще пятнадцать железнодорожных станций. Раньше мы рубили просеки, сыпали грунт, укладывали рельсы. Работа объемная, в инженерном плане простая. Всегда было ясно, в каком темпе идем, сколько уложено и сколько осталось. Теперь же на первом плане — строительство промышленных объектов, забота об инфраструктуре. Куда более сложные дела. Решая их, ведем перестройку в подразделениях главка, коллективы переходят на самоокупаемость и самофинансирование. Стараемся стать рентабельными. Ведь только в одиннадцатой пятилетке допущено убытков на многие десятки миллионов рублей, стройка была на дотации. Переход на новую систему показал, что это правильный путь — за

прошлый год получено 24 миллиона прибыли. Но это резервы, взятые с поверхности.

— Известно, что на объекты БАМа строительные конструкции завозятся из других, порой очень удаленных районов страны. Нередко срываются поставки, а значит, и договора бригадных подрядов. Проектом предусмотрена собственная строительная индустрия БАМа. Где же она?

— Прежде мы действительно завозили строительные материалы, как говорится, с миру по нитке. Но с прошлого года стали получать гораздо больше с собственной базы. И уже имеем, пусть пока не в полных комплектах, свои конструкции, детали, кирпич, «столярку». Наладили дело на Шимановском комбинате. Закончили строительство Тайшетского комплекса. На станции Бамовская запустили кирпичный завод на импортном оборудовании. Развернули работу в Кунермском леспромхозе — здесь скоро вступит в строй деревообрабатывающий цех. Строим завод и полигон железобетонных изделий,

ремонтно-механические цехи. С опозданием, конечно, но все же завершаем создание собственной базы стройиндустрии.

— Значит, есть гарантия сдачи магистрали в установленный срок?

— То, что зависит от коллектива бамовцев, будет сделано, и такую гарантию мы даем. Но не все зависит от нас. Меня очень беспокоит комплектация оборудования для объектов, инженерных сооружений. Сроки поставок уже сегодня сорваны, а что будет завтра? Если в прошлые годы заказчик расходовал по этой статье четыре-пять миллионов рублей, то в этом году необходимо освоить двадцать пять миллионов рублей. Для полной гарантии своевременной сдачи дороги мы должны быть уверены, что поставка оборудования будет осуществляться в срок и комплектно. Вы знаете, о проблеме теплоснабжения Тынды говорилось даже на XXVII съезде партии, нас неоднократно критиковала печать. В этом году мы готовы запустить тындинскую котельную. Обязательство строителей — сдать объект к отопительному сезону. Но, увы, заказчик поставит оборудование только в конце года. Госплан и Госснаб обязаны взять под особый контроль поставки технологического оборудования на объекты БАМа.

— Ефим Владимирович, вы были гостем XX съезда комсомола и слышали, как с трибуны говорилось о том, что еще две трети бамовцев первого комсомольского отряда до сих пор живут во времянках. Более 60 тысяч строителей не имеют постоянного жилья. Могу добавить еще строчку грустной статистики: сегодня обеспеченность строителей БАМа жильем на четверть ниже, чем в среднем по РСФСР.

— Жилищная проблема для нас — самая острая. Пожинаем плоды диспропорции, допущенной прежде, когда темпы строительства производственных объектов резко опережали возведение жилья и объектов соцкультбыта. Пытаемся изменить положение. Главбамстрой имеет на своем балансе миллион шестьсот тысяч квадратных метров жилья и только четверть его — в капитальном исполнении. Остальное — времянки. Работы по ликвидации этой социальной несправедливости уже начаты. Если в прошлой пятилетке за год строили 70—80 тысяч квадратных метров жилья, то уже в первом году нынешней сдали почти вдвое больше.

— Завершая строительство магистрали, ваш коллектив взялся за сооружение младшего брата БАМа — АЯМа. Не перекочевали ли туда вместе с вашими подразделениями и проблемы, проявившиеся на магистрали века? Как думаете устранять их?

— Уже в этой пятилетке должны быть проложены рельсы до станции Томмот. Это четыреста километров трассы в очень сложной местности. В следующей пятилетке надо сдать полностью восьмисоттридцатикилометровую магистраль до Якутска. Эта дорога очень нужна. Специалистами подсчитано, что она может окупиться всего за два года. Сегодня снабжение Якутии идет воздушным, водным и автомобильным путями. Это ограниченные и дорогостоящие способы доставки. Чтобы завезти ныне тонну груза, скажем, в Алдан по автодороге, нужно потратить 21 рубль. А по железной дороге обойдется в десяток раз дешевле. Мы уже «оседлали» новую трассу, ведем работы на всех участках до Томмота.

— Однако положенное более полутора лет символическое «золотое» звено не имело продолжения...

— Укладка — важный этап, но не главный в данный момент. Рельсы придут в Чульман очень скоро. Нас держали мосты. От станции Нерюнгри-грузовая до Чульмана сорок километров. Но на них пять больших мостов через одноименную реку. Мостовики сделали, казалось бы, невозможное. Они в этом году отдают под укладку первые мосты, а вот последние и обещать боятся.

Заговорив о мостах АЯМа, не могу умолчать о кричащей проблеме — строительстве Алданского и Ленского мостов. Сроки строительства первого — четыре года, а второго, пожалуй, самого большого в стране, длиною в три тысячи метров и стоимостью в сотни миллионов рублей — восемь (!) лет. С учетом сложнейших северных условий сооружение ленского гиганта надо было начинать еще вчера. А мы и сегодня продолжаем биться во все инстанции, прося разрешения в виде исключения начать подготовительные работы. И результатов пока нет. Так же, как нет постоянства в финансировании стройки. Два года ведутся работы на Амуро-Якутской магистрали, и два года идет постоянная нервотрепка с финансированием. То его закрывают, то открывают.

— В строительстве АЯМа вами избран вахтовый метод. Сейчас поселки строителей ставятся не через 50 километров, как было на БАМе, а через 200—250 километров, но возводят их опять-таки во временном исполнении. Почему бы не начинать сразу с капитального строительства?

— Да, мы согласны с критикой. Но прежде чем начать капитальное строительство, необходимо где-то разместить людей. Не жить же людям в палатках. Поэтому и ставим пионерные поселки—базы, что, кстати, полностью соответствует генплану. Но и эти, временные, мы стараемся делать по полной схеме инженерного обеспечения. А как «зацепимся», начинаем капитальное строительство.

— Мне рассказывали, что в техническом проекте новой магистрали не учтены некоторые ошибки, проявившиеся в эксплуатации Малого БАМа— линии Беркакит — Тында — Бамовская. Дорога Беркакит — Томмот — Якутск запроектирована с теми же слабыми рельсами Р-50, со слабым строением земляного полотна и в однопутном варианте. А между тем случившиеся на Малом БАМе аварии доказали несостоятельность такого решения, несовершенство этого проекта и непригодность его для суровых здешних мест.

— Вы правы, первоначальный проект был именно таким. Но сейчас в него внесены изменения: решено укладывать мощные рельсы Р-60, усиливается и земляное полотно. А вот вариант второго пути нам и эксплуатационникам отстоять не удалось. Хотя любому специалисту понятно, что сейчас сооружать полотно сразу под два пути гораздо дешевле, чем потом. Хотим мы этого или не хотим, но жизнь заставит вернуться к строительству вторых путей. Причем очень скоро, потому что мы идем в зону крупнейших месторождений полезных ископаемых. Мое личное мнение: мы часто допускаем большие ошибки, проводя технико-экономическое обоснование того или иного строительства. Берем по минимуму, стремясь сэкономить на всех стадиях строительства, желаем и быстрее, и дешевле. Хотя уже неоднократно обжигались на подобном подходе.

— Позвольте мне вспомнить разговор с начальником Байкало-Амурской железной дороги Валерием Александровичем Горбуновым, который тоже касался экономических обоснований при проектировании. Вот что он сказал по этому поводу — привожу запись беседы из своего блокнота:

— Законодателем в определении проектных решений является Государственный институт технико-экономических изысканий и проектирования железнодорожного транспорта. Он просчитывает и определяет грузопотоки, выдает задания из расчета определенных им объемов перевозок. Институт этот наш, эмпээсовский. Его специалисты обсчитали нам и Малый БАМ. По их данным, получилось, что те объемы грузов, что мы перевезли еще в 1984 году, должны были перевезти только в... 1990 году. Ошиблись больше чем на пятилетку! Этот же институт выдает данные и по АЯМу, доказывая, что участок от Якутска до Томмота будет иметь годовую загрузку не более 12 миллионов тонн перевозок. По нашим подсчетам на местах, получается 16 миллионов тонн. Но «Мосгипротранс», получив данные «Гипротрансэи», исходит в проекте из них. Кстати, проект этот вызывает у нас, эксплуатационников, категорические возражения по целому ряду положений. Не буду касаться самой дороги, рельсов, полотна. Здесь, кажется, уже найдено правильное решение. Но как решать социальную сторону, если в проекте повторяются ошибки БАМа? Мы уже убедились, что на сто процентов работающих непосредственно на эксплуатации железной дороги тридцать процентов приходится на вспомогательный персонал: врачей, учителей, парикмахеров и т. д. И снова на этот контингент по соцкультбыту закладывается мизер. То есть не учитываются места в школах, детских садах, жилье, наконец. Значит, через десять лет опять зашумят газеты, обвиняя нас в допущенных ошибках. Но, простите, давайте сегодня честно скажем, что мы это делаем умышленно, мы экономим. Выданный «Мосгипротрансом» проект Амуро-Якутской железной дороги вообще вносит «революцию» в эксплуатацию железных дорог. Он предлагает эксплуатировать дорогу... вахтовым методом. Мы пока не можем себе представить, как эксплуатировать путь этим способом. Конечно, сегодня предлагаемый вариант удешевляет и упрощает строительство. Но экономического расчета, что дешевле: эксплуатация вахтовым методом завтра или строительство поселков на разъездах,— сегодня нет. Никто не проводил. Идею вахтового обслуживания выдвинул институт, находящийся за многие тысячи километров от этих суровых мест, хотя сами же специалисты «Мосгипротранса» сегодня не могут представить, чем это может кончиться...

Возвращаясь к разговору с Басиным, который является сторонником вахтового метода и в эксплуатации, я спросил, будет ли использоваться помощь шефов на строительстве станций и поселков на новой магистрали. Ведь на БАМе участвовали (а некоторые продолжают работу) представители почти всех республик, краев и областей. Из областей и республик приезжали строители, привозили материалы и конструкции, сооружали станции, поселки. Но ни одно строительное управление шефов не построило за две пятилетки ни одного предприятия стройиндустрии. А может быть, надо было начинать с этого? Тогда и сегодня было бы проще и легче завершать одни объекты и развивать другие. Так будут ли шефы на АЯМе?

— Очень хотелось бы иметь таких помощников и на этой стройке. Но, увы, пока все под большим вопросом. Даже Якутия, на территории которой развернулось строительство, не проявляет активности, хотя здесь имеются мощные строительные объединения — это Главякутстрой и Якутуглестрой. Эти гиганты стройиндустрии могли бы помочь нам на первых порах. Скажу больше, была даже договоренность с Минуглепромом о помощи в строительстве в Алдане. Но с приходом нового министра мы получили отказ. Он заявил, что надо строить Ургал и КАТЭК. Теперь конструкции крупнопанельного домостроения, что делаются в Нерюнгри, будут отправляться в Западную Сибирь, а из Восточной Сибири наши повезем в Алдан. Вот вам ведомственность во всей своей красе. А ведь конструкции Нерюнгринского комбината в несколько раз дороже. Они рассчитаны на 9-балльную сейсмичность, на низкие температуры, изготовлены в дорогостоящем поясе, где высокий уровень зарплаты. Предлагался Минуглепрому и вариант вложения наших капиталов в реконструкцию того же Нерюнгринского комбината, в реконструкцию, после которой прирост продукции отдавать на строительство поселков магистрали. И тоже поначалу было согласие, а потом последовал отказ. Теперь мы вынуждены проектировать свой комбинат в Тынде. Он, бесспорно, здесь нужен, но продукция его когда еще будет. А нерюнгринское предприятие с хорошими резервами и слаженным коллективом могло бы уже завтра давать нам конструкции. Это позволило бы раньше вести строительство станций и поселков АЯМа в капитальном исполнении.

— Ефим Владимирович, хотелось бы коснуться еще одной проблемы — взаимоотношения строителей и проектировщиков, в частности «Мосгипротранса». Начальник отдела инженерной подготовки треста «Мостострой-10» Сергей Владимирович Гузенко рассказывал мне о сложностях работы с документацией, поступающей от проектировщиков, о потере времени на переписку с институтом, который находится в Москве. Напрашивается вывод о постоянном присутствии проектировщиков, хотя бы группы, здесь, в Тынде.

— Прекрасно понимаю мостовиков, и мы неоднократно обращались в «Мосгипротранс» с такими просьбами. Присутствие проектировщиков в Тынде необходимо и нам. Особенно сейчас, когда идет подготовка к сдаче участков магистрали в постоянную эксплуатацию. На БАМе, как известно, работают шефы, у которых каждая станция, поселок проектировались в своей республике или области. У каждого тамошнего института свой почерк, свой подход, и порой специалисты в силу незнания наших условий допускают ошибки проектирования на вечной мерзлоте. Будь здесь группа представителей «Мосгипротранса», вопросы, связанные с проектированием, решались бы гораздо проще и экономились бы время и деньги. А причина поведения руководителей «Мосгипротранса» мне понятна. Она опять-таки идет от торможения финансирования, которое в любую минуту готово перейти в стадию «замораживания». Получается замкнутый круг: нет финансирования — нет технического проекта, а нет проекта — нет финансирования. Вот пример из элементарной арифметики. На проектные работы в прошлом году было затребовано 6 миллионов рублей, а выделена треть часть. «Мосгипротранс» же в год должен делать работ миллионов на двенадцать. Вот вам и причина отношения проектировщиков.

— Выходит, что так или иначе, но все вопросы в нашем разговоре связаны с нечеткой работой Госплана?

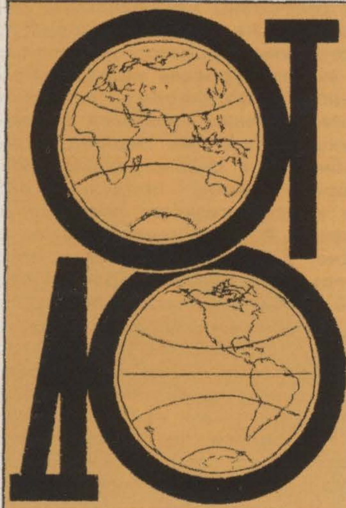
— В общем-то да. Сегодняшнее положение на строительстве впрямую зависит от этой уважаемой, но труднодоступной для критики организации.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Огонька»

Фото Геннадия КОПОСОВА

●

Редакция продолжит обсуждение проблем БАМа и АЯМа в Тынде за «круглым столом» «Огонька», куда мы пригласим ученых, а также представителей министерств и ведомств, отвечающих сегодня за дела на строительстве.

ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА

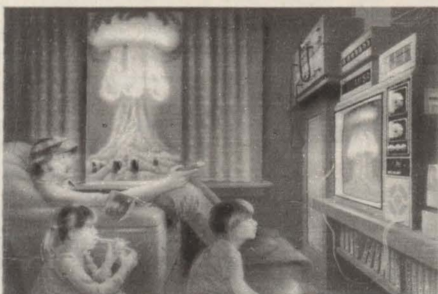

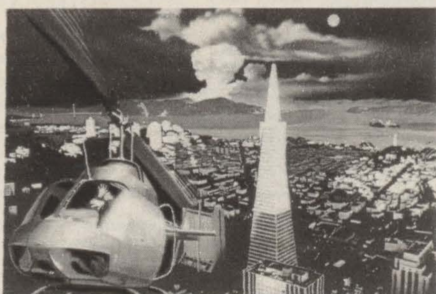
ФОТОИГРУШКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В европейских магазинах появилась новинка. Самая маленькая из серийно выпускаемых фотокамер (имеет размеры 27×22 миллиметра) разработана в лабораториях одной из французских фирм. В таких камерах постоянно нуждаются медицина и близкие к ней области науки. Ученые и должны были стать основными заказчиками. Однако наибольший интерес к новинке проявили военные и многочисленные частные детективы, обслуживающие богатых клиентов.

С КИСТЬЮ ПРОТИВ БОМБЫ

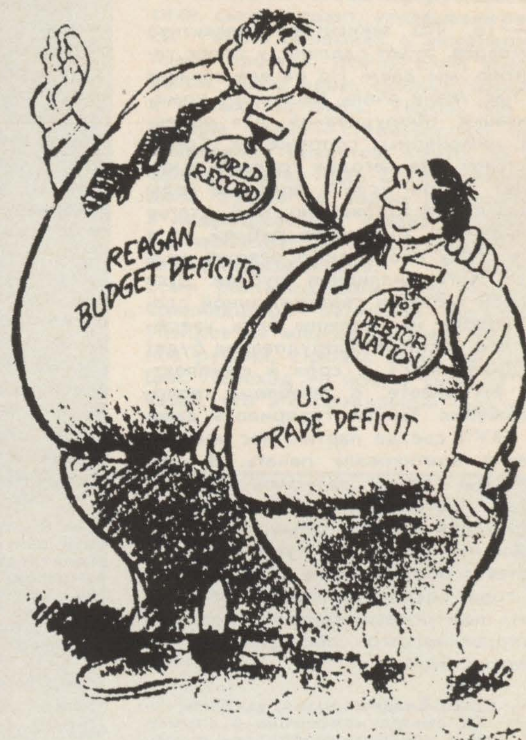

...Зловещее красно-оранжевое облако поднимается над Белым домом, кварталами Замоскворечья, джонками Бангкока, высвечивает, перед тем как сровнять с землей, Сан-Франциско. Ядерный смерч с минуты на минуту захлестнет аттракционы Диснейленда, павильоны Всемирной выставки «Экспо» в Ванкувере... Все это — на живописных полотнах Карла Чаплина.

Он сам живет неподалеку от Ванкувера и снимает настоящий бункер из бетона, оставшийся со времен второй мировой войны. Чаплин известен не только в Канаде, но и во многих странах мира прежде всего тем, что силу своего таланта вкладывает в серию картин под общим названием «Бомба над городом». Свыше двадцати столиц и крупнейших городов планеты подвергнуты им «ядерной бомбардировке» с помощью кисти.

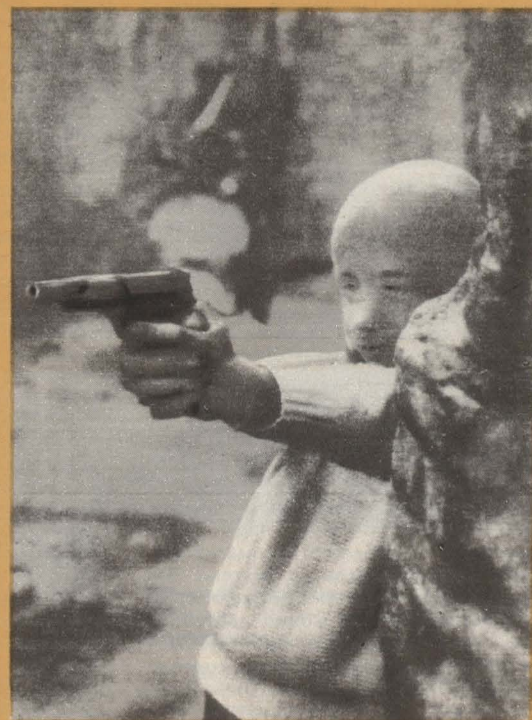
— Иначе не докажешь, во что могут превратиться наши прекрасные города, случись непоправимое,— убежден художник.— Наше спасение не в том, чтобы пережить ядерную войну, а чтобы не допустить ее. Свои работы я показываю многим, планирую также совершить с выставкой поездку по городам мира. Хорошо, если картины увидят и москвичи — жители столицы, откуда прозвучал призыв изъять к 2000 году из человеческой памяти страх перед ядерным мечом.

Два брата-толстяка: первый «Рейгановский дефицит федерального бюджета» с надписью на медали «Мировой рекорд». Второй «Внешнеторговый дефицит США» с надписью на медали «Мировой должник № 1».

— Папа гордится тобой,— говорит один брат другому.

The New York Times Magazine

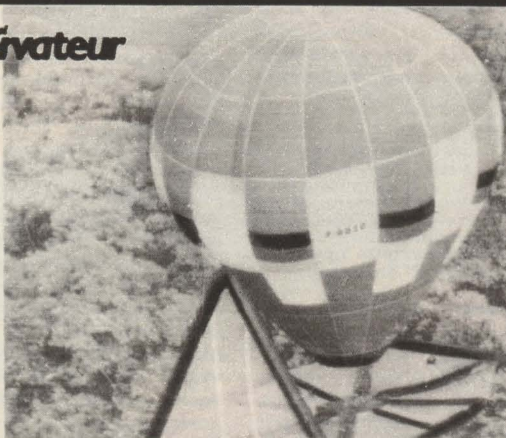
ЭТИ НЕВИННЫЕ ИГРЫ В МАФИЮ

На голове — капроновый чулок, в руке — пистолет. Правда, он игрушечный, купленный в магазине детских товаров. Место действия — Сицилия, где всевластие мафии таким вот образом накладывает свой отпечаток на подрастающее поколение. В кварталах бедноты Палермо игры подростков повторяют до мелочей поведение взрослых, и, кто знает, не вырастет ли из этого малыша самый настоящий мафиози!

Le nouvel Observateur

МАРШРУТ ПРОКЛАДЫВАЕТ ВЕТЕР

Шестеро французов, увлекавшихся полетами на воздушных шарах, решили предпринять необычную экспедицию. Известно, что в некоторые районы амазонских джунглей до сих пор не ступала нога человека, и прежде всего из-за отсутствия средств доставки. Воздушный шар необычной конструкции с гигантским «поддоном»-платформой плавно ложится прямиком на кроны вековых деревьев, а члены экспедиции спускаются вниз по лестницам. Несложная процедура «снятия с якоря» — и шар, подхваченный ветром, снова в пути.

РАЗ! ДВА! ТРИ! — ПРОДАНО...

На мировых аукционах произведения искусства выдающихся мастеров появляются все реже и реже. Одновременно возрастает число тех, кто желает ими обладать. Поскольку предложение не способно удовлетворить спрос, происходит резкий скачок цен. Особенно проявилось это в конце минувшего года.

Рекордную сумму в 77 миллионов франков выложил анонимный покупатель на аукционе Кристи в Лондоне за полотно Эдуара Мане «Улица Монсье-о-Шавёр» (1878 г.). Эту улицу видел живописец из своего окна, в настоящее время она именуется Берн. Сама же мастерская Мане находилась на улице Санкт-Петербург, которая сегодня носит название улица Ленинград.

На другом лондонском аукционе — Соттби — немногим меньше, 72 миллиона франков, уплачено за картину «Портрет молодой девушки» великого голландца Рембрандта. Кроме того, на подобных распродажах время от времени объявляются интересные документы той или иной эпохи. Среди раритетов аукциона Кристи числилось отпечатанное на машинке письмо с автографом Альберта Эйнштейна президенту США Франклину Рузвельту от 2 августа 1939 года. Ученый пишет об опытах Ферми и Сциларда в области ядерной физики и впервые указывает на возможность создания сверхмощных бомб.

РЕМБРАНДТ. «Портрет молодой девушки».

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Пятьдесят лет назад на подступах к Мадриду шли сражения. Фашистские самолеты нанесли жестокий бомбовый удар по Гернике... А в страну прибывали добровольцы из многих стран, готовые отдать жизнь за свободу республики. Имя девушки в форме республиканских отрядов нам неизвестно, мы не знаем, откуда она родом и кто по национальности. Возможно, кто-то узнает ее...

SUOMEN KUVALEHTI

КТО есть КТО

ПРОЧИТАТЬ 10 ТЫСЯЧ КНИГ

Гэ БАОЦЮАНЬ родился в 1913 году в провинции Цзянсу. Имеет университетское образование. В 30-е годы был корреспондентом газеты «Дагунбао» и ряда шанхайских прогрессивных журналов в Москве. Журналистской деятельностью занимался в годы антияпонской войны 1937—1945 годов и в послевоенное время. До 1954 года — Временный поверенный в делах и советник китайского посольства в Москве. В настоящее время — старший научный сотрудник Института зарубежной литературы Академии общественных наук Китая, крупнейший в стране переводчик русской классической и советской литературы.

— Принято всегда с чего-то начинать. Лично вы, профессор, как пришли к русскому языку? Какую книгу русского автора взяли в руки впервые в жизни?

— В 1921 году в Китае вышла повесть Пушкина «Капитанская дочка», она и стала моим первым знакомством с великой, как пришлось узнать впоследствии, литературой великой страны. Мой дядя, журналист, подарил мне тогда же набор деревянных деталей для конструирования, а на коробке написал: «Дом возводят из кирпича за кирпичом, знания приобретают из книги за книгой» — и посоветовал прочитать десять тысяч книг и пройти по стране десять тысяч ли. «Каждый человек должен упорно трудиться, чтобы ощутить вкус к жизни» — вспоминаю его слова.

— Как будто вы последовали совету своего дяди...

— Он знал, что советовать юноше, вступающему в жизнь. В Китае той поры набирало силу движение «За новую литературу, за новую культуру», переводились лучшие произведения русской классики — Толстой, Чехов, Гоголь... Думаете, я мог устоять от соблазна внести и свой вклад в этот процесс? Начал регулярные занятия русским языком у какого-то бывшего торговца из Сибири; первой книгой, переведенной мною на китайский, была «Сказка о рыбаке и рыбке» моего любимого Пушкина.

— Более полувека прошло с той поры. Огромное количество событий, в том числе трагических... Только ли в памяти вашей остались они?

— Веду долгие годы дневник и записываю в него все происходящее со мной, где бы я ни находился. Вот, например, последние полгода путешествую по республикам СССР, встречаюсь со старыми друзьями. Удивительно, но десятилетия разлуки не отразились на самом понятии дружбы. Вот какая у нее сила!

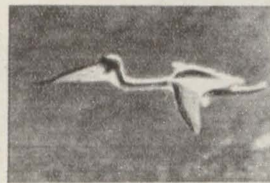
— Кроме русского языка, переводов нашей классики, есть ли у вас другие увлечения?

— Литература — мое самое большое увлечение. Как русская, так и вся славянская. Знаю польский, болгарский, сербский языки, переводил Ботева, Вазова, Незвала, Мицкевича, Вука Караджича на китайский. Параллельно занимаюсь исследованиями национальных литератур и буду отдавать этому силы, пока они будут оставаться.

ЯЩЕРЫ НАД КАЛИФОРНИЕЙ

NATIONAL GEOGRAPHIC

Долгие годы американский конструктор Пол Маккреди занимался разработкой оригинальных конструкций самолетов. Лет пять назад он удивил соотечественников созданием планера, приводимого в действие попеременно педалями и двигателем от солнечных батарей (на верхнем снимке). Последние годы Маккреди работал над новой идеей, поразившей даже его коллег.

...То, что летело над Долиной смерти в Калифорнии, поначалу вызывало недоумение. Конструкция больше напоминала птицу, чем летающий аппарат. Пол Маккреди создал... птеранодона, гигантского летающего ящера, жившего в меловой период, 65 миллионов лет назад. В конструкции заложены последние достижения аэродинамики и электроники.

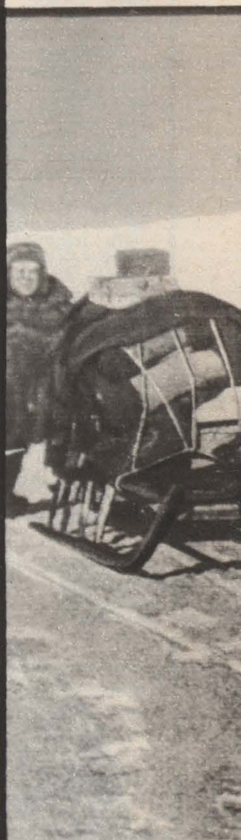
Новинкой инженера заинтересовался музей авиации и космонавтики, предложивший купить птеранодона. Удивлению не было предела, когда представленный счет составил три миллиона долларов. Именно во столько обошелся летательный аппарат, управляемый по радио с земли.

ШТУРМ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА: КАК ЭТО БЫЛО

1917 • 1987

Флаг Страны Советов — над Северным полюсом! Легендарная четверка папанинцев — на «макушке» Земли.

ИЛЬЯ МАЗУРУК

Пятьдесят лет назад, 21 мая 1937 года, Полярная воздушная экспедиция Академии наук СССР достигла Северного полюса. Флаг Советского Союза на самой-самой «макушке» земного шара, научная обсерватория «Северный полюс-1» — эти события восхитили мир.

Спасаем имущество; накануне предательски треснула дрейфующая льдина.

Отрытая спасателями с ледокольного парохода «Таймыр» палатка папанинцев.

Начальник экспедиции АН СССР к Северному полюсу академик О. Ю. Шмидт (второй слева).

Командир летной группы с «Таймыра» летчик Г. П. Власов.

Фото ТАСС (из фотоархива «Огонька»)

Четырехмоторный флагманский самолет экспедиции пилотировали Герой Советского Союза М. В. Водопьянов и полярный летчик М. С. Бабушкин. Посадка на дрейфующую льдину — такого еще не было. Вслед за первым сели еще три самолета: Героя Советского Союза В. С. Молокова, летчика А. Д. Алексеева и мой. Тридцать четыре человека — полярные исследователи, авиаторы, ученые и специалисты во главе с академиком О. Ю. Шмидтом. В обсерватории «Северный полюс-1» остались работать начальник И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, магнитолог и астроном Е. К. Федоров и радист Э. Т. Кренкель.

Экспедиция положила начало новой главе науки о Земле.

Представление об этом районе Арктики в ту пору было достаточно смутным. Великий полярный исследователь Р. Амундсен писал: «...пролетая в 1926 году от Шпицбергена до Аляски, мы с дирижабля не видели ни одного, ни единого места, пригодного для посадки самолета на лед...» Высадку на лед с дирижаблей (а это значительно легче и безопасней, чем с самолетов) не рискнули осуществить ни норвежец Р. Амундсен, ни итальянец У. Нобиле в 1928 году. Американец Р. Бэрд лишь пролетел в 1926 году над полюсом на самолете.

История свидетельствует: к Северному полюсу издавна стремились и ученые-храбрецы, и авантюристы. До него пытались доплыть на судах, добраться на собачьих упряжках, долететь на воздушных шарах и дирижаблях! Пытались использовать дрейфующие льды... Полюс был объектом величайшего вожделения, обостренного честолюбия, фанатичного упрямства. Но манили и тайны его. Многие смелые научные экспедиции кончились трагически.

Более тридцати полярных экспедиций примерно за девяносто лет! Даже не достигнув полюса, они обогатили знания людей о Центральном полярном бассейне. За всю историю только один человек — неутомимый и очень настойчивый американец Р. Пири — после двадцатитрехлетней подготовки достиг в апреле 1909 года Северного полюса на собачьих упряжках! И в сопровождении эскимосов. Дерзновенный путешественник пробыл там более суток, но он не имел ни научного снаряжения, ни должных знаний. Р. Пири убедился, что на Северном полюсе нет земли, а есть лед и глубокий океан...

Оставалась потребность научного освоения полюса. Основной задачей советской экспедиции было не открытие географической точки Северного полюса, а организация научно-исследовательской станции с целью систематического и планомерного исследования Ледовитого океана для практических целей плавания по Северному морскому пути, для службы погоды и авиации. К тому времени уже существовали «Главсевморпуть», сеть полярных станций, морские порты, радиоцентры и полярная авиация, а также кадры полярников, авиаторов и других специалистов. Они интенсивно осваивали плавание по Северному морскому пути, для этого необходимо было познать законы движения льда в центре Ледовитого океана и другие природные явления.

Работа героической четверки папанинцев на полюсе — это огромный вклад в науку. За 274 дня льдина со станцией прошла с учетом дрейфа около двух с половиной тысяч километров. На всем пути велись наблюдения по обширной программе. Они передавались на Большую землю по радио, их использовали служба погоды, мореплаватели и летчики. А летом 1937 года станция «Северный полюс-1» помогла экипажам В. П. Чкалова и М. М. Громова осуществить перелеты через Северный полюс в США.

Пятьдесят лет назад перелет из Москвы на Северный полюс был чрезвычайно рискованным делом. Был даже предусмотрен парашютный десант для подготовки посадочной полосы, но он не понадобился. Впервые на «полюсных» самолетах были применены тормозные парашюты — теперь ими широко пользуется реактивная авиация. Все ли знают, что самолеты экспедиции не имели антиобледенителей и отопления, автопилотов и убирающихся шасси? Ограниченный запас горючего не позволял обходить районы плохой погоды. Метод полета был визуальным; обледе-

нение представляло большую опасность. Почти весь маршрут полета до полюса проходил без точных карт и магнитных отклонений, при скудной информации о погоде, при отсутствии наземного обеспечения — только на о. Рудольфа были техники и радиомаяк. После многочасового изнурительного полета в холодном самолете экипажи сами выполняли все тяжелые работы: заправляли самолеты из многочисленных бочек ручным насосом, очищали гофрированную поверхность машин ото льда и снега, подогревали и запускали моторы... Требовались полная отдача сил и виртуозное мастерство.

Были и риск, и нелегкий каждодневный труд, и азарт. И — счастье выполнить важное задание Родины без единого ЧП. Вот она, приветственная телеграмма из Кремля: «Партия и правительство горячо приветствуют славных участников полярной экспедиции на Северный полюс и поздравляют их с выполнением намеченной задачи — завоевания Северного полюса» («Правда» за 24 мая 1937 г.).

...Утром 7 июня 1937 года наши самолеты отправились в обратный путь. Знатоки Арктики, ранее не верившие, что можно высадить на полюс людей с самолетов, теперь не скупились на похвалы нашей науке и авиации! Мировая пресса, радио были полны восторженных отзывов об историческом событии.

Мне, командиру одного из воздушных кораблей, хорошо запомнилось, как это было. Кроме всего прочего, успех экспедиции зависел от людей, от нас. В коллективе были хорошо подготовленные полярные исследователи, авиаторы, специалисты. Определяющим было и то, что руководство взял в свои руки академик Отто Юльевич Шмидт. Человек всесторонне образованный, мужественный. Были у нас и свои корифеи: Марк Иванович Шевелев, многолетний руководитель Полярной авиации, Иван Дмитриевич Папанин, большой патриот, старый коммунист, опытный полярник, Михаил Васильевич Водопьянов, командир флагманского самолета.

Изучив опыт своей работы в Арктике, а также причины неудач прежних экспедиций, Папанин усердно обеспечивал «свою» станцию. Он создал уникальное оборудование, снаряжение, домик-палатку и теплые вещи на гагачьем пуху, из отборной шерсти, меха морского зверя, волка и росомахи. Запас продовольствия составил на четверых четыре тонны!

На о. Рудольфа ждали погоду — томительное ожидание. Весна ставила под угрозу успех экспедиции. Михаил Водопьянов рискнул лететь в одиночку до Северного полюса, несмотря на то, что было известно о неважном состоянии льда. Его характер и мастерство привели к успеху всей экспедиции! Он достиг Северного полюса и посадил самолет на хорошую льдину. За ним прилетели и мы. Помню, как трудно было мне: повредил перед вылетом ногу. Не было у меня на тренировочном Н-169 штатного радиста. Незнакомый мне экипаж создавал в самом начале трудности. Вторым пилотом оказался парашютист Я. Мошковский, немного умевший летать на маленьком самолете У-2. Со штурманом В. Аккуратовым тоже познакомился уже в самолете перед вылетом, а до того не общались. Так же было с бортмехаником Д. Шекуровым и Д. Тимофеевым. Но в пути до полюса все проявили себя отлично. Особенно второй пилот М. Козлов, заменивший на острове Рудольфа Я. Мошковского, и механик Д. Шекуров.

25 мая сбылась наша мечта — пролетели над Северным полюсом! Нашли подходящую льдину и сели. Вокруг — никого. Но базовая льдина где-то близко. Десять долгих суток мы сидели рядом с полюсом, мучились с радиосвязью и решали загадку: куда лететь и как искать экспедицию — кругом юг! Все меридианы в куче... Показания компасов непонятные, радиополукомпас без надежной связи бесполезный. Наконец штурман примерно определил направление до базовой льдины, и я по дальневосточному опыту изготовил на бумаге шпаргалку — схему поиска методом «коробочка». Шпаргалку прикрепил на приборной доске. Но перед взлетом штурман «сразил» меня, сказав, что, может быть, более правильный курс на 180° от рассчитанного. Минутное замешательство... И я повел самолет по первой разработке курса. Минут через двадцать чуть было не пролетели мимо цели, но услышали из репродуктора: «Поверните влево, затем еще влево». И мы у цели. Нас обнаружил кинооператор М. Трояновский! Отличная посадка — наконец-то все четыре самолета, люди и грузы на месте.

Наша десятидневная задержка сильно волновала всю экспедицию и Москву: наступило лето, а главное, задерживалось официальное открытие обсерватории «Северный полюс»! Срывали мы и начало плановых научных работ — немало оборудования было именно на нашем самолете... Ну, а теперь все было позади. Быстрая разгрузка. По решению О. Ю. Шмидта часть бензина с моего самолета и самолета Алексеева передали Водопьянову и Молокову — для гарантированного возвращения. А мне и Алексееву предстояло сесть, когда кончится запас бензина, на неведомую льдину где-то на полпути до о. Рудольфа. Механики поделили бензин, мы горячо попрощались с папанинцами и поднялись в воздух. Летим над облаками, подбираем наивыгоднейший режим работы моторов, изредка выключаем какой-нибудь один из четырех двигателей. Скоро нырять, искать неведомую льдину. Рискованно посадить самолет на плохой лед — сколько потом еще придется ждать, пока нам привезет бензин двухмоторный самолет П. Головина?..

Штурман и механик рассчитали, что остатков бензина в баках нам может хватить до... о. Рудольфа — в обрез! Помог попутный ветер. Мы уже снижаемся за самолетом Алексеева в облаках. Тут я посадку запрашиваю и сразу же получаю разрешение лететь до самого Рудольфа — в одиночку. Летим на остатках бензина над морем — почти над чистой водой. Напряжение у всех предельное. Второй пилот М. Козлов не выдерживает, кричит: «Ты с ума сошел! Утонем! Почему не сел, как Алексеев?..»

Долетели! И с ходу сели на ближайший ледник острова Рудольфа. Моторы остановились. Бензин кончился. На базу нас тащил трактор. М. Козлов в экстазе целовал землю. Точнее, ледяную твердь...

Вскоре все экспедиционные самолеты улетели домой, героев торжественно встречала Москва. Мой самолет Н-169 с экипажем оставили дежурить на Рудольфе. Долгие месяцы оберегали мы папанинцев, жили в постоянной готовности: «К вылету!» И мы были счастливы.

Гидролог П. П. Ширшов: первый рассказ о работе станции «Северный полюс-1» (борт «Таймыра» по пути на Родину).

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЭТА ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ НЕ В ЗАЛЕ СУДА И НЕ В ЗАЛЕ СУДА ОКОНЧИЛАСЬ. СТРОГО ГОВОРЯ, КОНЦА У НЕЕ ПОКА НЕТ. НО О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО, Я УЗНАЛ ПОДРОБНО НА ЗАСЕДАНИИ НАРОДНОГО СУДА

Вел заседание судья Щагин, на скамье подсудимых, за невысоким деревянным барьерчиком, сидело три человека.

Так уж сложилось, что правосудие в нашей стране, как правило, вершится в помещениях более чем скромных, где и стены обшарпаны, и скамейки разномастны, и стулья колченоги, и скатерти на судейских столах, если они есть, линялы и ветхи. Не раз и не два писалось, что пора бы строить в больших городах величественные Дворцы правосудия, своеобразные храмы, где торжественная форма полностью соответствовала бы важному и суровому содержанию. Не знаю, может, и пора. Но мне привычнее да и больше по душе будничные подъезды, голые коридоры и тесноватые, как в старых деревенских клубах, судебные залы: ни в краже, ни в драке, ни в анонимке, ни в дележке наследства никакой величественности нет. Работа судьи тяжелая и грязная, как у землекопа или столяра, и пусть уж лучше творится она не во дворце, не в храме, а в мастерской, где не страшно ни стружек набросать, ни полы морилкой закапать...

В Ордынском тупике как раз и была такая «мастерская» — комната метров тридцать, десятка три жестких и шатких сидячих мест, стол на небольшом возвышении, и за ним четверо: судья, двое заседателей и секретарь, девушка лет двадцати с небольшим, бойкая, уверенная, видно, уже привыкшая к своему нестандартному ремеслу.

Зальчик, между прочим, был полон, но любопытствующей публики я не заметил: все лица озабочены, все взгляды напряжены, все переговоры шепотом быстры и деловиты. В коридорчике толпились свидетели, самому старшему вряд ли более семнадцати. Все это в общем-то было понятно: ведь на вытертой скамье за барьерчиком сидели подростки. Все трое. Не старше тех же семнадцати. Зато в зале, за малым исключением, люди были в возрасте.

Судья зачитал обвинительное заключение, довольно длинное, ибо все в нем было подробно и по форме. Подсудимые сидели, опустив головы, мне показалось: не от стыда, а просто потому, что в их возрасте именно такова общепринятая поза раскаяния. Публика в зале слушала не слишком внимательно — суть дела все уже знали. Юные свидетели подглядывали сквозь приоткрытую дверь — им была любопытна сама процедура, ее, так сказать, ритуальная часть.

Между тем дело слушалось весьма далекое от банальности — ни кражей, ни дракой тут не пахло. Преступление заключалось вот в чем: трое молодых людей, объединенных сейчас пугающим термином «подсудимые», свалили с постаментов и разбили шесть скульптур, стоявших еще недавно во дворе старинного особнячка в Спасоналивковском переулке, недалеко от Большой Полянки. Скульптуры были каменные, тяжелые. Но ребята постарались. Шесть стояло, шесть разбили. Ни одной не оставили.

Никто из них ничего не отрицал — да, свалили, да, разбили. Никакого детектива с лихими сюжетными поворотами и в помине не было: все ясно, все доказано, все признано. Одно только никак не удавалось понять: зачем?

Судья Щагин несколько раз так прямо и спрашивал:

— Зачем вы это сделали?

Увы, ни один из семнадцатилетних акселератов так и не дал мало-мальски вразумительного ответа на столь простой и естественный вопрос. Три ответа были абсолютно одинаковы: «Не знаю». Судья недовольно морщился, покачивал головой,

ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ГОРОДА МОСКВЫ, ЧТО РАСПОЛОЖЕН В СТАРОМ ДОМЕ В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ, В ОРДЫНСКОМ ТУПИКЕ, ПО ПЕЧАЛЬНОМУ СОВПАДЕНИЮ ПОЧТИ НАПРОТИВ ТРЕТЬЯКОВКИ. ПОЧЕМУ СОВПАДЕНИЕ ЭТО ПЕЧАЛЬНОЕ, СТАНЕТ ЯСНО ПОТОМ.

ВОЗЬМИ!

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

время спустя вновь задавал все тот же вопрос. И получал все те же ответы.

А ведь это очень важно — понять, почему совершается преступление, большое или малое, все равно. Что за мотивы, где корень? Не стричь же листья, оставляя его в земле...

В данном случае корень даже не показывался. Выгода? Но какая? Месть? Кому? Предельно непонятный поступок...

Ладно, зачем разбили — не знают. Зато как разбили, помнили прекрасно и рассказывали, в общем, подробно и толково, хотя и неохотно, оставаясь все в той же позе раскаяния. А работа была нелегкая. Иные скульптуры весили до тонны, чтобы установить их на место, понадобился кран. Крайнюю парни попробовали спихнуть втроем, но не вышло. Хорошо, неподалеку отыскалось несколько приятелей — сидели с девочками в беседке. Те сразу согласились помочь, будто речь шла о том, чтобы вытащить из колдобины буксующую машину. И помогли — вшестером дело пошло куда веселее. Свалили одну, потом вторую и разошлись по домам — устали. Вся работа заняла три вечера. Упавшие скульптуры разбивали камнями — там голову отколотили, там руку. Успокоились, когда во дворике остались бесформенные куски камня.

И опять недоумевал судья:

— Ну зачем вы все-таки это сделали?

То ли парни устали, то ли не привыкли столь долго раскаиваться, только один из них вдруг поднял голову, зло глянул исподлобья и резко, с вызовом кинул встречный вопрос:

— А зачем они там стояли?

А в самом деле — зачем они там стояли?

Вопрос сложный. Пожалуй, прежде чем углубиться в него, имеет смысл рассказать, как появились эти шесть скульптур в старом московском дворике, в двухстах шагах от Третьяковки.

Об этом тоже шла речь на суде, когда давали показания потерпевшие.

Скучный и в чем-то даже обидный термин на сей раз объединял четверых — трех мужчин и одну женщину. Все они были довольно молоды, где-то около тридцати. Профессиональные скульпторы. Собственники разрушенных работ.

Собственники?

Как ни странно, да. Ибо шесть скульптур, стоявших в московском дворике, не были проданы городу — они были подарены. А подаренные работы по причинам, в которых разобраться не берусь, формально остались как бы собственностью их создателей. В силу чего потерпевшими считались не городские власти и девять миллионов москвичей, а лишь эти четверо молодых людей.

Чего же они хотели, почему сделали городу столь необычный подарок?

Потерпевшие написали для суда нечто вроде справки — свой профессиональный взгляд на происшедшее. Справка эта тоже необычна, о преступлении подростков там всего несколько фраз, все прочее — об ином. В принципе скульпторы — представители одной из самых молчаливых профессий: час за часом, изо дня в день ведут они в одиночестве борьбу с неподатливым материалом, их язык — камень, глина, дерево, металл. Но тут молчальники заговорили.

Приведу выдержку из очень странного документа, приобщенного к делу. Документ этот, видимо, следует именовать жалобой потерпевших. Но вот на что они жалуются, что им приходится терпеть?

«В последнее время много говорят и пишут о воспитательном значении искусственной окружающей среды, то есть об архитектуре и монументальном искусстве. Действительно, возможности здесь огромные. Но это теоретически. На практике же многие наши города, особенно новые районы, часто производят удручающее впечатление. Стандартная, безликая архитектура, почти полное отсутствие скульптуры, монументальной живописи, декоративных форм.

Положительные примеры, конечно, есть, но их не так много. Как известно, кое-что делается в этом направлении в Прибалтике и на Кавказе. Хуже обстоит дело в РСФСР. И даже в Москве, нашем образцовом городе, глазу часто просто не на чем остановиться. А ведь в Москве работает четверть всех художников страны, в том числе более шестисот скульпторов. Наша школа скульптуры — ведущая в стране. И нам обидно быть отсталыми в области монументального искусства.

У нас в Москве много хороших скульпторов, в том числе и молодых. Но этот огромный потенциал мало известен широкому зрителю. Посещаемость выставок невысока. Интерес к изобразительному искусству вообще небольшой, в том числе и среди молодежи. Социологи утверждают, что хоть какой-то интерес к изобразительному искусству, включая всю классику, проявляют лишь три процента молодежи крупных городов. А когда попросили назвать трех любых советских художников, сумели ответить лишь трое из тысячи. Вот такие дела.

Жизнь произведения на выставке длится, по подсчетам искусствоведов, всего несколько секунд. Именно на такое время зритель задерживает взгляд на скульптуре. А ведь молодого зрителя надо еще научить разбираться в искусстве, привить ему хороший вкус. За несколько секунд это невозможно. А что живет в сознании зрителя больше трех секунд? Что он видит вокруг себя ежедневно? Или пустые микрорайоны, или скульптуру очень невысокого уровня. Так называемая парковая скульптура — это набор стереотипов, высмеянных еще тридцать лет назад. Пионер с горном, доярка с бидоном, девушка с веслом... Кажется, что все это стоит с пятидесятых годов. Но нет! Это работа сегодняшних скульпторов. Огромный антихудожественный конвейер работает на полную мощность.

Получается печальный парадокс: хорошую скульптуру мы делаем бесплатно, а за плохую нам платят деньги. Настоящая творческая скульптура должна выйти на улицу, работать, воспитывать вкус. Ее дело — украшать нашу жизнь, поэтому она должна принадлежать народу, принадлежать городу. Точнее, горожанам».

Очень любопытный документ! Так обстоятельно, продуманно, аргументированно пишут обычно те, кто находится под следствием и хочет смягчить свою участь, в выгодном для себя свете изобразив происшедшее: дескать, ничего дурного не хотели, но обстоятельства вынудили. Не раз, не два и не двадцать сталкивался я с подобной, будто вывернутой наизнанку ситуацией: хороший человек как бы просит прощения за свое бескорыстие. На сей раз у этой оправдывающейся интонации был свой конкретный резон.

Вылепить скульптуру — работа нешуточная, у каждого из потерпевших (назовем их этим словом за неимением лучшего) она отняла большой кусок жизни — от полугода до полутора лет. Каждую готовую вещь требовалось перевести из глины в камень — камень обтесывали сами, ибо специалистов по этому делу мало, труд их дорог, а среди молодых скульпторов состоятельных людей я не встречал. Установка скульптур тоже непроста, она требует и силы, и точности, и опыта. Дарителям помогли лишь в одном — дали кран, все прочее опять-таки делали сами.

Экспертная комиссия успела работы оценить. Немалые деньги — тысячи! И сумма в рублях словно бы висела над юными подсудимыми: они могли не уважать искусство, не ценить чужой труд, но четырехзначная цифра повергала их в трепет. Да и родственников в зале волновало: вдруг придется платить.

«А зачем они там стояли?»

Да, вопрос звучит куда как анекдотично. Но вот сейчас, вспоминая это разбирательство в двухстах шагах от Третьяковки, я вдруг подумал, что и для правонарушителей, и для родственников, тихо шептавшихся в зале суда, и для свидетелей, перетаптывающихся в коридоре, этот вопрос не так уж нелеп. Хуже того: если верить исследованию социологов, на которое ссылается справка потерпевших, из сотни молодых горожан девяносто семь тоже могли его задать. Для кого-то монумент на площади, фигурный фонтан в парке, статуя у входа в музей или театр — аксиома. Для большинства же аксиома требует доказательств. Зачем они стоят?

Зачем Летний сад в Ленинграде или бронзовый Самсон в парке Петродворца? Зачем мраморные бюсты и композиции на террасах подмосковного музея-усадьбы «Архангельское»? Зачем осадил коня Богдан Хмельницкий на площади в Киеве и вздыбил коня Петр на набережной Невы? Зачем бесчисленные памятники Парижа и монументы Рима, зачем египетский Сфинкс и скульптуры в варшавских Лазенках, зачем афинский Акрополь и Русалочка в бухте Копенгагена? Зачем, наконец, на Пушкинской площади Пушкин?

Да, стоят. Много лет, а то и много веков. Ну, а смысл? Польза, практическая польза — какая? Ведь это не дома — в них нельзя жить. Не столбы с фонарями — ничего не освещают. Не светофоры — ничего не регулируют. Не башенные краны — ничего не поднимают. Так зачем же они стоят?

В городах огромных и малых, на площадях и набережных стоят практически бесполезные фигуры из дорогого мрамора и дефицитной бронзы. Но попробуйте их убрать! Попробуйте хотя бы представить себе Ленинград без Медного всадника, Москву без Александра Сергеевича на Бульварном кольце. Скажем, просто заклейте их на фотографии. Невероятно, кощунственно! Не тот Ленинград, не та Москва. Столица Дании Копенгаген — большой красивый город. А что знают о нем миллионы людей, никогда не видавших его воочию? Да то и знают, что в бухте, недалеко от берега, на большом валуне отдыхает обнаженная бронзовая Русалочка.

Атланты Эрмитажа ничего не поддерживают, ни балконы, ни карнизы, убери их — ни один кирпичик не упадет. Но нельзя убрать — ведь они поддерживают нас. В самую тягостную минуту, когда все, что могло предать, предало — счастье, любовь, творчество,— может статься, именно они не дадут упасть. Коренной ленинградец поэт Александр Городницкий сказал об этом прекрасно и точно:

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без воды и хлеба,
Забытые в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.

Конечно же, это поэзия, но и правда, обычная бытовая правда, иначе не подхватили бы эти слова и не пели уже два десятка лет молодые и не молодые люди в самых разных концах страны. Настоящая скульптура, как и настоящая литература, как и настоящая музыка, обладает этой редкой и потому драгоценной способностью — лечить от холода в груди...

Не случайно прославленные скульптуры становятся неофициально — а иногда и официально — эмблемами и символами многих городов на Земле.

Но разве только в эмблемах дело?

Уже довольно давно я обратил внимание на один озадачивающий парадокс. Почему во многих наших городах жители новых благоустроенных районов столь охотно меняют свои просторные и зеленые кварталы на кривые переулочки старого центра? Чем так привлекательны тесные дворы, темные подъезды, горбатые мостовые, потертые и поцарапанные временем и невзгодами разномастные стены разномастных домишек?

Скорей всего именно этой разномастностью.

Каждый старинный переулочек уникален, каждая обшарпанная стена обшарпана по-своему, у любого запущенного дворика лицо некрасивое, но свое. У новых же районов в подавляющем их большинстве достоинств масса, но уникальность к их числу не относится.

Можно спорить и спорить о том, как красивей и уютней строить завтрашние города. О вчерашних дискутировать бесполезно: уже стоят. Как в них, существующих, рассчитанных на века, вдохнуть живую душу?

Вот тут-то и необходим скульптор, неизбежен художник-монументалист. Но именно художник! Пионеры с горнами и доярки с бидонами ничего не изменят: по сути, это та же «типовуха», что и однотипные панельные пятиэтажки. Только художник, он и никто иной...

Увы, монументальная скульптура — искусство дорогое. А общество наше еще не так богато, чтобы из каждого нового микрорайона делать маленький Париж или второй Ленинград. Любой монумент — крупное событие даже для крупного города. Но — веяние времени! — в нескольких точках страны возникло, проросло и пустило не такие уж робкие корни некое явление, назвать которое почином или движением просто не поднимается рука. Тут все тоньше, трепетней, все глубоко личное. Не столько веление эпохи, сколько веление души. Настоящая, творческая скульптура стала выходить на улицу бесплатно, тесня покупное и самим фактом купли узаконенное ремесло.

Всем нам привычно словосочетание «Парк культуры». Лет десять назад герой одной моей пьесы, молодой скульптор, предложил создать «парки скульптуры» — для того создать, чтобы люди, приходя туда, становились добрее, благородней, чище душой. Видимо, идея уже носилась в воздухе: современных парков скульптуры сегодня, может быть, и нет, но есть скверы и дворики, где под открытым небом встречают прохожего оживший камень и одушевленный металл.

В Неринге, на Куршской косе, в маленьком поселке Юодкранте, есть такое заселенное творчеством пространство — подарок молодых скульпторов Литвы родной республике. Нечто подобное есть и в Риге — зеленая лужайка во дворике перед музеем, целиком отданная древнему пластическому искусству.

Впрочем, есть и парки скульптуры — например, в портовом городе Клайпеда.

Парки скульптуры под открытым небом не только красота, но и наша память, а порой и наша совесть. В той же Литве была до войны деревня Аблинга. Фашисты ее сожгли, а жителей убили — всех до единого, кто находился в деревне в тот страшный час. Годы спустя литовские мастера, самые талантливые в республике резчики по дереву, собрались в окрестностях погибшей Аблинги и создали уникальный, единственный на планете парк скульптуры. Вблизи места трагедии возник удивительный и странный памятник павшим: деревянные фигуры, стоящие в парке. Этот парк неповторим — для того и создавался, чтобы трагедия Аблинги никогда и нигде не повторилась.

Дерево — материал не вечный, но прочный. Мы помним Аблингу, и дети помнят, и внуки будут помнить. А как поступят правнуки, я не знаю: может быть, на месте скульптур из дерева возникнут иные, уже вечные. Такие, которые стоят на улицах и площадях, на самых людных перекрестках страны.

Чьи это скульптуры? Кто их владелец?

Такого нет. Медный всадник, Самсон, московский Пушкин, киевский Богдан не мои, не ваши и не чьи-то. Они наши общие. Принадлежат народу. И с утра до ночи толпятся вокруг них люди, с утра до ночи охраняет их народная любовь. Пусть бы кто-нибудь попробовал поднять на них руку!

Но это с утра до ночи.

А с ночи до утра?

А вот с ночи до утра, и в глухую темень, и в те рассветные часы, когда улицы пустынны, все эти скульптуры — наша гордость, наша радость, наша память, наша совесть — совершенно беззащитны. Чтобы исчез уникальный парк деревянной скульптуры, хватит одной подлой или просто неосторожной спички. Я не только предостерегаю от того, что может случиться,— к сожалению, я поминаю о том, что не раз и не два произошло. Среди шедевров деревянного зодчества, разбросанных по всей стране, красотой, значением и широчайшей известностью выделяются два — многоглавая церковь в Кижах и высокая, стройная, поразительно органично вписанная в суровую природу Севера, сделанная без единого гвоздя церковь в Кондопоге. Два шедевра — не только памятники старины, не только свидетели истории, но и часть нашей с вами души.

Я был в Кондопоге, стоял на пустынном берегу громадного озера, среди неподъемных валунов — кое-где в них вколочены железные кресты, как мне объяснили, не в память о погибших на воде, а, наоборот, в память о чудесном спасении от гибели. И не думалось, что церковь построена, казалось, и ее, как огромные камни, притащил сюда когда-то ледник. Одно из самых сильных впечатлений моей жизни...

А вот в Кижах я не был, пока не пришлось. Но все равно счастлив просто оттого, что на свете существуют Кижи, что можно туда приехать и увидеть своими глазами то, о чем столько слышано, что в копилку мировой духовной культуры наш народ положил и эту золотую денежку.

Два шедевра, известных всей Земле.

Два, а ведь было их три. Еще совсем недавно. Потому что существовала удивительная деревянная церковь вблизи старинного города Вытегра. И специалисты не рисковали эти церкви сравнивать, потому что все три несравненны. Все три единственные.

К сожалению, к этой третьей церкви съездить нельзя. Этот шедевр мы с вами воочию не увидим. И никто не увидит — ни дети наши, ни внуки, никто на Земле. За церковью, практической пользы не приносящей, никто всерьез не приглядывал, и местные алкаши постепенно освоили помещение, где в любую погоду без помех можно и выпить, и закусить. Ладно бы только пили — увы, алкаши попались курящие. На месте вековой гордости сегодня только вековой прах. По небрежности, по дурости, по пьянке протратили мы эту нашу золотую денежку...

Когда-то Достоевский провозгласил, что мир спасет красота. Век спустя наш слишком много переживший современник с усмешкой и болью задал встречный вопрос: а кто спасет красоту? Наш век, в том числе и уже идущая его последняя треть, показывает, что вопрос этот не праздный и не лишний. Красота, способная спасти мир, к сожалению, сама очень уязвима. Не только дерево — камень тоже. Бронза тоже.

В кинолетописи минувшей войны много страшных кадров. В их ряду — документальная лента о гениальных ленинградских пригородах, разграбленных, развороченных, взорванных. Этот фильм я смотрел давно, но освежать его в памяти не надо — первого впечатления вполне хватит на жизнь. Благодаря операторам военных лет мы и сегодня можем увидеть, как худые, замерзшие, измотанные бессонницей ленинградцы снимают с постаментов и увозят в укрытия знаменитых клодтовых коней. Благодаря этим безвестным поклонникам монументального искусства мы и сегодня можем увидеть этих коней на их привычных местах на Аничковом мосту. А вот атланты и кариатиды ни эвакуироваться, ни спрятаться не могли — так и оставались при своих стенах, как некогда прикованный Прометей оставался при своей скале. У титана, принесшего людям огонь, ежедневно выклевывал печень Зевесов орел. Каменных мужчин и женщин всю войну ежедневно клевали пули, мины, осколки. С экрана, с серенькой ленты смотрят на нас изуродованные, измученные каменные лица.

Любопытно, видели когда-нибудь эти кадры подростки, три ночи подряд разбивавшие скульптуры в московском дворике?

...Когда совершается преступление, судебные органы должны выявить и преступников, и потерпевших. Народный суд Октябрьского района так и поступил. Однако, помимо четырех молодых скульпторов, так сказать, «собственников» погибшего имущества, были и другие потерпевшие. Прежде всего те, что и слова-такого не слыхали никогда.

В том же дворике, где так недолго простояли благородные каменные изваяния, расположен детский сад. Целыми днями в любое время года ходят, бегают и возятся в свободном пространстве между домами совсем еще юные... ну, не будем преувеличивать, еще не граждане, но уже вполне москвичи. Растут, набираются ума-разума, понемногу осваивают окружающий мир.

Давно известно: будущее ребенка во многом зависит от того, что встает перед его глазами буквально с первых минут на земле. Ребятишки, о которых идет речь, могли бы расти рядом со скромным, но все-таки парком скульптуры. Теперь же глаза их будут вбирать совсем иную картину: мусорные баки, обломки строительного камня, небольшую, но достаточно уродливую свалку, устроенную неизвестно когда и неизвестно кем. Сейчас этому печальному быту ничто не противостоит — свалка прочно войдет в детское представление о мире, как прежде вошло бы искусство.

Вот они-то, дети, пожалуй, и есть главные потерпевшие.

Красота воспитывает. Отсутствие красоты — тоже, только по-иному. Лет через десять подростки, разбившие скульптуры, сами станут родителями, и уже их дети будут расти в этом дворе, среди мусорных баков и кусков бетона с торчащими ржавыми прутьями. Бетон, может, и уберут, но вот скульптуры не поставят. Эти еще не родившиеся дети — потерпевшие. Их будущие, уже получившие по два-три года условно, родители тоже потерпевшие. И себя наказали...

Зачем они стоят?

Свое отношение к рукотворной красоте народ не всегда формулировал в слове, но с предельной ясностью выражал в деле. Потому и стоят, что выражал. Иначе бы не стояли — каменные творения разрушились бы, деревянные погорели. Но остались. Это народ их сберег.

Кстати, изувеченные войной дворцы и колоннады нынче и увидишь разве что в кино. Сразу после Победы разоренная, голодная страна начала все же восстанавливать разрушенные шедевры. Слишком многое лежало на весах; дело было не только в красоте, но и в памяти, в достоинстве и в том, без чего не полно понятие «Родина».

И наши соседи, поляки, в прежнем виде восстановили практически полностью разбитую Варшаву, хотя намного легче было бы уйти с развалин и поодаль выстроить новый город тех же размеров. Легче, но это была бы не та Варшава, и не та Польша, и не тот народ...

Но вот о чем могут меня резонно спросить: а правомерно ли ставить рядом пережившие века удивительные памятники и скромные работы наших молодых современников?

Ну, конечно же, я не собираюсь сопоставлять размеры дарования четверых бескорыстных молодых людей и всемирно известных гениев прошлого. Но малое общее у них все же есть: все они, как умели, выкладывались в работе, обращенной к людям. Каждая эпоха вносит в духовную жизнь народа что-то свое. И творения гениев живут до сих пор только потому, что не были разрушены ни в год создания, ни через десять, ни через сто лет. Когда-нибудь потомки отберут лучшее из сделанного нашими современниками, но для этого надо, чтобы им было из чего отбирать. Пока никто не знает, в ком из сегодняшних мастеров наши правнуки увидят нового Опекушина, Антокольского или Коненкова — должность классика вакантна. Наша задача — добиться, чтобы этот послезавтрашний конкурс был широким и объективным.

История с погибшими скульптурами наталкивает на одну более общую проблему, по сути нравственную. Ведь что, собственно, происходит? Человек обращается к родному городу, показывает дело своих рук и души и говорит: «Возьми!» А что отвечает город? Это действительно печальный парадокс, но получается, что продать скульптуру легче, чем подарить. К тому же купленное берегут — денег стоило, по бумагам проведено. А дареное... То, что куплено, хорошее ли, дурное ли, так и стоит на площадях и в парках. То, что подарено, разбито...

После судебного заседания я спросил одного из «потерпевших» (не идет у меня это слово без кавычек!), молодого скульптора Алексея Григорьева, что он с товарищами собирается делать дальше. Тот ответил:

— Собираемся делать парк скульптуры.

— После всего, что случилось?

— Да, после всего, что случилось.

Словом, опять хотят отдать. Но возьмут ли?

Оказывается, как ни тяжело вырубить скульптуру из камня, намного тяжелей найти ей место в городе. Вроде бы все так просто: люди хотят безденежно послужить другим людям. Но сколько кабинетов нужно обойти, скольким секретаршам понравиться, сколько бумаг должно курсировать между Союзом художников и разными городскими конторами!

— Все, что требуется,— сказал Григорьев,— это место и минимальные средства на материал и перевозку. Мы готовы работать бесплатно. Пусть только город пойдет навстречу!

«БАБУШКИНЫ РОМАНСЫ».
1982.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАТЮРМОРТЫ НИКОЛАЯ СМИРНОВА

Начало см. на стр. 8

За ними чувствуется большая культура и знания художника.

Он воспитывался в семье, где культурные традиции передавались из поколения в поколение. Старинные книги, журналы, на стенах картины, гравюры, миниатюры, заполнявшие комнату коммунальной квартиры на Арбате,— его первые детские впечатления. Живописи он не учился, хотя много рисовал в детстве. Но годы занятий в МГУ на отделении истории и теории искусства, работа сначала в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, затем в издательстве «Изобразительное искусство» были для него хорошей школой. Занимаясь подготовкой к печати художественных альбомов, он получил возможность изучить запасники Эрмитажа и других музеев страны. Отбирая нужные произведения, пересматривая множество вещей старых мастеров, он невольно учился у них. Всерьез заняться живописью он решился в 39 лет.

Что ж, подготовка была долгой, но она принесла плоды. На второй день после открытия выставки «Памятники Отечества» возле работ Смирнова появилась скамейка. Люди подолгу сидели здесь, обсуждали. Не раз приходилось слышать вопрос: как же все-таки это сделано?

— Очень просто,— отвечает художник.— Сначала изготавливается планшет, на него наклеивается холст, потом плотным слоем наносится левкасного типа грунт, чтобы скрыть фактуру холста. Грунт полируется, на него накладывается калька, чтобы выстроить окончательную композицию, которая и переносится на холст. Я работаю казеиново-масляной темперой, делая сначала для каждого предмета свой подмалевок, и записываю таким образом всю поверхность картины. На этом этапе она выглядит странновато, но это дает возможность впоследствии выдержать цветовое единство. Затем начинаю писать детали, но не до конца, оставляя возможность для маневра. Когда все написано, начинаю лессировать, накладывая тонкие прозрачные и полупрозрачные слои красок для обогащения колорита.

Мне не кажется этот способ работы простым, хотя ничего нового в нем нет: так работали старые мастера — обстоятельно, долго, кропотливо...

Вот несколько выдержек из книги отзывов на небольшую персональную выставку Николая Смирнова, состоявшуюся в Центральном Доме архитектора три года назад:

«Главная сила картин Смирнова в их высокой духовности. Это подлинная культура. О технике не говорю: она — высочайшая».

«Спасибо за любовь к России. Ее история не только в людях, но и в вещах, ими творимых. Вы — большой мастер».

«Можно ли говорить здесь о натурализме, о близости к цветной фотографии? Нет. Она неспособна передать живописное индивидуальное чувство художника. Это очень глубокая и, я бы сказал, подвижническая живопись. И историческая! По-моему, этим работам — место в музеях (не дай бог, в частных коллекциях)».

«Дорогой неизвестный народу, но глубоко народный, русский, широко-

«ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА». 1978.

образованный и щедро одаренный художник! Спасибо за необыкновенную тему в вашем творчестве, за то, что по вашим работам можно изучать историю, за то необыкновенное впечатление, которое производит манера исполнения, композиция и оформление каждой работы. Желаем успеха, признания со стороны руководства, ибо народ вас признал своим».

Чтобы узнать мнение «руководства», я обратился к первому секретарю правления Союза художников РСФСР Валентину Сидорову.

— С работами Николая Смирнова я впервые познакомился в 1985 году в Базеле на международной ярмарке искусства. Это интересный художник. Поэтому мы и пригласили его принять участие в республиканской выставке. Конечно, хотелось бы, чтобы его картины остались у нас в стране, попали в музеи.

Парадоксально, но большинство работ художника (все они посвящены нашей отечественной истории) находится в заграничных коллекциях. Начинал Смирнов выставляться в залах горкома профсоюза художников-графиков на Малой Грузинской, где работы покупались только частными коллекционерами, главным образом иностранцами. После вступления в Союз художников в 1982 году (куда его приняли, правда, не как художника, а в секцию критиков на основании его искусствоведческих работ) картины Смирнова стали продаваться через экспортный салон Союза художников СССР. Последние работы «1812 год» и «Книги», плод трехлетнего труда, тоже хранятся в экспортном салоне. Это говорит о том, что Министерство культуры СССР они не заинтересовали. В нашей стране, кроме нескольких небольших вещей в частных собраниях, ни в фондах Союза художников, ни в музеях его картин нет. Зато они есть в Югославии, США, ФРГ, Латинской Америке...

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

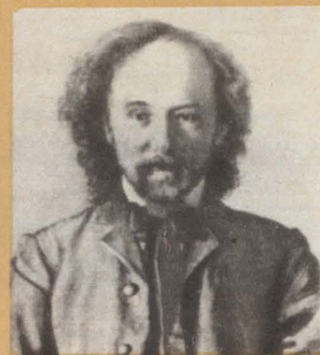
•

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Вячеслав ИВАНОВ

1866—1949

Один из вождей и теоретиков «младших символистов», собиравший знаменитые когда-то «ивановские среды» в своей «Башне». Находясь под влиянием философских исканий Вл. Соловьева, причудливо сочетал культ Диониса, византийство и славянофильское мессианство. Поэтическое наследие Иванова перегружено мифологической и ритуальной лексикой, древними славянизмами, и лишь в некоторых стихах, как, например, в стихотворении «Русский ум», он выходил к более прозрачному поэтическому мышлению. Однако дифирамбическая, воспевающая гармонию и музыку жизни поэзия Иванова резко противостояла мрачноватой тональности декаданса. В ранних двадцатых глубоко образованный Иванов был ректором Бакинского университета, замнаркомпроса Азербайджана. В 1924 году Иванов уехал в Италию, где принял католицизм и, не участвуя в эмигрантской политической жизни, занимался теологией.

РУССКИЙ УМ

Своеначальный, жадный ум,—
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

1890.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

1886—1939

Несмотря на временные примыкания к различным литературным группировкам, всегда стоял особняком. Удельный качественный вес его поэзии перевешивал других участников этих группировок, и она во время литературных бурь оставалась на глубине. Его стихи высоко ценил Горький, к которому Ходасевич, несмотря на свой трудный, неуживчивый характер, всегда испытывал чувство благодарной привязанности. Написал мало, но зато у него почти нет плохих стихов. Выдающийся мастер тютчевской школы стиха. В статьях по текущей литературе часто бывал несправедлив, особенно по отношению к Маяковскому. Однако и в эссеистике создал ряд значительных работ — например, о Державине, о Пушкине.

ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простертые в текучий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилье для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может вспыхну кисточкой огня.

1918.

ОБЕЗЬЯНА

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но чуть ее пригубив,—
Не холодна ли— блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И — этот миг забуду ли когда?—
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождям народа — ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину — до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось — хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.
И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

1919.

* * *

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере-что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

1922.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

1884—1967

После первой книги «Ярь» (1907 г.), о которой одобрительно писали и Блок, и Брюсов, был одним из самых многообещающих поэтов. Однако, на мой взгляд, позже он не совсем оправдал эти надежды, несмотря на то, что писал стихи до конца дней своих. Был весьма доброжелателен к молодым советским поэтам и всегда поддерживал их своим участием.

МОГИЛА ПОЭТОВ

Гранитный гроб Невы и Невок,
Болота щебнем задушив,
Ты стаи рек в чугунный невод
Загнал и выволок в залив.

И тянет молоко туманов
Из их раздавленных грудей,
Мечту морей и океанов
Замкнув в квадраты площадей.

Поэтам сумрак свой поведав
Прибрежным ямбом пленных стай,
Ты за сто лет пяти поэтам
Могилой каменною стал.

Засыпан снегом берег Мойки,
И с Черной речки, как тогда,
К подъезду сумрачной постройки
Легла в столетьях борозда.

Его выносят из кареты.
Под пеной лошади хрипят.
Ты онемел, в свои скелеты
Приняв его прощальный взгляд.

И до сих пор тосклив и страшен
Высоких окон серый взор.
Но ты идешь сквозь жизни наши
В свой окровавленный простор.

Ломаешь руки рек рассеянно,
Скрипишь железом фонаря,
В провалы окон на Бассейной
На жертву новую смотря.

Невесте-смерти обреченный —
Иль то твоих туманов бред?—
В руках со свечкою зажженной
У аналоя стал поэт.

Он завтра онемеет трупом,
Но песня мести и тоски
Хлестнет кровоточащим струпом
Дворянству в синие виски.

И дальше грохнул шаг твой тяжкий
В окарину, где город гол,
По черной лестнице, над Пряжкой,
В последний раз поэт прошел.

И лег. И крик. Неузнаваем
В гробу его любимый лик.
И вот землей мы закрываем
Того, кто каждому двойник.

Как он любил твой шелест черный
Над Невкой, на пустом мосту,
Лаская песней неповторной
Твоих кошмаров наготу.

Но ты, чье сердце из гранита,
Перешагнул и этот гроб,
И пуля с красного зенита
Летит фантасту в узкий лоб.

Его ведут из кельи в келью,
И падает со ступеней,
Звеня раздвоенною трелью,
Гвардеец вымерших теней.

Не помня, на каком погосте
Георгиев двух кавалер,
Ты жаждешь новой жертвы в гости,
В проклятый номер Англетер.

Ты бьешь ночной метелью в окна,
И в форточку с Невы свистишь,
Чтобы поэт скорее грохнул
В свою веревочную тишь.

И вот мы все в зрачках с портретом
Его, весеннего. В веках —
С далеким от тебя поэтом,
Повисшим на твоих руках.

Довольно. В каменные ночи
Мы новой жертвы не дадим,
Мы победим тебя. А, впрочем,
Не мне ли быть твоим шестым?

— Есть предложение исключить товарища Постнова из рядов КПСС. Кто «за»!

Секретарь райкома партии поднял руку, и члены бюро дружно проголосовали вместе с ним.

— Против!.. Воздержавшиеся! Нет... Принято единогласно...

«Вот как это в жизни бывает,— с тоской подумал Постнов.— Раньше об этом только в книжках читал. Думал, со мной такого никогда не случится...»

Первый секретарь, повернувшись к нему, сказал жестко:

— Из Госприемки мы тебя уберем совсем! Ты наверняка будешь вести себя предвзято по отношению к коллективу при оценке качества продукции...

— Зачем вы так!! — не сдержался Постнов. Ему все еще казалось, что это происходит не с ним... Я не собирался...

— Все!— заключил секретарь райкома.— Можешь идти.

«УКРОЩЕНИЕ» ГОСИНСПЕКТОРА

Александр МИЛЬЧАКОВ

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Статья «Укрощение госинспектора», опубликованная в № 2 «Огонька», рассказывала о конфликте на московском заводе «Фрезер». Ситуация возникла при переходе заместителя начальника цеха В. Постнова на работу в органы госприемки, она стала предметом разбирательства в Волгоградском райкоме КПСС. Мы публикуем два письма — две точки зрения на факты, изложенные в материале. Даже после официального решения вопроса он, как видите, еще достаточно остр.

С большой горечью и недоумением прочитали мы в журнале «Огонек» № 2 за этот год публикацию Александра Мильчакова. Этот материал хлесткий, но несправедливый и вредный по своей сути. Будучи не один десяток лет связанными с печатью, мы с полной ответственностью утверждаем это.

Не вдаваясь в детальное изложение этой сравнительно большой публикации, мы хотим обратить ваше внимание на то, что автор, используя «модную тему» госприемки, клеветнически отразил в ней деятельность нашего рабочего коллектива и его партийной организации.

Используя частный случай с бывшим заместителем начальника цеха № 8 В. А. Постновым, которому партийный комитет отказал в переходе на работу в госприемку, автор А. Мильчаков проявил тенденциозную односторонность и сделал совершенно неправильные обобщения. Автор отмел в сторону как несущественное и ни слова не сказал о том, что В. А. Постнов к моменту обращения в партийный комитет по вопросу о переходе имел два партийных взыскания. Одно — за срыв первомайской демонстрации, второе — за отказ от учебы в университете марксизма-ленинизма.

На это закрыла глаза цеховая партийная организация. Но именно это предопределило решение партийного комитета об отказе В. А. Постнову в направлении на работу в органы госприемки. Учитывая негативные стороны характера этого человека, партийный комитет увидел в его настойчивом стремлении уйти с завода просто рваческие настроения, желание без особых усилий получать не 180, а 240 рублей. А когда Постнов не подчинился решению, партийный комитет объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Бюро Волгоградского РК КПСС подошло к этому еще более принципиально, исключив В. А. Постнова из партии.

Остается на совести автора коллизия, которая низводит этот конфликт между парткомом и недисциплинированным коммунистом к каким-то «особым» взаимоотношениям Постнова с директором завода В. Л. Пащенко. Почему-то семи другим коммунистам, в том числе четырем заместителям начальников цехов, направление в госприемку партийный комитет дал, и директор этому не противился. Автор А. Мильчаков, как человек беспартийный, видимо, не имеет никакого представления о принципах подбора и расстановки партийных кадров, так же как и о партийной дисциплине.

Однако, обладая бойким пером, он сумел поставить все с ног на голову. Мильчаков умолчал, что В. А. Постнов, будучи восстановлен бюро МГК КПСС в партии, получил там же третье партийное взыскание — выговор.

Очень жаль, что, готовя свою публикацию, А. Мильчаков не счел нужным заглянуть в редакцию заводской газеты, так, как это делают другие журналисты центральной печати. Мы бы ему рассказали правду.

Например, о директоре. Он пришел к нам на «Фрезер» три года назад. Это был очень тяжелый для завода период. Наш коллектив хронически не выполнял государственный план. Два предшественника директора получили один — инфаркт, другой — инсульт и ушли с завода «по собственному желанию».

Новый директор, имея опыт и вкус не только к хозяйственной, но и к партийно-политической работе, быстро разобрался в недостатках каждого цеха и отдела, провел в каждом из них рабочее собрание и сумел выправить положение, мобилизовать людей. В этой своей работе он не пренебрегал ничем. Использовал стенные газеты, нашу многотиражную. Давал задания, следил за действенностью выступлений.

Может быть, А. Мильчаков слышал, что не каждый директор в своей работе опирается на стенную печать да и на заводскую газету тоже. В нашей многолетней практике это первый такой случай.

На заводе значительно укрепились трудовая дисциплина и порядок. За короткое время хозяйственным способом были построены два новых цеха, а на освободившихся площадях создан цех станков с ЧПУ.

План стал выполняться ежемесячно при том, что производство по-прежнему нуждается в реконструкции, которая затянулась на добрых тридцать лет.

Вот бы о чем рассказать А. Мильчакову. О том, что соответствующее постановление Совета Министров СССР вторую пятилетку висит в воздухе. Что бюро МГК КПСС не добивается выполнения своего же собственного решения.

Что устанавливать новое оборудование пока просто негде, так как это оборудование во много раз больше по размерам устаревшего.

Что у рабочих никуда не годные бытовки и тех не хватает.

Что кровля в главном корпусе завода, несмотря на ежегодное «латание», никуда не годится. Весной и осенью рабочие мокнут под дождем, а зимой на них сыплется снег.

Что в январские холода в цехах приходилось разводить костры.

Автору бы поинтересоваться, почему на завод не идет молодежь. И каким образом при всем при этом завод до последнего времени не только стабильно давал план, но в 1986 году еще и увеличил объемы почти на 10 процентов, обеспечивая при этом качество выпускаемого инструмента на уровне мировых стандартов.

А. Мильчакову впору бы очерк написать, а не охаивать директора на всю страну. На недавно прошедшем у нас на заводе собрании партийно-хозяйственного актива директор «Фрезера» В. Л. Пащенко доложил нам, что за эту историю получил на бюро Волгоградского РК КПСС партийное взыскание.

Думаю, что тут точку ставить было бы неправильно.

Мы не сомневаемся, что, как и у любого человека, у В. Л. Пащенко есть свои недостатки, и их, наверное, немало. Однако делать из него мальчика для битья, причем столь безапелляционно и необоснованно, для опытного журналиста — профессиональное преступление.

Впрочем, дело все-таки не только в этом. Дело и в том, что автор очень предвзято подошел к вопросам качества на заводе и намудрил со стандартами. Они на заводе не доморощенные, и «стыковать» их госприемке особенно не приходилось. К примеру, и на выпуске сверл существует международный стандарт, которым пользуются в самых передовых капстранах: в США, ФРГ, Японии и т. д.

По этому стандарту завод изготовляет продукцию, которую охотно приобретают 87 стран мира.

Заметим также очень существенное: рекламаций на продукцию завода не бывает ни из-за рубежа, ни от внутрисоюзных потребителей.

Завод «Фрезер» — одно из немногих советских предприятий, который производит конкурентоспособную продукцию, пользующуюся постоянно растущим спросом за рубежом. Причем это ведь все же не ложки, не икра, не меха и т. д., а промышленная продукция. Этому нашему утверждению соответствует и тот высокий отзыв о качестве нашей продукции, который дважды дал в прошлом году Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Как же все это можно совместить с утверждением А. Мильчакова о том, что «...качество выпускаемых на «Фрезере» изделий по-прежнему оставляет желать лучшего»?

Однако дело совсем не в качестве, которое вполне соответствует ГОСТу. Дело в поправке к этому Государственному стандарту, которая не учитывала не только возможности нашего завода, но и мировую практику производства сверл. Это явный и ничем не обоснованный перегиб, который может дорого обойтись государству.

В декабре эта поправка была временно отменена. Однако в любой момент может быть введена снова, что перечеркнет трудовые усилия нашего коллектива. Объективно рассказать обо всем этом автор не захотел, поскольку это выбило бы материал из удобной схемы.

Есть понятие «о чести мундира», а есть и честь заводской марки. Нам небезразлична судьба нашего завода, то, что говорят о нашей продукции советские и зарубежные потребители. Нам небезразлично и то, что скажет о нашем инструменте массовый читатель «Огонька».

И. Воробьев, Е. Постнов,
почетные рабкоры завода
А. Шварц, редактор
многотиражной газеты «Фрезер»

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

В статье «Укрощение» госинспектора», опубликованной во втором номере журнала «Огонек» за 1987 год, были подняты важные вопросы формирования органа государственной приемки на московском инструментальном производственном объединении «Фрезер», подвергнуты критике действия генерального директора объединения тов. Пащенко В. Л. и секретаря парткома тов. Привалова В. Е. в отношении заместителя начальника цеха тов. Постнова В. А. при переходе его на работу в состав госприемки, указывалось на необоснованность принятого решения бюро Волгоградского РК КПСС об исключении из партии коммуниста Постнова В. А.

В декабре 1986 года, как уже указывалось в статье, бюро МГК КПСС восстановило тов. Постнова В. А. в рядах КПСС. За нарушение партийной дисциплины, выразившееся в увольнении с предприятия без согласия парткома, бюро МГК КПСС объявило ему выговор.

Бюро РК КПСС рассмотрело вопросы, поднятые в статье. Отмечено, что при формировании органа госприемки в организации ее работы со стороны генерального директора МИПО «Фрезер» коммуниста Пащенко В. Л. и руководителя органа госприемки коммуниста Кузьмина В. И. отсутствовал продуманный подход к подбору кадров этой службы по деловым и политическим качествам, имела место разобщенность их действий. Практически самоустранились от работы по становлению органа госприемки партийный комитет МИПО «Фрезер» и его секретарь тов. Привалов В. Е.

Бюро РК КПСС за местнический подход и нарушения, допущенные при формировании кадрового состава органа госприемки объединения, объявило генеральному директору тов. Пащенко В. Л. партийное взыскание — поставить на вид, обратило внимание руководителя органа госприемки объединения коммуниста Кузьмина В. И. на необходимость партийного подхода и недопустимость принятия скоротечных решений при комплектовании службы госприемки, построения деловых, принципиальных взаимоотношений с администрацией и партийным комитетом в вопросах подбора и расстановки кадров, организации работы службы.

На заседании бюро РК КПСС за серьезные недостатки в работе по руководству партийной организацией, а также просчеты, допущенные при формировании органа госприемки объединения, секретарю партийного комитета МИПО «Фрезер» тов. Привалову В. Е. объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, он освобожден от обязанностей секретаря парткома в связи с его заявлением.

О принятых постановлениях проинформированы члены парткома и секретари цеховых организаций объединения.

Районный комитет партии считает вопрос, затронутый в статье, крайне актуальным и поддерживает поднятый журналом разговор о становлении органов госприемки, о системе подбора кадров, возникающих при этом трудностях. Эту тему на основании уже сложившегося сегодня опыта необходимо продолжать, чтобы не повторять имеющиеся ошибки.

Секретарь Волгоградского РК КПСС
В. БЕЛЯНИНОВ

Москва.

РАЗРЕШИТЕ ОБРАТИТЬСЯ!

В гласности народ видит залог успеха перестройки. Журналисты, как, впрочем, и все граждане страны, имеют право обращаться в любую инстанцию, к любому должностному лицу. И надо сказать, что в большинстве случаев эти обращения встречаются с пониманием. В большинстве, да не всегда... Правда, от нынешнего бюрократа уже не услышишь: «Не мешайте работать, у меня есть дела поважнее разговоров с репортерами». Сегодня он действует изобретательнее.

Мне потребовались сведения, которыми располагает начальник управления общественного питания Министерства торговли СССР З. Т. Соболева. Как водится, звоню в приемную к Зое Тимофеевне, чтобы договориться о визите. И в ответ слышу, что о встрече с З. Т. Соболевой надо договариваться... с заместителем министра. «Вообще,— сказала сотрудница приемной,— у нас такое правило: ни один работник министерства не имеет права общаться с журналистами без ведома главных руководителей...»

Усомнившись в возможности существования такого порядка в наши дни, я попросила сообщить о состоявшемся разговоре Зое Тимофеевне. Вскоре раздался телефонный звонок.

— Буду рада встретиться с корреспондентом «Огонька», — сказала З. Т. Соболева.

— Значит, увидимся в понедельник или вторник?

— Конечно, я к вашим услугам. Если договоритесь с замминистра.

— Но мои вопросы целиком относятся к вашей компетенции...

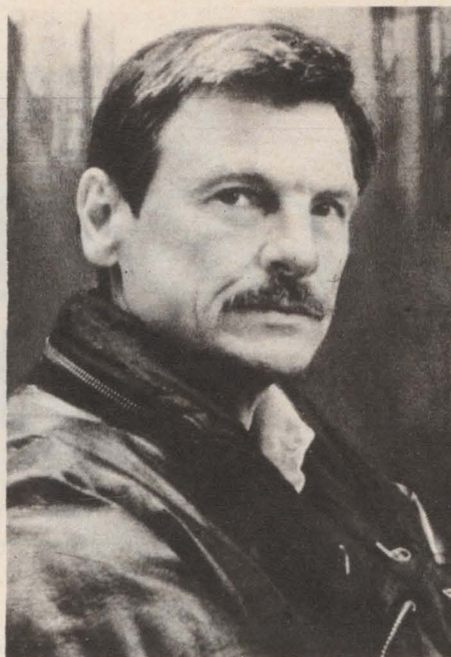
— У нас такой порядок.

Вот так, вежливо, в духе времени, ограждают руководители Минторга свое ведомство от постороннего ока. Видно, без вышестоящего разрешения действительно не обойтись. Вот я и решила от имени коллег обратиться к недавно вступившему в должность министру торговли СССР К. З. Тереху с открытой просьбой: устранить описанные выше надуманные препятствия в работе прессы. «Огонек», в свою очередь, с готовностью поместит полученный ответ на своих страницах.

Софья ТИМОФЕЕВА

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ:

Я ОСТАЛСЯ СОВЕТСКИМ ХУДОЖНИКОМ

Судьба подлинного таланта всегда волнует современников. Тем более если жизнь и творческая биография его складываются сложно, трагично.

В № 3 «Огонька» было напечатано интервью с поэтом Арсением Тарковским. Так случилось, что во время подготовки публикации, во Франции, на чужбине, умер сын поэта, известный советский режиссер, сценарист, народный артист РСФСР Андрей Тарковский, и редакция сочла возможным тогда же, в третьем номере, сообщить об этом.

Реакция читателей на публикацию была различной. Одни с пониманием отнеслись к сообщению о трагической участи талантливого режиссера и просили подробнее рассказать о нем и его работах. Другие, их, правда, немного, упрекали редакцию в том, что не следовало публиковать рядом имя поэта-фронтовика Арсения Тарковского с именем «диссидента, покинувшего Родину, хоть он и сын его».

Отец режиссера А. А. Тарковский, его родные и близкие, живущие в Москве, также просили нас опубликовать письмо Андрея Арсеньевича отцу — Арсению Александровичу. Обращение в редакцию вызвано как раз теми обстоятельствами, о которых мы говорили выше,— всяческими кривотолками, пересудами о судьбе широко популярного у нас в стране кинодеятеля.

Письмо это многое проясняет в позиции автора «Андрея Рублева», «Сталкера» и других фильмов, вплоть до «Ностальгии», только еще выходящей во всесоюзный прокат.

Сегодняшняя наша публикация обращена к читателям, которые просили подробнее рассказать о судьбе Андрея Тарковского. «Были материалы, связанные с Тарковским, в «Литературной газете», в «Московских новостях», в «Неделе»,— пишут они,— но все-таки там больше говорилось о творчестве режиссера, а вот о его личной судьбе, о перипетиях жизни и на Родине, и за рубежом известно мало».

Отношения между сыном и отцом Тарковскими, двумя своеобразными художниками, всегда были теплыми, близкими. Сын тянулся к отцу, который своей богатой жизненной и творческой биографией всегда был для него авторитетом. Он очень любил поэзию отца. Недаром его стихи звучат в фильмах Андрея Арсеньевича. По воспоминаниям, режиссер Тарковский, верный своим творческим принципам, не давал отцу никаких поблажек, требовал максимальной отдачи. Так, одно из стихотворений, используемых в фильме «Зеркало», Арсений Александрович читал перед камерой одиннадцать раз.

Нужно сказать, что тема отца и сына, отца и матери проходит через все фильмы режиссера Тарковского. А рядом с ней, с этой темой, вернее, сквозь нее, проходит другая — дума о Родине, об отчем доме. Хорошо об этом сказал недавно в печати критик Игорь Золотусский:

«Человек, теряющий дом, покидающий дом, оторванный или отрывающийся от дома, становится голью перекатной, былинкой на ветру, его уносит в Мировой океан, но и Мировой океан также чувствителен к отступничеству, к отрыву от родительских гнезд. Вспомним финал «Соляриса» — блудный сын на коленях перед отцом».

Мыслями о доме, о детях пронизаны и последние работы Тарковского, «Ностальгия» и «Жертвоприношение».

...Письмо, которое мы печатаем, было последним письмом сына к отцу. Написано оно в ответ на обращение Арсения Александровича к сыну, в котором говорилось, что всякий художник, имея право на творческую свободу, осуществлять ее должен прежде всего на родной земле.

Предыстория (по отношению к дате написания письма) жизни Тарковского за рубежом такова. В марте 1982 года по официальной договоренности он выехал в Италию для работы над совместным итало-советским фильмом. Позднее срок командировки был продлен: Тарковский не успевал завершить задуманного.

В июле 1984 года в Париже на пресс-конференции он сделал заявление о том, что хочет остаться за границей для продолжения работы.

Нужно заметить, что за время пребывания за рубежом А. Тарковский не позволил себе ни одного негативного высказывания в отношении своей Родины, гражданином которой он оставался до последнего часа.

К сожалению, тяжелая, неизлечимая болезнь, обрушившаяся на него в 1985 году, не позволила А. Тарковскому почувствовать и оценить те позитивные перемены, которые произошли в Советском Союзе. Но весь творческий путь режиссера, его фильмы связаны с Родиной, с Россией, и ностальгия по отчему дому, любовь к Родине и тоска по ней вернули бы его нам.

В советской печати было много публикаций, связанных с Тарковским. Широким экраном идут его фильмы. В Центральном Доме кинематографистов прошел большой вечер памяти Тарковского, в котором принимал участие первый секретарь Союза кинематографистов Элем Климов. В только что вышедшем энциклопедическом словаре кино есть и статья о прославленном режиссере.

Письмо, которое мы публикуем, принципиально в главном: оно четко дает понять, что А. Тарковский до конца своих дней оставался советским художником, честным, мужественным. Нелегко складывалась его творческая судьба на Родине, нелегко было ему во многом и на чужбине. Пусть наши читатели (и те, что искренне просят сообщить о судьбе любимого режиссера, и те немногие, кто считает свое отношение к сложной и трагической судьбе его как истину в последней инстанции) узнают подлинную правду из уст человека, который был предан своему таланту, искусству, Родине.

И еще. Со времени написания письма прошло три с половиной года, многое изменилось за это время в стране, особенно после апрельского Пленума ЦК, после XXVII съезда КПСС. Прошел и съезд кинематографистов, сменилось руководство Госкино. Вот почему, согласовав вопрос с семьей А. Тарковского, мы сочли возможным не упоминать фамилии людей, которых Андрей Арсеньевич считал впрямую виновными в своей беде. Время показало, что слишком просто было бы свести разговор к личным отношениям режиссера с уже освобожденными от должностей прежними руководителями Госкино и Союза кинематографистов СССР. Вопрос куда глубже — речь идет об изменении всей системы руководства искусством, об отказе от голого администрирования, недискутируемых, волевых решений...

Дорогой отец!

Мне очень грустно, что у тебя возникло чувство, будто бы я избрал роль «изгнанника» и чуть ли не собираюсь бросить свою Россию... Я не знаю, кому выгодно таким образом толковать тяжелую ситуацию, в которой я оказался «благодаря» многолетней травле начальством Госкино (...).

Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из двадцати с лишним лет работы в советском кино — около 17-ти был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травили все это время, и последней каплей был скандал в Канне (...), где было сделано все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм «Ностальгия».

Этот фильм я считаю в высшей степени патриотическим, и многие из тех мыслей, которые ты с горечью кидаешь мне с упреком, получили свое выражение в нем. Попроси у Ермаша разрешения посмотреть его и все поймешь и согласишься со мной...

Когда на выставку Маяковского, в связи с его двадцатилетней работой, почти никто из его коллег не захотел прийти, поэт воспринял это как жесточайший и несправедливейший удар, и многие литературоведы считают это событие одной из главных причин, по которым он застрелился.

Когда же у меня был 50-летний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что делается всегда и с каждым членом Союза кинематографистов.

Но даже эта мелочь — причин десятки — и все они унизительны для меня. Ты просто не в курсе дела.

Потом я вовсе не собираюсь уезжать надолго. Я прошу у своего руководства паспорт для себя, Ларисы, Андрюши и его бабушки (жена и сын А. Тарковского.— Ф. М.), с которыми мы смогли бы в течение 3-х лет жить за границей с тем, чтобы выполнить, вернее воплотить свою заветную мечту: поставить оперу «Борис Годунов» в Govent Garden в Лондоне и «Гамлет» в кино. Недаром я написал свое письмо-просьбу в Госкино... Но до сих пор не получил ответа.

Я уверен, что мое правительство даст мне разрешение и на эту работу и на приезд сюда Андрюши с бабушкой, которых я не видел уже полтора года; я уверен, что правительство не станет настаивать на каком-либо другом антигуманном и несправедливом ответе в мой адрес.

Авторитет его настолько велик, что считать меня в теперешней ситуации вынуждающим кого-то на единственно возможный ответ просто смешно; у меня нет другого выхода: я не могу позволить унижать себя до крайней степени, и письмо мое просьба, а не требование. Что же касается моих патриотических чувств, то смотри «Ностальгию» (если тебе ее покажут), для того, чтобы согласиться со мной в моих чувствах к своей стране. Я уверен, что все кончится хорошо, я кончу здесь работу и вернусь очень скоро с Анной Семеновной и Андреем и с Ларой в Москву, чтобы обнять тебя и всех наших, даже если я останусь (наверняка) в Москве без работы. Мне это не в новинку.

Я уверен, что мое правительство не откажет мне в моей скромной и ЕСТЕСТВЕННОЙ просьбе. (В случае же невероятного — будет ужасный скандал. Не дай бог, я не хочу его, ты сам понимаешь.) Я не диссидент, я художник, который внес свою лепту в сокровищницу славы советского кино. И не последний, как я догадываюсь... И денег (валюты) я заработал своему государству больше многих. Поэтому я не верю в несправедливое и бесчеловечное к себе отношение. Я же как остался советским художником, так им и буду, чего бы ни говорили сейчас виноватые, выталкивающие меня за границу.

Целую тебя крепко-крепко, желаю здоровья и сил.

До скорой встречи. Твой сын — несчастный и замученный Андрей Тарковский.

P. S.— Лара тебе кланяется.

Рим. 16.IX.83.

Публикацию подготовил Феликс МЕДВЕДЕВ.

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия Новожилова

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Любовница президента Чарлза Уитмора порвала с ним и уехала в Калифорнию. Спустя какое-то время ее находят мертвой в Вашингтоне, куда она приехала по вызову Уитмора. Любивший Донну адвокат Бен Нортон поклялся отыскать убийцу. Но, продвигаясь вперед в своем расследовании, он замечает, что вокруг него начинает происходить нечто странное: люди отказываются от своих слов. Журналист Фил Росс рассказал Бену, что видел Донну с помощником президента Эдом Мерфи, а потом заявил, что обознался. Подруга Донны Гвен Бауэрс сообщила Нортону об их романе, а потом сказала, что, наверное, ошиблась. Бармен Пит говорил адвокату, что какой-то тип расспрашивал о нем. Когда же Нортон вернулся к этому разговору, у Пита случился провал в памяти. В довершение всего происходит еще одно «странное совпадение»: упал с обрыва и разбился насмерть отставной сенатор Нолан, который рассказал Бену о приезде президента Уитмора к Донне.

18

Президент и комик позировали фотографам у первой метки на поле для гольфа в загородном клубе «Буревестник» возле Палм-Спрингса. Комик Пит Гейнор в ярко-красной рубашке «поло» паясничал перед фотографами и членами клуба, собравшимися посмотреть на игру. Президент Чарлз Уитмор глядел на далекие заснеженные вершины и думал, как хорошо было бы сыграть партию в гольф безо всех этих людей и особенно без остряка-хозяина Пита Гейнора.

— Вот что я скажу вам, ребята,— зубоскалил Гейнор с репортерами.— Я буду играть с президентом в гольф, но и только. Те, кто играл с ним в другие игры, уже доигрались.

Репортеры и члены клуба рассмеялись с готовностью. Импровизированные остроты Гейнора были не так уж забавны, но он сорок лет смешил Америку в кино, по радио и телевидению, и теперь смех начинался по привычке, как дань прошлому.

Ник Гальяно стоял чуть поодаль от всех, не попадая в кадр. Одет он был в рубашку «поло» и дорогие брюки для гольфа, как и все члены клуба, собравшиеся у первой метки, но стеснялся своего лица. У тех были холеные лица богачей; у Ника было лицо балтиморского бармена, лицо плебея, и теперь, когда все улыбались шуткам Пита Гейнора, он хмурился. Выждав, когда прекратится смех, он окликнул президента:

— Слушай, босс, а особнячок здесь ничего. Может, тебе побелить его и перебраться сюда?

Толпа оценила шутку и рассмеялась, а Гейнор закатил глаза в наигранной досаде.

— Кто этот человек, мистер президент? Он просто крадет все мои реплики.

Снова послышался смех — толпа получала больше, чем ожидалось. Ник Гальяно подмигнул, сделал вид, что бьет клюшкой по мячу, и сострил еще раз:

— Кроме шуток, босс, Палм-Спрингс — отличное место. Видно, Агню был не так уж глуп.

Репортеры и фотографы расхохотались, но члены клуба не сочли эту шутку смешной. Чарлз Уитмор, подмечавший почти все, заметил, как один бородач, репортер из журнала не то «Роллинг рок», не то «Стоун эйдж», что-то черкнул в блокноте.

— Ребята, последнее замечание Ника не для печати,— сказал Уитмор, и бородач нахмурился, но блокнот спрятал.

Президент также заметил, что, услышав об Агню, Пит Гейнор поджал губы. И понял, что комик с бывшим вице-президентом несколько лет назад были друзьями. «Черт с ним,— подумал Уитмор,— этот спектакль затеял он, а не я».

Но это было не совсем так. Уже несколько десятилетий президенты и кандидаты в президенты, приезжавшие в Палм-Спрингс, по традиции играли в гольф с Питом Гейнором, потому что Гейнор был любимым атрибутом Америки, первым ее комиком, фотографирование с ним тоже было политикой, как ношение шляпы времен войны с индейцами или шествие в процессиях в день святого Патрика. И дело было не только в фотографиях. Пит Гейнор был богат, а его друзья еще богаче. Он был влиятелен, как президент корпорации или издатель газеты, и от его приглашения на партию в гольф никто из политиков не мог отказаться. Это походило на ленч с профсоюзным боссом Джорджем Мини — улыбайся и терпи.

— Ребята, знаете, где остановился президент?— обратился Гейнор к собравшимся.— В поместье Холленфилда. А вы хоть видели его? Поместье Холленфилда — это то, что создал бы бог, будь у него деньги.

Старая шутка вызвала новый взрыв смеха. Уитмор стал нервничать. Ему надоело быть партнером комика.

— Давай начинать, Пит,— сказал он.— Ник, ты точно не хочешь играть?

— Не хочу, босс,— ответил Гальяно.— У меня похмелье никак не пройдет.

— Ник, ну ты знаешь поговорку,— вмешался Пит Гейнор.— Мужчине с похмелья нужен аспирин, а женщине бюстгальтер. И в наши дни, похоже, многие из них нуждаются в бюстгальтерах.

Уитмор отметил, что комик предпочел отпустить шутку, а не пригласить Ника принять участие в игре. Но это было понятно. Пит Гейнор играл в гольф с президентами, а не с их подручными. А у Ника, похоже, в самом деле было жуткое похмелье. В последнее время он пил слишком много. Уитмор решил выяснить почему и отошел к первой метке.

Президент ударил сильно, но неточно. Его первый мяч пролетел над головой агента секретной службы, стоявшего у пальмы ярдах в двухстах.

— Подкрепитесь, мистер президент,— сказал Пит Гейнор.— Все принцы крови, приезжающие сюда, подкрепляются на первой метке.

Вторая подача Уитмора была прямой и высокой и вызвала недружные аплодисменты зрителей. Уитмор усмехнулся, помахал им рукой и подумал, сколько из них могло голосовать за него. В лучшем случае, решил он, процентов двадцать.

Гейнор подошел к мячу, подмигнул толпе, повозился с клюшкой, потом, скованно, неловко размахнувшись, каким-то чудом послал мяч на тридцать ярдов дальше, чем президент.

— Отлично, Пит,— сказал Уитмор вполне искренне. «Старикану,— подумал он,— никак не меньше семидесяти».

— Этим я обязан добродетельной жизни,— ответил Гейнор.— Пойдемте, мистер президент, я вас подвезу.

Он повел Уитмора к светло-голубой мототележке с бахромчатым тентом и своими инициалами на борту. Ник Гальяно сплюнул и сел в другую тележку с Уолтом Харригеном, главой наряда агентов секретной службы. Уолт был стройным, загорелым молодым человеком с большим носом и лохматой шевелюрой.

— Этот тип не педик? — спросил Ник, когда они катили по полю футах в двадцати от президента.

— Гейнор? Нет, просто он так себя держит. У этого старого козла полно женщин.

— Ты встречался с ним раньше?

— Да, я приезжал, когда он играл в гольф с Агню, а потом еще с Фордом.

— Что ты о нем скажешь?

— Гад он. С уходом репортеров оставляет свои шуточки и становится обычным надменным богачом. Он всегда просил наших ребят отыскать ему мяч. А мы здесь вовсе не затем, чтобы искать мячи. Дело в том, что тогда было неясно, можно ли поспорить с таким типом и не потерять работу. Но мы перевоспитали его.

— Как же вам это удалось?

Уолт остановил тележку и понизил голос, а президент тем временем готовился нанести еще один удар по мячу.

— Ладно, скажу только, что если он посылал кого из наших за мячом, то мяч н и к о г д а не находился. Или оказывался футах в двух под водой. Он понял. Не стал присылать бесплатной выпивки, но мы об этом не жалеем. Богачи все такие. Липнут к большим шишкам, а остальных и за людей не считают. Пожалуй, единственный из них, кого я уважаю, это Джефф Филдс, тот актер, что принимал участие в кампании. Он стоящий парень.

Остановив тележку в тени пальм, они стали смотреть, как президент и Гейнор загоняют в лунку мячи. Комик загнал мяч с двадцати футов, а Уитмор с шести дважды промахнулся.

— Эй, давай удвоим ставки,— протрещал Гейнор, вызвав жидкие смешки у репортеров и фотографов, наблюдавших за игрой. Президент нахмурился и пристально посмотрел на Уолта Харригена.

— Сейчас вернусь,— сказал Уолт Нику, спрыгнул с тележки и подошел к репортерам.

— Очень жаль, ребята,— сказал он.— До конца матча никакой прессы.

— Что за чертовщина? — сказал репортер из

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—20.

«Нью-Йорк таймс».— Раньше никогда такого не бывало.

— Ничего не поделаешь,— сказал агент.— У меня инструкции.

— От кого? — спросил бородач.

— От начальства,— солгал агент.— Шли бы, ребята, в клуб, промочили бы горло и вернулись к концу.

— Выпить я не прочь,— признался один репортер, и, немного поворчав, джентльмены прессы направились к зданию клуба.

— Кто этот бородатый? — спросил Ник, когда они с Уолтом катили ко второй метке.

— Мы проверяли его,— сказал Уолт.— Он неопасен.

— Среди них нет неопасных,— злобно сказал Ник.— Это стервятники. Даже нет, снайперы, вот кто. Рядом с боссом они свойские ребята — пьют его виски, смеются его шуткам,— а потом исподтишка обходятся с тобой, как Освальд с Кеннеди, только вместо пуль действуют словами.

— Да нет, большинство из них ничего,— сказал Уолт.

— Притом еще лицемеры,— продолжал Ник.— Все такие благородные, нравственные, прямо-таки святые. А знаешь, где сейчас половина из них? В отеле, милуются с барменшами или с девками, привезенными из Лос-Анжелеса.

Уолт улыбнулся.

— Да,— сказал он.— У них это называется правилом «западнее Потомака» — ни один репортер восточнее Потомака не говорит о том, что другие делают западнее.

— Вы присматриваете за ними, так ведь?

— Знаем, кто из них где,— сказал агент.— И с кем.

Он снова остановил тележку, и они смотрели, как президент и Гейнор делают подачи со второй метки. На сей раз президент загнал мяч на соседнюю дорожку, а комик уверенно послал свой точно посередине. Потом маленький караван мототележек с тентами тронулся снова.

— Мне кто-то сказал, что Джефф Филдс в городе,— сказал Уолт Харриген.

— В городе,— подтвердил Ник.

— Он заглянет сюда?

— Нет,— жестко ответил Гальяно.— Джефф не особенно респектабелен. Слишком много ходит слухов о его похождениях с женщинами. Нельзя так распускаться и надеяться, что президент допустит тебя к себе.

— Да,— сказал Уолт.— А разве не странно, что та женщина была убита в его доме?

— Ничего странного,— сказал Ник.— Они были друзьями. Н а с т о я щ и м и друзьями, если хочешь знать.

Молодой агент не понял, что имелось в виду, однако Ник оставил эту тему, и она вскоре забылась. На зеленых, похожих на ковровые, дорожках продолжался матч. Вокруг сверкали под утренним солнцем искусственные озера и нежной расцветки домики для гостей, разбросанные по громадной лужайке словно пасхальные яйца. Вскоре Чарлз Уитмор опередил Гейнора и стал играть сдержаннее. На девятой дорожке, когда репортеры уже вернулись, он одним ударом загнал мяч с песчаного препятствия в лунку. Пит Гейнор

в деланном ужасе воздел руки и трижды пытался попасть в лунку, сделав в итоге на один удар больше, чем Уитмор. Президент с любопытством смотрел, как комик промахивается с расстояния в восемнадцать дюймов. Нарочно? Так поступали многие. Как глупо. Неужели они думают, что ему это важно?

— Может, еще партию? — спросил Пит Гейнор, когда они шли к фотографам.— Одна победа не в счет.

— Увы, Пит,— ответил Уитмор.— День у меня занят.

— Ладно, увидимся вечером,— сказал комик.— Я представляю вас за обедом.

— Не отбивай у меня внимания.

— Ха! Я знаю, кто отбивает у всех внимание.

Уитмор собрался уходить, но фотографы просили еще снимков, тогда Гейнор вынул карточки участников соревнования и стал, позируя, подписывать их.

— Знаете, мистер президент,— негромко сказал он,— сегодня на обеде будет несколько человек, ждущих, что вы скажете об этой истории с благотворительностью. Эти люди всегда на вашей стороне, но их беспокоят слухи о благотворительных планах, идущих из Вашингтона.

«Вот в чем дело,— подумал Уитмор,— главное всегда выясняется последним».

— Я запомню, Пит. Спасибо, что сказал.

— Вы меня знаете, я не политик,— продолжал Гейнор.— Но, клянусь богом, похоже, что многие в этой стране не желают зарабатывать себе на жизнь.

— Да,—сказал Уитмор.— Иногда я встречаю таких.— И повернулся к фотографам.— Это все, ребята. До вечера.

Он направился к ждущему лимузину, но Пит Гейнор пристроился сбоку.

— Послушайте, мистер президент, может, вечером после обеда заедем ко мне чуть-чуть расслабиться? Никакой политики, немного выпьем, повеселимся. Может, заглянет парочка нежных молодых созданий — я помогаю им начать карьеру в шоу-бизнесе. Им доставит наслаждение познакомиться с вами. Подчеркиваю — н а с л а ж д е н и е.

Старый, седой комик подмигнул, и Уитмор чуть не рассмеялся ему в лицо. Неужели они думают, что он н а с т о л ь к о глуп?

— Посмотрим, как пойдут дела, Пит. У меня очень жесткий распорядок.

Президент ускорил шаг и влез в прохладный лимузин. Там его ждал Эд Мерфи со списком телефонных звонков и стопкой докладных записок. Едва «линкольн» стал удаляться от клуба «Буревестник», Мерфи начал излагать проблемы последних двух часов, и Уитмор выпаливал свои решения. Когда лимузин свернул на проезд Фрэнка Синатры, самые срочные дела были решены, и Уитмор переменил тему.

— Эд, я больше не желаю видеть этого клоуна.

— Он представляет вас сегодня вечером.

— Знаю. На этом точка. Поверишь ли? Этот тип хотел, чтобы вечером я поехал с ним к девкам.

— Раньше такое случалось.

— Раньше кое у кого из этих типов совсем не было вкуса. И очень мало здравого смысла. По-

слушай, вечером я хочу вставить кое-что в свою речь. Сунь туда из моей принстонской речи кусок о том, что люди должны помогать друг другу, об их взаимосвязи. Помнишь его?

— Поймите, сегодня там будут одни толстосумы.

— Я знаю, кто они. Может, они не знают, кто я.

— Понятно.

— Вот еще что. Ты заметил, что Ник много пьет в последнее время?

— Заметил.

— Пригляди за ним. Если он начнет создавать проблемы, придется что-то предпринять.

— Понятно,— снова сказал Эд Мерфи.

Лимузин замедлил ход и свернул в главные ворота усадьбы отсутствующего Холленфилда, потом пронесся мимо частного поля для гольфа, мимо аэродрома, мимо озер, где плавали лебеди, мимо открытых и закрытых теннисных кортов, мимо большого бассейна, возле которого несколько свободных агентов секретной службы вели бесконечную игру в покер. В конце концов лимузин свернул, и вдали показался особняк Холленфилда, розовый дворец сверкал на фоне яркоголубого неба.

— Говорил я тебе, что он продает поместье?— спросил Уитмор.— За восемь миллионов.

— Оно что, слишком мало?

— Недостаточно укромное. Видишь то здание? Вдали над деревьями виднелись верхние этажи нового роскошного строения.

— Он говорит, что с верхних этажей можно увидеть в бинокль, как он играет в гольф,— объяснил Уитмор.— И считает это вмешательством в личную жизнь.

— Бедняга,— сказал Эд Мерфи. Когда лимузин приблизился к особняку, он стал складывать бумаги.— Знаете,— сказал он,— двое репортеров говорили, что вряд ли вам стоило останавливаться здесь. Говорили...

— Я знаю, что они говорили,—сказал Уитмор.— Ну их к черту. Они сами жили бы здесь, если б могли. Будем же, пока можем, пользоваться всем первоклассным.

«Линкольн» остановился перед особняком, и капитан морской пехоты распахнул дверцу, чтобы президент вышел. Но Уитмор повернулся к Эду Мерфи.

— Рассказывал я тебе, что говорил Хью Лонг о том, как он одевается? Его упрекали, что он одет, как миллионер. Он сказал: «Пусть каждая мать в Луизиане смотрит на Хью Лонга и думает, что ее сын вырастет и тоже будет так одеваться».

Эд Мерфи усмехнулся, что бывало с ним редко. Уитмор стал вылезать из машины, потом обернулся.

— Говорил с нашим другом-актером?

— Говорил.

— Согласился он?

— Да. Неохотно, но согласился.

— Отлично,— сказал президент, легко вылез из лимузина и стал подниматься по ступеням предоставленного ему особняка.

19

Было поздно, в кабинете стояла тишина, будто в склепе, и Нортон безуспешно пытался сосредоточиться на статье в «Американ ло ревью». Между строк ему постоянно виделась злобная ухмылка Гейба Пинкуса, а когда он взглядывал на часы, то Гейб скалился и оттуда, словно какой-то злобный Микки Маус. Нортон отшвырнул журнал и хмуро уставился на стену, недоумевая, почему поддался на уговоры Гейба. То, что он замышлял, было безумием. И, более того, преступлением. «Но это необходимо»,— доказывал Гейб и одержал верх.

Нортон услышал, как Джордж Ивенс, единственный сотрудник, не ушедший домой, кашляет в своем кабинете за стенкой. Он поднялся и выглянул в окно. Посмотрел на людей, выходящих из французского ресторана внизу, потом глянул в глубь улицы, и ему показалось, что он заметил фигуру, прячущуюся в темноте у входа в магазин грампластинок. Гейб? Или ему кажется? Нортон потряс головой, потом обернулся на стук в дверь.

— Заходи, Джордж,— пригласил он, и худощавый нервный человек лет тридцати с небольшим неуверенно вошел.

— Извини, если помешал,— сказал он.

— Не помешал, Джордж. Я уже собрался уходить.

— Я тоже,— сказал Джордж Ивенс.— Чего ты так засиделся?

Ивенсу явно хотелось поговорить, а Нортону— оттянуть предстоящее безумие, поэтому он жестом пригласил коллегу сесть.

— Наверстываю, что не успел прочитать,— сказал он.— Столько всяких дел, черт возьми.

Ивенс печально кивнул.

— Я слышал, Бен, ты получаешь новую должность. Возглавишь отдел корпоративного права. Везет же тебе.

Нортон догадался, что слух распустил Уит Стоун. Нортону о новом назначении он больше не заикался. Интересно, что бы это могло значить?

— Мы говорили с Уитом на эту тему,— сказал он.— Но что из этого выйдет, не знаю.

Ивенс выдавил неприятную улыбку.

— Уит всегда так держит себя, верно? Никогда не знаешь, что тебя ждет. Иногда я думаю, что овчинка выделки не стоит.

Вместо ответа Нортон налил в стаканы виски и разбавил водой. Джордж Ивенс был славным человеком и толковым юристом. Уит Стоун выматывал ему душу и портил карьеру. Или в более широком смысле портила ее неписаная всесильная система, по которой крупнейшие юридические фирмы в стране решают, кому преуспеть, а кому нет.

Система эта была простой. Самые престижные фирмы нанимали трех-четырех молодых юристов, чтобы в конце концов взять одного из них в компаньоны. После пяти-шести лет испытания эти люди либо шли в гору, либо увольнялись. Несколько избранных становились компаньонами с пожизненной должностью и все повышающейся долей в доходах фирмы. Отвергнутые должны были уйти не с позором, но сознавая, что отныне они будут в своей профессии людьми второго сорта. Старшие компаньоны подбрасывали им черные шары, потому что эта система напоминала собой студенческие братства — по разным причинам. Одни были некомпетентны. Другие носили не те галстуки, занимали не ту платформу или женились не на тех женщинах.

Большинство забаллотированных переходило в фирмы помельче. Некоторые бросали профессию юриста или спивались. Кое-кто кончал самоубийством. Кое-кто годами терзался в неопределенности, надеясь на чудо. Терзался сейчас и Джордж Ивенс, а Уит Стоун спокойно наблюдал за его страданиями. Нортон не понимал, почему Ивенс не взглянет в лицо действительности. Может, потому, что на него давила честолюбивая жена.

— Не знаю, стоит ли овчинка выделки? — повторил Ивенс, потирая щетину на подбородке.— Иногда мне кажется, что лучше преподавать. Деньги — это еще не все. Тебе не приходят такие мысли?

Нортону вспомнились студенческие дни с бесконечными спорами о Жизни, Правде и Будущем. «Жизнь — это продолжение колледжа,— подумал он,— черные шары, споры и давление боссов до самой могилы».

— Конечно, приходят, Джордж,— ответил он.— С одной стороны, преподавание меня манит. Не изматываешься, никто на тебя не давит, все идет по заведенному распорядку. Но, с другой стороны, хочется и практиковать.

Он не мог сказать Ивенсу того, что хотелось бы: об азарте труднодостижимого, духе соперничества, о стремлении добиться своего, проявить себя, глубоко и прочно укоренившихся почти во всех людях его поколения. Это поколение не выпадало из системы; оно вошло в нее и старалось изо всех сил в ней утвердиться.

— Хуже всего, что Уит очень уж скрытный,— сказал Ивенс.— Никогда не знаешь, что у него на уме. Таких людей я никогда не встречал. Иногда меня подмывает набить ему морду.

Он вяло улыбнулся и глянул в потолок.

— Это я в шутку, Уит,— сказал он. Младшие служащие постоянно шутили, что Стоун установил в кабинетах подслушивающие устройства.

— Ну, а у тебя будущее вроде определено,— продолжал Ивенс.— Не слышал, что станет с нами, бедными недотепами?

Это было уже слишком. Нортон и жалел Ивенса, и презирал за беспомощность.

— Почти никаких слухов не ходит,— сказал он, допил виски и поднялся.— Ну что, по домам?

— Конечно,— ответил Ивенс. Они собрали вещи и пошли длинным коридором к выходу.

Нортон вышел последним, захлопнул дверь и направился к лифту, потом остановился.

— Кажется, не захлопнулась,— сказал он.— Джордж, будь добр, проверь.

Ивенс вернулся, подергал дверь за ручку.

— Захлопнулась.

— Хорошо,— сказал Нортон. Они спустились на лифте в вестибюль, Нортон громко сказал «до свидания» сонному сторожу, отметил время в книге ухода и расписался разборчивее, чем обычно. Была полночь.

— Подвезти тебя? — спросил Ивенс.

— Я, пожалуй, пройдусь,— сказал Нортон. Они помахали друг другу на прощание, Нортон пошел по улице и, миновав французский ресторан, свернул за угол к магазину грампластинок.

— Бен, сюда,— послышался голос из темноты.

Нортон вошел в подворотню и обнаружил Гейба Пинкуса.

— Все чисто? — прошептал Гейб.

— Мы с этим человеком ушли последними.

— Кто он?

— Рядовой сотрудник.

— А уборщицы?

— Давно разошлись, в фирме никого, свет везде погашен,— сказал Нортон.— Гейб, я что-то побаиваюсь.

— Не хнычь,— резко сказал репортер.— Где ключи?

Нортон покорно полез в карман, но тут из-за угла вышли мужчина с женщиной. Гейб прижал его к стене. Парочка пошла дальше, оживленно говоря о новом фильме Бергмана.

— Ключи, ключи,— нетерпеливо прошептал Гейб.

Нортон отдал ключи.

— Большой отпирает дверь напротив автостоянки,— сказал он.— Наверх можно подняться, не проходя через вестибюль. Другой от двери в коридор. Потом уже действуй сам. Кабинет Стоуна в самом конце коридора.

— Знаю,— ответил Гейб.— А ты убирайся и где-нибудь покажись на глаза.

— Ради бога, будь осторожен,— сказал Нортон и торопливо пошел искать такси.

Гейб несколько минут оставался в подворотне, наблюдая за темными окнами фирмы «Коггинс, Копленд и Стоун». Одет он был лучше, чем обычно, в темный костюм с жилетом, и держал в руке кожаный портфель, стараясь походить на юриста, заработавшегося допоздна. Но его черные ботинки были на резиновой подошве, и в портфеле находились не юридические документы, а орудия взлома. Это дело нравилось ему не больше, чем Нортону. Работая полицейским репортером, он не раз нарушал закон, но в последнее время полагался на более тонкие средства. Сейчас ему было что терять. Но ради досье Гувера он был готов на любой риск.

Глубоко вздохнув, Гейб расправил плечи, вышел из подворотни и уверенно зашагал по улице. Несколько минут спустя он находился в приемной фирмы. Включив фонарик, направил луч света в темный коридор, ведущий к кабинету Уита Стоуна, и медленно пошел вперед. Дойдя до поворота налево, он осторожно выглянул из-за угла — и отпрянул назад, увидев свет под дверью одного из кабинетов. Гейб замер, мысленно проклиная Бена Нортона. «Все юристы ни к черту не годятся,— думал он,— одни мошенники, другие тупицы». Есть кто-нибудь в этом кабинете? Или Нортон ошибся, сказав, что свет везде выключен? Гейб слышал, как колотится его сердце. Нужно было либо уходить, либо ждать. Если б из кабинета послышался какой-то звук или кто-то вышел, Гейб, несомненно, успел бы убежать. Поэтому он ждал. Все звуки, которые он слышал — шум автобусов, хлопанье автомобильных дверец, внезапный взрыв смеха,— доносились с улицы. Пропуская их мимо ушей, Гейб сосредоточился на серебристой полоске света под дверью. Все его мысли были о досье Гувера, которое, возможно, находилось в пятидесяти футах и окажется у него в руках через полчаса. Досье Гувера! Гейб дрожал при этой мысли. Вся ослепляющая неопровержимая правда о тридцати годах американской политики, история алчности и вожделения, лжи, лицемерия и продажности небывалых в истории масштабов. Правда, которую даже самый осведомленный журналист не мог представить себе во всем объеме. Правда, которую знал только бог (если он существует, во что Гейбу не верилось) и не делился ею с журналистами.

Как ни странно, Гейб толком не представлял, что будет делать с досье, если найдет его. Продавать досье он не хотел и сомневался, что газета напечатает оттуда многое. Он хотел раздобыть досье для себя. Хотел взглянуть правде в лицо. Хотел увидеть тех людей в истинном свете, проникнуть за тщательно созданную для общества маску в черноту их душ. Вот уже десяток лет политиканы использовали Гейба в своих интересах, обманывали, унижали, презирали, и он стал считать себя одним из немногих честных людей в Вашингтоне. Это и возвышало его в собственных глазах, не журналистские премии, а сознание собственного превосходства. Если досье Гувера отыщется, оно сразу же подтвердит его худшие

предположения и оправдает высокое мнение о себе самом.

Прошло тридцать минут, из освещенного кабинета не донеслось ни звука, и Гейб решил, что свет, должно быть, забыла выключить уборщица, а этот болван Нортон не заметил. Он беззвучно шагнул за угол, остановился перед дверью, ничего не услышал и направился к кабинету Уита Стоуна. Замок открылся отмычкой. Гейб закрыл за собой дверь и осветил фонариком безмолвный кабинет. Представлял он собой прямоугольную комнату, в одном ее конце стоял стол, в другом диван и кресла. Гейб увидел возле дивана какую-то дверь — Нортон о ней не упоминал,— торопливо подошел и толкнул ее. Дверь отворилась, за ней была небольшая комната с картотекой и кроватью, еще одна дверь вела в ванную.

Удовлетворив любопытство, Гейб вернулся к столу Стоуна. Отперев верхний ящик, он обнаружил там пузырек аспирина, склянку с капсулами амилнитрита, Библию, несколько юридических документов и синюю адресную книжку. Сунув ее в карман, он стал обыскивать другие ящики. Там не оказалось ничего интересного, но в самом нижнем луч фонарика упал на большой пакет. Гейб вынул его, открыл и увидел машинописные страницы. Дрожащей рукой вытащил титульный лист, надеясь обнаружить фамилию «Гувер», но там было написано:

Донна ХЕНДРИКС

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ У ВЛАСТИ

РОМАН

Гейб злобно выругался, но сунул рукопись в портфель и принялся за поиски сейфа. Сейф оказался за снимком английского джентльмена в красной куртке, едущего верхом на псовую охоту, и Гейб вскоре понял, что, как он и опасался, с замком ему не справиться. Этому искусству он учился у знакомого, в прошлом преступника, но пальцам его не хватало той чувствительности, что была у мастера. При вращении диска кончики пальцев не улавливали щелканья тумблеров внутри. Он пожал плечами, снова надел перчатки и вернул на место охотничью сцену; собственно говоря, он сомневался, что у Стоуна хватит глупости оставить досье в таком доступном месте. Потом направился в комнатку, где была картотека. И едва вошел туда, услышал какой-то звук.

Погасив фонарик, Гейб стал смотреть в приоткрытую дверь. Дверь в кабинет распахнулась, и луч фонарика устремился к пустому столу.

— Ты у меня на мушке!—рявкнул вошедший.— Подними руки и выходи.

Гейб увидел в профиль незнакомого худощавого брюнета с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Притворив дверь, оставя лишь узкую щелку, он наблюдал, как незнакомец подошел к столу, подергал ящики, а потом с револьвером наготове стал медленно, настороженно поворачиваться, оглядывая безмолвный кабинет. Когда взгляд его упал на дверь, за которой скрывался Гейб, он медленно направился к ней. Гейб захлопнул дверь, замкнул и придвинул к ней шкаф с картотекой. Потом зашел в ванную и заперся. У него было три возможности. Драться с вооруженным, сдаться в надежде, что у него достаточно улик против Стоуна и можно будет отвертеться от тюрьмы, или бежать.

— Если не выйдешь через пять секунд, войду я! — крикнул незнакомец. Как ни странно, его мелодраматический выкрик вселил в Гейба надежду — похоже, незнакомец был дураком. Гейб стал открывать трудно поддающееся окно. Потом услышал негромкий выстрел. Этот сукин сын расправлялся с замком. Распахнув окно, Гейб выглянул. До тротуара не меньше двадцати футов, прыгать высоко, но вокруг здания тянулся узкий карниз.

Послышался грохот — незнакомец распахнул дверь, повалив шкаф с картотекой. Гейб вылез в окно и осторожно пошел по карнизу, но, едва прошел дюжину футов, преследователь высунулся из окна ванной и навел револьвер на его бешено колотящееся сердце.

— Возвращайся, приятель, иначе тебе конец.

— Ладно, друг, успокойся,— сказал Гейб.— Твоя взяла.

— Еще бы! — торжествующе прошептал тот.

Гейб глянул вниз. В дюжине футов под ним над тротуаром тянулся сине-белый парусиновый тент ресторана «Chez Pierre». «Ну что ж,— решил Гейб,— из двух зол выбирают меньшее»,— и прыгнул вниз.

Брезент с треском разорвался, и Гейб не особенно мягко приземлился на тротуар. Крепко сжимая портфель, он поднялся на ноги, довольный собой — такие переделки случались у него в бытность полицейским репортером,— потом взглянул вверх и с удивлением увидел, что его преследователь идет по карнизу, а потом — прыжок на разорванный брезент.

«Господи,— подумал Гейб,— это же п с и х!» И со всех ног побежал.

Преследователь пролетел через дыру в тенте, сильно ударился о тротуар и взвыл от боли, казалось, у него была сломана лодыжка. Но когда водитель такси притормозил и поинтересовался, что происходит, он пригрозил водителю пистолетом и, прихрамывая, погнался за Гейбом Пинкусом.

Гейб на всем бегу свернул за угол и увидел на ближайшем перекрестке полицейский автомобиль. Полиции он боялся почти так же, как психа, гнавшегося за ним, поэтому бросился искать спасения в единственном здании квартала, где двери были открыты,—кинотеатре «Гэйети». Судя по афише, там демонстрировалась программа из двух фильмов: «Радости парней» и «Все удовольствия». «В шторм годится любой порт»,— подумал Гейб, сунул контролеру несколько долларов и юркнул в зал.

В кинотеатре, набитом мужчинами всех возрастов, было темно, накурено. На экране несколько голых подростков лет шестнадцати отплясывали чарльстон. Гейб поискал взглядом пожарный выход, не нашел и сел на свободное место в первых рядах. Оглянувшись, он увидел, что его преследователь ковыляет по проходу, освещая фонариком ряды зрителей. Гейб вжался в сиденье, глянул на экран и почувствовал, как чья-то ладонь мягко легла ему на бедро.

«Черт побери!» — Гейб сильно двинул соседа локтем.

— Незачем д р а т ь с я,— негодующе сказал тот, убирая руку.

Гейб оглянулся снова и увидел, что преследователь неумолимо приближается, освещая фонариком каждый ряд и выхватывая из темноты поразительные сцены: мужчин, раздетых до пояса, мужчин в платьях и париках, мужчин, положивших головы на колени другим. Когда преследователь был в трех рядах, Гейб лег на пол и пополз между ногами сидящих к выходу. Вскоре пытливые руки начали щипать и тыкать его. Он все терпеливо сносил, но когда один обладатель волосатых ног ткнул его особенно сильно, Гейб так вывернул ему лодыжку, что послышался хруст. И пополз дальше, стараясь избегать теплых лужиц, усеявших пол, как мины минное поле, и вдруг все встали и зашумели на незваных гостей, один из которых ползал под ногами, а другой высвечивал фонариком их тайные радости. Когда кружок света был в трех футах, Гейб поднялся на ноги и оказался лицом к лицу с преследователем.

— Не двигайся, парень,— рявкнул тот одной стороной рта. Гейб толкнул его в ряд истеричных кинозрителей, выбежал из кинотеатра и наткнулся на двух крепко сложенных полицейских, блокирующих тротуар.

— Куда спешите, мистер? — спросил один.

— Фильм паршивый,— промямлил Гейб.

— О, я, кажется, знаю вас,— сказал другой.— Вы не репортер?

— Да,— сказал Гейб.— Я Ивенс Новак.

— Точно,— расплылся в улыбке полицейский.— Я ежедневно читаю вашу колонку. Как же в ы оказались в э т о м вертепе? — Лицо его вдруг помрачнело.— А вы случайно не...

— Нет, что вы! — решительно сказал Гейб.— Я хочу вывести этих гадов на чистую воду. Здесь половина госдепартамента. Они могут выболтать секретные сведения. Да, загляните-ка в зал. Там какой-то псих разошелся.

— Сейчас возьмем его,— пообещал полицейский.— А вы пишите свои статьи, мистер Новак.

Оба полицейских вошли в кинотеатр, а Гейб скрылся в ближайшем переулке, прижимая портфель к сердцу, усталый, но одержавший победу.

20

Нортон проснулся на рассвете, чувствуя себя словно перед виселицей. Включив стоявший возле кровати приемник, он торопливо завертел ручку настройки, ища скверных новостей. Не найдя, сел к парадной двери и сидел там, пока разносчик не принес «Пост», потом стал лихорадочно листать страницы в поисках заметки, озаглавленной примерно так: «Известный репортер задержан при взломе юридической фирмы. Сообщник разыскивается».

Но ничего подобного там не было. Нортон отшвырнул газету. Хотел было звонить Гейбу домой, но решил, что телефон Гейба наверняка прослушивается и у него самого, может, тоже. Он представил себе дерзкого Гейба в управлении полиции, его допрашивают с пристрастием, запугивают, бьют, но тот отказывается назвать сообщника. Потом, внезапно вернувшись на землю, представил, как Гейб заключает сделку с полицией и всю вину сваливает на него.

В конце концов Нортон решил встретить опасность лицом к лицу. Оделся и пошел пешком на работу, тщетно стараясь наслаждаться прекрасным майским утром, твердя себе, что, возможно, это его последнее утро на воле. И был слегка удивлен, увидя, что полицейских машин возле подъезда нет, только у ресторана несколько рабочих разгружают грузовики. Дверь фирмы он распахнул с отчаянием, ожидая увидеть целый взвод полицейских, но перед ним была только Джози, секретарша приемной.

— Приятель, на тебе лица нет,— сказала Джози.— Чем занимался ночью?

Нортон, запинаясь, стал что-то отвечать. Наконец Джози усмехнулась и сказала:

— Ну ладно, тебе только что звонили.

— Кто? — встревоженно спросил он.

— Не захотел назвать себя. Сказал, что позвонит еще.

Нортон ухватился за эту тонкую соломинку надежды. Должно быть, это Гейб. Он еще на свободе. Возможно, все сошло гладко. Нортон глубоко вздохнул и поплелся к своему кабинету. На полпути ему встретился Джордж Ивенс.

— Слушай, Бен,— заговорил он первым,— Уит не спрашивал тебя о том, что произошло вчера ночью?

— Вчера ночью?—переспросил Нортон с невинным видом.

— Кто-то пытался вломиться в его кабинет. В книге ухода он увидел, что мы расписались последними, и решил, что могли что-то заметить. Не говорил он с тобой?

— Пока нет,— сказал Нортон.— Видимо, понял, что я знаю не больше тебя. Как он? Расстроен?

— Ничуть,— ответил Ивенс.— Даже странно. Уит много лет не был со мной так любезен.

«Остерегайся любезной кобры»,— подумал Нортон и вошел в свой тесный кабинет. «Размером с тюремную камеру»,— мелькнула у него мысль. К счастью, тут раздался телефонный звонок.

— Опять тот загадочный человек,— сказала Джози, в голосе ее звучало жгучее любопытство.— Он сказал только, что вы с ним знакомы и что дело очень важное. Будешь говорить?

— Почему бы нет? — вздохнул Нортон.

Джози щелкнула переключателем — или она собиралась подслушать? — и Нортон приготовился услышать хриплый, заговорщицкий шепот Гейба, но в трубке раздался чей-то знакомый, мягкий, смущенный голос:

— Бен, я не могу назвать себя. Мне нужно с тобой поговорить.

— Ну что ж, заезжай ко мне на работу, приятель,— сказал Нортон.— Приемные часы у нас с двенадцати до двух.

— Я не могу приехать. У меня на то есть причины. Давай где-нибудь встретимся. Дело срочное.

Нортону хотелось бросить трубку, но его заинтриговал голос. Этого человека он знал. И не так давно разговаривал с ним. Но где, хоть убей, не помнил.

— Может, ты думаешь, что мой телефон прослушивается?—уклончиво сказал он, наслаждаясь своим юмором висельника.

— Не исключено.

— Верно, не исключено. Но если ты параноик, мой друг, то будь им до конца. Если мой телефон прослушивается, то за нами последуют до места нашей встречи. Эти гады торчат повсюду.

— Можешь ты быть серьезным? — спросил тот человек.— Дело срочное. В полдень я буду на Лафайет-сквер. Г идешь?

Плечи Нортона затряслись от беззвучного смеха.

— Конечно,— сказал он.— Почему бы нет? Кому придет в голову искать нас на Лафайет-сквер?

— Хорошо.

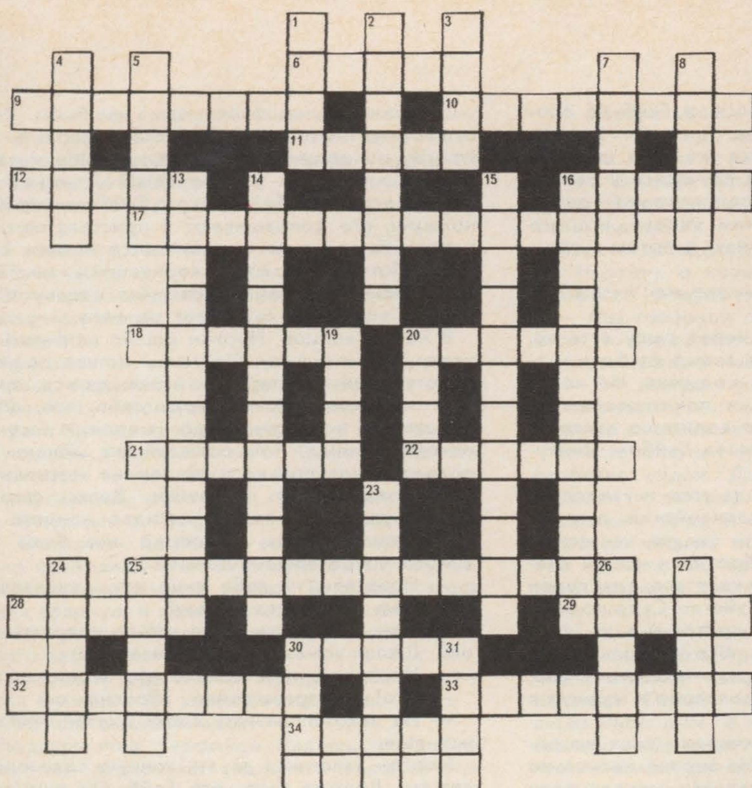
— Если ты не знаешь меня,— продолжал Нортон,— то за мной футах в десяти будут следовать двое в темных костюмах.

Но его таинственный собеседник уже положил трубку.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Сооружение над шахтным стволом. 9. Рассказ М. Горького. 10. Минерал, руда титана. 11. Злак с метельчатым соцветием. 12. Вид графики. 16. Озеро в Восточной Африке. 17. Метод исследования сложных объектов, явлений, процессов. 18. Музыкальный интервал. 20. Австрийский композитор XIX века. 21. Артист балета, народный артист СССР. 22. Декоративное травянистое растение. 25. Представительница основного населения союзной советской республики. 28. Культура микроорганизмов одного вида. 29. Область распространения определенных видов животных, растений. 30. Научно-популярный журнал для старшеклассников. 32. Жанр фольклора, устный рассказ со сведениями из истории. 33. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 34. Татарский поэт, публицист.

По вертикали: 1. Автоматически разгружающийся ковш для завалки в доменную печь шихты. 2. Комплекс сооружений для соревнований по конному спорту. 3. Музыкальный ансамбль. 4. Действующее лицо драмы Б. А. Лавренева «Разлом». 5. Центр воеводства в Польше. 7. Бельгийский скульптор и живописец, создавший героические образы рабочих. 8. Современный бальный танец. 13. Принцип коммунистической морали. 14. Порт в Швеции. 15. Прибор для вычерчивания плоских кривых. 16. Представительница коренного населения государства в Центральной Америке. 19. Один из героев романа А. Дюма «Три мушкетера». 20. Химик-технолог, академик, Герой Социалистического Труда. 23. Спортивная гребная лодка. 24. Начальный момент спортивного состязания. 25. Бразильский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 26. Птица семейства фазановых. 27. Актер, режиссер, народный артист СССР, снимавшийся в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918». 30. Приток Оби. 31. Период игрового времени в футболе, хоккее.

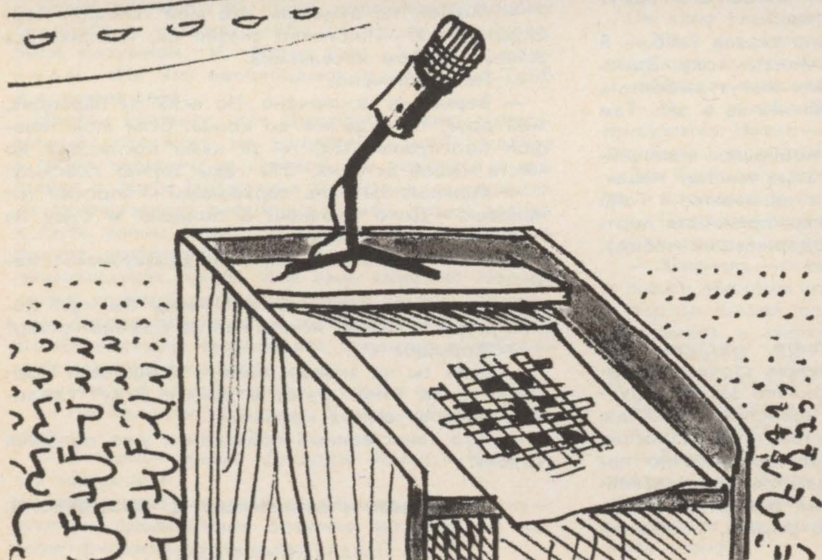
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 6. Охота. 9. Авилов. 10. Зарема. 11. «Школа». 12. Бежецк. 14. Гедрис. 15. Компьютер. 16. Пирогов. 18. Губанов. 19. Амортизатор. 22. Манжета. 23. Наньлин. 25. Папировка. 27. Эрудит. 28. Аптека. 29. Финал. 31. Акцепт. 32. Африка. 33. Орион.

По вертикали: 1. Ковш. 2. «Соловьи». 3. Фаза. 4. «Движение». 5. Клецк. 7. Триер. 8. Шмаринов. 13. Конгломерат. 14. Геоботаника. 17. Ветла. 18. Газон. 20. Частушка. 21. Виньетка. 24. Принцип. 25. Пикет. 26. Апуре. 29. Фтор. 30. Лань.

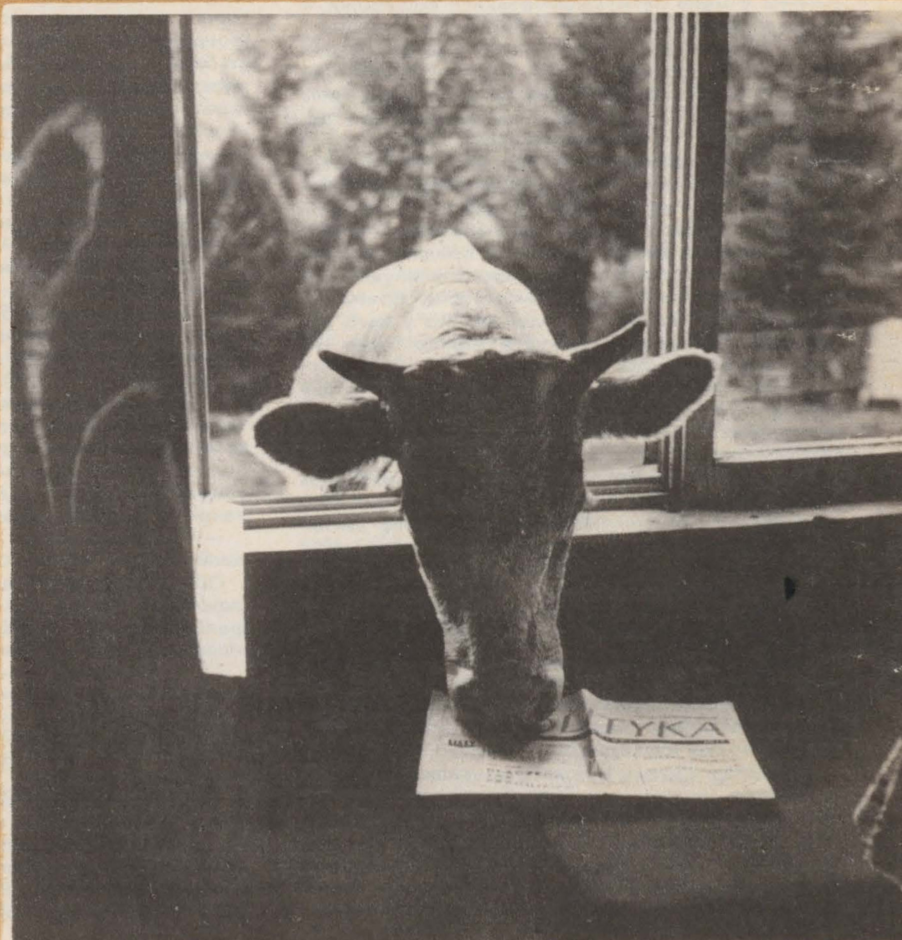
НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ВЗГЛЯД ПРИСТАЛЬНЫЙ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ

Многие зрители в книге отзывов пишут порою с удивлением: вот, мол, какая сила скрыта в них, во внешне незамысловатых, чаще всего черно-белых, журналистских снимках!

Выставка «Фотомастера польской прессы» была организована Союзом журналистов ПНР и посольством ПНР в СССР. Показ ее в нашей стране проводят Союз журналистов СССР и Всесоюзная фотографическая комиссия. Дебют выставки состоялся в Москве.

Чем же привлекает, чем увлекает зрителя эта композиция из журналистских снимков, когда-то промелькнувших на газетных и журнальных страницах и начавших вторую жизнь в новом выставочном контексте!

Лучшие из этих снимков — своего рода фотоисследование жизни. Исследование честное. Которое не страшится сложностей и противоречий, не прячет глаз от нежданных, не укладывающихся в предварительные сценарии результатов.

Привлекают и радуют жанровость, богатство жизненных связей, как бы пронизывающих выставку. Богатство при скупости! Скупости в построении, в выборе компонентов, деталей для отдельного кадра. Вглядитесь в гротескный «Еще не хватало нам здесь нудистов!!!» снимок Зенона Жибуртовича и его же необычайно точно «вырезанный» из времени и пространства кадр «Уезжаем на каникулы»...

Владислав ЗАПОРОЖЧЕНКО

● ЗЕНОН ЖИБУРТОВИЧ. Из серии «В детском доме».

● «Уезжаем на каникулы».

● «Еще не хватало нам здесь нудистов!!!»

● АЛЕКСАНДР ЯЛОСИНЬСКИЙ. «Любопытство».

ОДНАЖДЫ...

Случилось так, что однажды Евгений Березиков, писатель и публицист, зашел к знакомым художникам в реставрационные мастерские. Нельзя сказать, чтобы до этого Евгений Ефимович не видел или хотя бы не имел приблизительного представления о том, как работают живописцы, но тут замер в каком-то не свойственном его деятельной натуре оцепенении...

— Можно мне тоже попробовать, и я хочу...— как бы со стороны едва расслышал он собственный голос. Сколько пришлось писать картину, Евгений Ефимович не помнит. Она была сделана в каком-то упоении. Профессионалы-художники поразились. Им не верилось, что Березиков, человек с обликом работника серьезного ведомства, смог вот так запросто нарисовать тончайшую миниатюру.

Этот случай произошел в 1981 году в восточном городе Шахрисабз. Евгению Ефимовичу исполнилось тогда 45 лет.

Уже к 1986 году им было написано более трехсот композиций, он стал участником выставок в Москве и Ташкенте.

Работает Березиков, что называется, одним духом. Образы видит разом и, как он говорит, «в законченном сюжете». Наверное, поэтому среди его работ нет повторов и черновиков.

«Итальянское Возрождение,— говорит художник,— это тот фундамент, на котором нужно прочно стоять каждому. А уж потом думать, куда самому путь держать».

Гоген, Матисс и Модильяни увлекли нашего героя своей цветовой палитрой.

Но главными своими наставниками он считает русских мастеров — Ореста Кипренского и Александра Иванова. «Это та родниковая вода, которую я пью каждый день»,— повторяет Евгений Березиков.

Олег ТУРКОВ

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663